Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Лебин Василий Витальевич

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ»

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Смирнова Ирина Георгиевна,
доктор юридических наук, доцент

Москва - 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ... 20

§ 1. История становления и развитие понятия «участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом» и нормативного закрепления их правового положения..... 20

§ 2. Неопределенный процессуальный статус участников уголовного судопроизводства: понятие, структурные элементы..... 32

§ 3. Признаки и классификация участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом..... 53

ГЛАВА 2. ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ..... 85

§ 1. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом..... 85

§ 2. Права участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом 105

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ..... 139

§ 1. Понятие и система процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом..... 139

§ 2. Процессуальный механизм обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом 167

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 217

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 223
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Результаты анкетирования судей..... 259
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Результаты анкетирования работников прокуратуры 262
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Результаты анкетирования следователей (дознавателей)..... 265
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Результаты анкетирования адвокатов 268

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, является одним из фундаментальных требований правового государства, вытекающих из ст. 2, ст. 45, ст. 46 и ст. 52 Конституции РФ. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) в п. 58 ст. 5 определяет участников уголовного судопроизводства как лиц, принимающих участие в уголовном процессе, а в ст. 6 УПК РФ провозглашает защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод в качестве назначения уголовного судопроизводства.

Раздел II УПК РФ (гл. 5—9) регламентирует процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, однако содержащийся в нем перечень не охватывает всех лиц, фактически вовлекаемых в производство по уголовному делу. Заявители, очевидцы, лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, собственники и законные владельцы имущества, на которое наложен арест, лица, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий, поручители, залогодатели, реабилитируемые и иные лица вступают в уголовно-процессуальные отношения, не имея определенного процессуального статуса.

Правовое положение таких лиц урегулировано фрагментарно либо вовсе не урегулировано. Это порождает правовую неопределенность, затрудняет реализацию указанными лицами своих прав и обусловливает их уязвимость в уголовном судопроизводстве. Еще в 2000 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П указал, что обеспечение конституционных прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным процессуальным признанием лица участником производства по

уголовному делу, а наличием сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Масштаб проблемы подтверждается результатами проведенного автором анкетирования 308 респондентов — судей, прокуроров, адвокатов и следователей. Эти результаты показывают, что применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом проблема состоит прежде всего в затрудненности доступа к судебному контролю: значительная часть их жалоб не рассматривается по существу и отклоняется по формальным основаниям. Наиболее проблемными ситуациями респонденты считают непредоставление информации лицу в ходе проведения доследственной проверки (54,5 % респондентов), отказ в принятии жалобы заявителя ввиду отсутствия у него процессуального статуса (42,9 %), наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование (38 %), а также необеспечение прав близких родственников погибшего (29,5 %). При этом 58,2 % опрошенных констатировали недостаточность существующих в УПК РФ гарантий для защиты прав лиц с неопределенным процессуальным статусом.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости разработки научно обоснованных стандартов регламентации прав участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Анализ судебной практики выявил систематические отказы судов первой инстанции в принятии и рассмотрении жалоб таких лиц по формальным основаниям: собственнику имущества отказывают со ссылкой на неподтвержденность его статуса заинтересованного лица, заявителю — ввиду отсутствия у него полномочий на обжалование. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций последовательно указывают на необходимость оценки фактического ограничения прав и законных интересов заявителя[1]. Подобная непоследовательность правоприменения свидетельствует об отсутствии процессуального комплаенса —

[1] Постановление Перовского районного суда г. Москвы от 6 июня 2025 г. по делу № 3/12-0048/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/e823g8U0rro/ (дата обращения:

единой нормативной модели должного поведения должностных лиц в отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом, охватывающей корреспондирующие их правам обязанности, порядок исполнения этих обязанностей и контроль за их соблюдением.

Изложенное обусловливает необходимость комплексного научного исследования проблем обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, разработки теоретической модели такого обеспечения и формулирования предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Общие вопросы правового положения участников уголовного процесса затрагивали в своих исследованиях многие ученные. Об этом писали Н.С. Алексеев, В.П. Божьев, В.Г. Даев, О.А. Зеленина, Л.Д. Кокорев, Л.И. Лавдаренко, П.А. Лупинская, Р.Д. Рахунов, Н.Н. Розин, В.К. Случевский, И.В. Смолькова, М.С. Строгович, И.Я. Фойницкий, М.А. Чельцов, В.Н. Шпилев, П.С. Элькинд, Ю.К. Якимович и другие исследователи.

Отдельные проблемы правового положения лиц, не наделенных определенным процессуальным статусом, были предметом рассмотрения в работах А.Л. Аристархова, А.А. Давлетова, М.В. Зяблиной, Е.Н. Карпова, П.Г. Марфицина, Э.Р. Миргородской, О.С. Морозовой, В.В. Мурылевой-Казак, И.Г. Смирновой, П.Г. Сычева, В.Т. Томина, Т.В. Трубниковой, Н.В. Угольниковой и других ученных.

Вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, обеспечения ряда процессуальных гарантий и средств защиты являлись объ-

---

22.03.2026); Постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 июля 2025 г. по делу № 3/12-260/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal-materials/details/d1b86f70-63ae-11f0-9a5a-0b727480b8e9 (дата обращения: 22.03.2026); Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 77-2312/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026); Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

ектом изучения Л.А. Воскобитовой, О.В. Гладышевой, Н.Н. Ковтуна, В.А. Лазаревой, А.А. Лукьяновой, А.М. Панокина, В.А. Семенцова, О.В. Химичевой, Р.В. Ярцева и других известных ученых.

Общие проблемы обеспечения процессуальных гарантий, реализации права на защиту и доступа к правосудию исследовались в трудах В.М. Галкина, Л.И. Ильницкой, Н.А. Логинова, Л.Н. Масленниковой, Е.Б. Мизулиной, Р.В. Мазюка, А.А. Тарасова, А.А. Самохвалова, С.Д. Шестаковой и других.

Отдельным аспектам рассматриваемой темы посвящены следующие диссертационные исследования: в работе Е.Н. Карпова «Процессуально-властные субъекты уголовного процесса с недостаточно определенным процессуальным положением» (2011 г.) рассмотрены лица, наделенные властными полномочиями; исследование В.В. Мурылевой-Казак «Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства» (2023 г.) посвящено имущественным аспектам правовой защиты таких лиц; в диссертации О.С. Морозовой «Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства» (2024 г.) рассмотрены отдельные вопросы процессуального положения участников предварительного расследования без комплексного исследования обеспечения их прав и законных интересов на иных стадиях.

Не умаляя значимости проведенных исследований, отметим, что комплексного изучения обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, нуждающихся в защите, до настоящего времени не проводилось.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с вовлечением в уголовное судопроизводство лиц, с неопределенным процессуальным статусом, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями и решениями при проверке сообщения о преступлении и производстве по уголовному делу, а также в связи с обеспечением прав и законных интересов указанных лиц.

Предметом диссертационного исследования выступают теоретические положения уголовно-процессуального права, связанные с проблемами правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, общепризнанные принципы и нормы международного права, конституционные положения и уголовно-процессуальное законодательство, регулирующие процессуальный статус таких участников уголовного судопроизводства, судебная статистика и судебная практика в части избранной темы.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке целостной, научно и методологически обоснованной системы теоретических положений об участниках уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом и процессуальном механизме обеспечения их прав и законных уголовно-процессуальных интересов в ходе производства по уголовному делу.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Исследовать эволюцию правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом в российском уголовно-процессуальном законодательстве – от Судебных уставов 1864 года до действующего УПК РФ.

2. Раскрыть сущность неопределенного процессуального статуса, как уголовно-процессуального понятия, выявить его структурные элементы и признаки.

3. Предложить научно обоснованную классификацию участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

4. Выявить и систематизировать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, нуждающиеся в правовой защите, и на их основе определить совокупность процессуальных прав, образующих стандарт минимальных привилегий.

5. Исследовать понятие и предложить систему процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

6. Разработать процессуальный механизм реализации гарантий прав и законных интересов указанных лиц, обусловленный этапом производства по уголовному делу.

7. Сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на нормативное закрепление стандарта минимальных привилегий участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

Методологическая основа диссертационного исследования включает общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, системный, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический и социологический методы, а также триалектический подход. Историко-правовой метод позволил изучить динамику изменения правового положения указанных участников от дореволюционного этапа развития законодательства до настоящего времени; системный метод применен при разработке классификации и моделировании процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов; формально-юридический метод позволил сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения; статистический метод выступил базисом оценки эффективности реализации отдельных процессуальных гарантий; социологический метод (анкетирование) нашел применение для выявления мнения значимых групп респондентов и прогнозирования действенности предлагаемых законодательных решений.

Особое место в методологии исследования занял триалектический подход, являющийся творческим развитием диалектического метода. Согласно этому подходу публичное и диспозитивное начала уголовного судопроизводства соотносятся как целое и часть. В настоящей работе триалектический под-

ход, предложенный Л.Н. Масленниковой, применен при формулировании триалектики критериев систематизации лиц без определенного процессуального статуса, нуждающихся в обеспечении их прав и законных интересов.

Нормативную основу диссертационного исследования составили Конституция РФ, международно-правовые акты, федеральные законы, дореволюционные и советские уголовно-процессуальные нормативные правовые акты (Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства 1958 г.), правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, затрагивающие вопросы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды ученых в области уголовного процесса, общей теории права, конституционного права по различным вопросам, связанным с темой диссертационного исследования. При подготовке диссертации автор обращался к исследованиям дореволюционных ученых, советских процессуалистов, а также к работам современных авторов, посвященным проблемам определения, нормативной регламентации и обеспечения правового положения участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, гарантий прав личности, ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют результаты изучения и обобщения 362 судебных решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и решений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам обжалования действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ, наложения ареста на имущество, производства

обыска, выемки, осмотра жилища и иных следственных действий, ограничивающих конституционные права лиц с неопределенным процессуальным статусом. Использованы данные официальной судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2025 годы, включая статистику рассмотрения ходатайств о производстве обыска, наложении ареста на имущество и рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

При написании диссертации использованы результаты проведенного автором анкетирования 308 респондентов, в том числе 85 судей, 92 прокуроров, 87 адвокатов и 44 следователей на территории Республики Бурятия, Приморского края, Астраханской области, Брянской области, Воронежской области, Иркутской области, Ленинградской области, Московской области, Ростовской области, Смоленской области, Тамбовской области, Тверской области, Ульяновской области, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена комплексным и завершенным характером проведенного анализа обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Впервые на монографическом уровне раскрыто понятие неопределенного процессуального статуса как особого правового состояния участника уголовного судопроизводства; разработана авторская классификация таких участников; выявлена и систематизирована типология их законных интересов; определено содержание стандарта минимальных привилегий как гарантируемого государством минимально необходимого и достаточного объема процессуальных прав; разработана целостная модель процессуального механизма обеспечения прав и законных интересов указанных лиц, а также сформулировано понятие процессуального комплаенса как нормативно установленной модели должного поведения властных субъектов, охватывающей корреспондирующие правам указанных лиц обязанности, порядок их исполнения и контроль за его соблюдением.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проведенный историко-правовой анализ свидетельствует о том, что проблема участия в уголовном процессе лиц с неопределенным процессуальным статусом имеет устойчивый и эволюционный характер. Уже в дореволюционном уголовном судопроизводстве существовали лица, фактически вовлекаемые в процессуальную деятельность, но не признаваемые полноценными участниками процесса. В советский период указанная проблема проявлялась в доктринальных спорах о критериях отнесения лица к участникам уголовного процесса. В современном УПК РФ она сохраняется вследствие противоречия между широким легальным определением участника уголовного судопроизводства и отсутствием регламентации процессуального статуса ряда фактически вовлеченных в производство по уголовному делу лиц.

2. Наличие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве значительного числа лиц, фактически вовлекаемых в уголовное судопроизводство, но не наделенных определенным процессуальным статусом, свидетельствует о самостоятельной уголовно-процессуальной проблеме, а не о техническом пробеле правового регулирования. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, отстаивающего собственный законный интерес, образует совокупность следующих взаимосвязанных структурных элементов — правосубъектность, процессуальные права, гарантии их реализации, процессуальные обязанности и ответственность за их неисполнение — и не распространяется на субъектов, реализующих публичную функцию.

3. В зависимости от характера фактического вовлечения участника уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом в уголовно-процессуальную деятельность такие участники могут быть классифицированы на четыре группы, каждая из которых соответствует самостоятельному способу вовлечения лица в производство по уголовному делу:

1) лица, инициирующие уголовное преследование, — заявитель и очевидец;

2) лица, фактически подвергающиеся уголовному преследованию без надлежащего процессуального статуса, — уголовно-преследуемое лицо, экстрадируемый и передаваемый;

3) лица, чьи права ограничиваются при применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий, — собственники и законные владельцы имущества, на которое наложен арест, а также лица, чьи иные конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий;

4) лица, добровольно вовлекаемые в уголовное судопроизводство, — поручитель, залогодатель и реабилитируемый.

Классификация охватывает не всех лиц с неопределенным процессуальным статусом, а только тех из них, чьи права и законные интересы затрагиваются производством по уголовному делу и нуждаются в защите. Она носит характер типологии и закрытого перечня не образует. Принадлежность лица к каждой из групп определяет содержание доминирующего у него законного интереса, а через него — объем необходимых лицу средств процессуальной защиты.

4. Исходной категорией для определения правового положения лиц с неопределенным процессуальным статусом выступает не субъективное право, а законный интерес. По характеру затрагиваемого блага законные интересы данных лиц носят имущественный, информационный и компенсационный характер, а также выражаются в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Именно категория законного интереса позволяет определять объем необходимых процессуальных прав и гарантий не произвольно, а в привязке к объективно затрагиваемому благу.

5. Достаточным основанием для предоставления участнику уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом специальных процессуальных гарантий выступает совокупность трех взаимосвязанных признаков, обязательных в их единстве. Такими признаками являются: наличие личного законного интереса, положение слабой стороны в уголовно-

процессуальном правоотношении и соотнесенность частного интереса с публичным характером уголовного судопроизводства. Только одновременное наличие всех трех признаков свидетельствует о том, что участник уголовного судопроизводства не способен защищать свои интересы имеющимися средствами и не является субъектом, вовлекаемым в процесс для реализации публичных функций.

6. Следует признать нецелесообразным расширение перечня процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства, поскольку законодательная дефиниция участника выполняет лишь идентификационную функцию, не образуя механизма реализации его прав и порождая риск избыточного расширения круга участников уголовного судопроизводства. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом достигается нормативным закреплением единого стандарта минимальных привилегий, под которым следует понимать гарантируемый государством минимально необходимый и достаточный объем процессуальных прав, предоставляемый фактически вовлеченному в производство по уголовному делу лицу в целях обеспечения его прав и законных интересов и выводимый из соотнесения доминирующих законных интересов с необходимыми средствами процессуальной защиты. Действенность стандарта минимальных привилегий обеспечивается процессуальным комплаенсом — нормативно установленной моделью должного поведения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда, охватывающей обязанности, корреспондирующие входящим в стандарт минимальных привилегий правам, порядок их исполнения и контроль за его соблюдением. Процессуальный комплаенс определяет содержание должного поведения властного субъекта, тогда как последовательность его реализации образует самостоятельный процессуальный механизм.

7. Реализация стандарта минимальных привилегий обеспечивается целостной системой процессуальных гарантий, элементы которой носят взаимосвязанный и взаимодополняющий характер. В ее состав входят: нормативный элемент (законодательное закрепление минимального объема процессуальных прав), субъектный (корреспондирующие обязанности должностных лиц), процессуально-формальный (процедурные правила реализации прав), контрольный (ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль) и восстановительно-компенсационный (средства восстановления нарушенных прав и возмещения вреда). Отсутствие любого из указанных элементов делает права лица необеспеченными; поэтому реализация прав лиц, не наделенных процессуальным статусом, возможна лишь при взаимодействии всех элементов системы.

8. Обеспечение прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом осуществляется посредством единого процессуального механизма, представляющего собой последовательность шести взаимосвязанных звеньев. Данный механизм охватывает возникновение юридического факта, с наступлением которого ограничиваются права и законные интересы лица, информирование лица и процессуальное оформление его положения, реализацию права на юридическую помощь, реализацию права на обжалование в порядке прокурорского надзора и судебного контроля, принятие решения по жалобе и восстановление нарушенных прав. Определенность и последовательность указанных звеньев обеспечивают участнику уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом возможность реализовать принадлежащие ему права без нормативной регламентации самостоятельного процессуального статуса.

9. В целях нормативного закрепления стандарта минимальных привилегий и устранения неопределенности в правовом положении лиц, фактически вовлекаемых в уголовное судопроизводство, предлагается дополнить УПК РФ статьей 60.1 «Права лица, фактически вовлеченного в уголовное судопроизводство», в которой:

¾ определить круг лиц, на которых распространяется действие данной статьи, через категорию фактической вовлеченности в уголовное судопроизводство в связи с проверкой сообщения о преступлении или производством по уголовному делу при наличии у лица личного законного интереса, затрагиваемого процессуальными действиями (бездействием) или решениями, не наделяя таких лиц самостоятельным процессуальным статусом;

¾ закрепить право получать информацию о принятых процессуальных решениях, затрагивающих права и законные интересы лица, путем вручения или направления копий таких решений;

¾ предоставить право участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод лица, либо представлять по таким вопросам письменные возражения и пояснения, за исключением случаев, когда участие лица несовместимо с целью процессуального действия;

¾ закрепить право обжаловать в порядке, установленном статьями 124 и 125 УПК РФ, действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, если такие действия (бездействие) и решения способны причинить ущерб правам и законным интересам лица либо создать препятствия для их реализации;

¾ предусмотреть право пользоваться помощью адвоката в связи с проверкой сообщения о преступлении или с момента фактического вовлечения лица в производство по уголовному делу;

¾ закрепить право требовать возмещения вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями или решениями, в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ;

¾ возложить на дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суд обязанность разъяснять указанному лицу его права и обеспечивать возможность их осуществления;

¾ предусмотреть право лица отказаться от участия в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением его прав или свобод, и от помощи адвоката, с письменным закреплением разъяснения лицу права пользоваться помощью адвоката и принятого им решения, а также с сохранением за лицом возможности воспользоваться этими правами в дальнейшем.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней комплексно исследованы проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом и предложен основанный на стандарте минимальных привилегий механизм обеспечения прав и законных интересов тех участников, которые нуждаются в дополнительной процессуальной защите. Сформулированные в диссертации теоретические положения вносят вклад в развитие разделов науки уголовно-процессуального права, посвященных правовому положению участников уголовного судопроизводства и процессуальным гарантиям их прав.

Практическая значимость работы состоит в том, что диссертантом предложен ряд научно-практических решений, позволяющих совершенствовать нормативно-правовую базу по вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Представленные в диссертации предложения законодательного характера, в том числе проект статьи 60.1 УПК РФ «Права лица, фактически вовлеченного в уголовное судопроизводство», направлены на устранение системного пробела в правовом регулировании и могут быть полезны для оптимизации уголовно-процессуального законодательства в исследуемой области.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при преподавании учебных курсов «Уголовный процесс», «Участие адвоката в доказывании по уголовным делам», для подготовки обзоров судебной практики по вопросам обеспечения прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроиз-

водство без приобретения определенного процессуального статуса, при проведении занятий по повышению квалификации должностными лицами органов предварительного расследования, прокуратуры, суда и адвокатов.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается применением методологического инструментария, соответствующего поставленной цели и задачам и достаточного для их достижения, а также репрезентативностью полученных эмпирических данных, сбор которых проводился с 2024 г. по 2026 г. В диссертации также использованы результаты эмпирических исследований, проведенных другими авторами.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 6 научных публикациях общим объемом 4,8 п. л., 5 из которых размещены в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты исследования докладывались и обсуждались на научных конференциях, в том числе международного уровня: Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025» (региональная площадка «Вернадский — Новосибирская область», Новосибирск, 2025), по итогам которой опубликованы тезисы доклада «Универсальные процессуальные права участников уголовного судопроизводства: нормативное закрепление и проблемы реализации»; Международной научно-практической конференции «Потерпевший в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной и криминологической теории и правоприменительной практики» (Москва, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 25–26 сентября 2025 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и судебной практики на современном этапе» (Москва, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, 9 октября 2025 г.); Всероссийской научно-

практической конференции «Цифровизация уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности: современное состояние и перспективы развития» в рамках IV Международного Байкальского юридического форума (Иркутск, Байкальский государственный университет, 10 октября 2025 г.); Международной конференции молодых исследователей «Цифровые вызовы современному уголовному праву и процессу» (Москва, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации**,** 13 ноября 2025 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс Байкальского государственного университета, Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина и Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, а также в правоприменительную практику Коллегии адвокатов «Право» Оренбургской области и Отдела МВД России по городскому округу Лобня. Диссертация выполнена на кафедре уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской, где она прошла рецензирование, обсуждение и была рекомендована к защите.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

§ 1. История становления и развитие понятия «участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом» и нормативного закрепления их правового положения

Исследование вопроса об участниках уголовного процесса в отечественной правовой системе неразрывно связано с кардинальной трансформацией российского судоустройства во второй половине XIX века, прежде всего с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 года. Судебная реформа 1864 г. ознаменовала переход от архаичной розыскной (инквизиционной) модели судопроизводства к принципиально новой состязательной системе, что повлекло коренное переосмысление роли и статуса различных субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Именно в этой новой правовой среде начали формироваться классические доктринальные представления о категории «участники уголовного процесса», их систематизации и функциональном назначении. Вместе с тем, как справедливо отмечает В.В. Мурылева-Казак, «в трудах дореволюционных юристов общая теория об участниках уголовного процесса, являющаяся классической сейчас, не встречается»[2]. Юристы дореформенной эпохи концентрировали усилия на изучении процессуального статуса отдельных, наиболее значимых участниках процесса. Позднее, по мере развития науки, возникла потребность в разработке общего понятия участников процесса и их классификации.

До реформы 1864 года российский уголовный процесс развивался в русле розыскной модели, для которой были характерны: тайное и письменное

[2] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 47.

производство, слияние функций обвинения и суда, существенные ограничения права на защиту, зависимость следствия от полиции и администрации. Судебные уставы 1864 г. радикально изменили эту систему, заложив фундаментальные основы состязательного судопроизводства. Реформа обеспечила разделение следственных и полицейских функций, усилила роль прокуратуры как органа государственного обвинения и учредила институт присяжных поверенных, положивший начало российской адвокатуре[3]. В новых условиях возникла потребность осмыслить круг лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, однако ни сам Устав уголовного судопроизводства 1864 г.[4], ни другие законы того времени не содержали специального раздела или главы, комплексно регулирующих статус участников уголовного судопроизводства.

Тем не менее, выдающиеся правоведы дореволюционной эпохи не обходили стороной вопросы участия различных лиц в уголовном процессе. Так, И.Я. Фойницкий в своем фундаментальном труде «Курс уголовного судопроизводства» основное внимание уделял суду, прокуратуре и адвокатуре, но рассматривал и иных лиц, не являвшихся полноценными сторонами процесса[5]. В частности, он указывал, что «кроме обвиняемого участвующим в предварительном следствии лицом считается жалобщик, т.е. лицо, возбудившее уголовное преследование своей жалобой, независимо от того, выступает ли оно в качестве гражданского истца или потерпевшего»[6]. Данная фигура по своим чертам близка к современному понятию заявителя. Помимо этого, И.Я. Фойницкий выделял и другие категории лиц, участвующих в процессе: «участвующими в предварительном следствии лицами, признаются также свидетели, эксперты, понятые и всякие иные лица, призываемые для разъяснения тех или

---

[3] Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 43, 45;

[4] Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8 : Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120–253.

[5] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства в 2 т. Т. 2 – 3-е изд., переем, и доп. Спб.: Сенатская типография, 1910. С. 69, 272.

[6] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа, 1996. С. 321.

иных обстоятельств»[7], подчеркивая, что указанные субъекты не обладают теми процессуальными правами, какие принадлежат, с одной стороны, обвиняемому, с другой – жалобщику. Они могут обжаловать лишь те процессуальные действия, которые непосредственно затрагивают их интересы (например, наложение взыскания или определение размера вознаграждения)[8]. Такие жалобы подавались в окружной суд, решения которого могли быть обжалованы в судебную палату, причем решение судебной палаты окончательно исчерпывало право обжалования для этих лиц[9].

Таким образом, уже в дореволюционной практике имелась категория лиц, фактически участвующих в процессе, но с ограниченными правами без ясно закрепленного статуса. Это явление сходно с тем, что в современной науке называется участниками с неопределенным процессуальным положением[10]. Термин «участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением» предложил в 1993 г. П.Г. Марфицин, отмечая, что лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения без четкого круга прав и обязанностей, может ощущать себя ущемленным, а степень своего участия считать формальной[11]. В дореволюционную эпоху такие лица, как понятые, свидетели, заявители, действительно участвовали в следственных действиях, не будучи признаны полноправными участниками процесса[12].

Следует подчеркнуть, что, хотя дореволюционная наука разработала учение о сторонах уголовного процесса и подробно проанализировала статус

---

[7] Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 273.
[8] Там же. С. 274.
[9] Там же. С. 274–275.
[10] Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 22, 355.
[11] Марфицин П.Г. Участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением / П.Г. Марфицин // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Азаров. Омск : Ом. высш. шк. милиции МВД России, 1993. С. 22.
[12] Лебин В.В. Участники уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом в дореволюционном и советском периоде // Юридические исследования. 2026. № 4. С. 1–11.

отдельных участников, единого комплексного учения обо всем круге участников — в особенности о лицах, фактически вовлеченных в производство без четко определенного процессуального положения, — в тот период сформировано не было. Так, в пореформенной литературе выделялись стороны процесса — обвинитель, с одной стороны, и обвиняемый с защитником, с другой[13]; отмечалось, что правами стороны наделяются также потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик[14]; подробно раскрывались полномочия суда и его вспомогательных органов, включая органы предварительного следствия, прокуратуры и адвокатуры[15]. Вместе с тем общее понятие участника уголовного судопроизводства и его классификация в тот период выработаны не были. Например, В.К. Случевский, автор известного дореволюционного учебника, уделял внимание вопросам судоустройства и отдельным процессуальным институтам, не выделяя понятие участника процесса как самостоятельного объекта изучения[16]. Попытки обобщить круг участников предпринимались С.В. Познышевым, который стремился отождествить понятие участников уголовного процесса с кругом субъектов доказывания[17]. Эту идею поддержали некоторые советские ученые. Однако концепция С.В. Познышева не получила широкого признания, поскольку исключала значительную категорию лиц из числа участников процесса, неоправданно сужая сферу действия этого понятия. Уже В.Д. Арсеньев аргументированно разделяет эти категории, а современная доктрина воспроизводит это различие, допуская вариативность участников процесса как субъектов доказывания[18].

---

[13] Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 53–87.

[14] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: Пособие к лекциям. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. С. 229.

[15] Викторский С.И. Русский уголовный процесс: Учебное пособие / вступ. ст. Э.Ф. Куцевой. М.: Городец, 1997. С. 143–173, 198–223.

[16] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 46.

[17] Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 302–304.

[18] Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. С. 92, 130.

Кардинальные изменения в понимании и нормативном оформлении статуса участников уголовного судопроизводства произошли в советский период. Впервые в отечественном законодательстве в общих частях уголовно-процессуальных кодексов появились обособленные главы, посвященные участникам процесса. Так, в УПК РСФСР 1922 года[19] и УПК РСФСР 1923 года[20] содержались главы «О составе суда, сторонах и об отводах». УПК РСФСР 1960 года включал главу «Участники процесса, их права и обязанности»[21]. Аналогичная глава присутствовала и в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г[22]. Эта кодификация свидетельствует о признании законодателем того, что круг участников нуждается в четком определении и регламентации[23].

Советская уголовно-процессуальная наука активно занялась разработкой понятия и классификаций участников процесса. Так, В.Н. Шпилев, предприняв попытку определить общее понятие «участники процесса», проанализировал различные близкие термины, употребляемые в литературе, Основах уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г., УПК РСФСР от 27 октября 1960 г., а также УПК других союзных республик[24]. Он насчитал более пятнадцати различных наименований, констатируя, тем самым, разнобой в терминологии, и пришел к выводу о существовании наряду с широким пониманием также специального, узкого смысла термина «участники процесса». В узком смысле он относил к участникам лишь лиц, имеющих уголовно-правовой или гражданско-правовой интерес в деле, отста-

---

[19] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: 25 мая 1922 г./Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР, 1922, отд. 1, № 20–21.
[20] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106. Утратил силу.
[21] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. Утратил силу.
[22] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15. Утратили силу.
[23] Лебин В.В. Участники уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом в дореволюционном и советском периоде // Юридические исследования. 2026. № 4. С.1–11.
[24] Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 135.

ивающих в деле свои или представляемые права и законные интересы, занимающих устойчивое положение на всем протяжении процесса и способных активно влиять на его ход и результат[25].

Соответственно, В.Н. Шпилев предложил расширенный перечень участников, имея в виду в широком смысле участников процесса, включив в него многих, ранее не упомянутых лиц. Например, посторонних лиц, удостоверяющих отказ от подписи протокола допроса, поручителей, залогодателей, судебных распорядителей, представителей администрации, фактически исполняющих приговор, и других[26]. Таким образом, В.Н. Шпилев стремился охватить понятием участника уголовного судопроизводства всех, кто так или иначе вовлечен в сферу уголовного судопроизводства.

В свою очередь, Р.Д. Рахунов в своей монографии специально отметил, что участниками процесса следует признавать всех субъектов процессуальной деятельности[27]. Он определял круг участников значительно шире перечисленных главе 3 УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. Критерием отнесения к участникам, по его мнению, служило участие в процессуальной деятельности, осуществление действий на основе предоставленных прав и возложенных обязанностей[28]. Иными словами, любой субъект, совершающий процессуальные действия в ходе производства по уголовному делу в силу закона, обладал статусом участника. Впоследствии Р.Д. Рахунов сформулировал емкую дефиницию, отметив, что все лица, которые участвуют в производстве по делу, являются субъектами прав и обязанностей, а значит субъектами уголовно-процессуальных правоотношений, субъектами уголовно-процессуальной деятельности[29].

---

[25] Шпилев В.Н. Указ. соч. С. 5–13; Строгович М.С. Советский уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М.: Госюриздат, 1956. С. 67—70.

[26] Родевич Л.И. Субъекты и участники уголовного процесса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2007. № 10. С. 210.

[27] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Всесоюзный институт юридических наук, Госюриздат, 1961. С. 3, 9-10, 14,22-23,30.

[28] Там же. С. 82.

[29] Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Изд-во БГУ, 1970. С. 135; Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 82.

Одновременно в науке 1950-х – 1960-х гг. существовал и более узкий подход. В частности, М.С. Строгович исходил из функционального критерия: по его мнению, участниками уголовного судопроизводства могли считаться исключительно те лица и органы, которые выполняют одну из основных уголовно-процессуальных функций: отправление правосудия, обвинение или защиту[30]. Соответственно, М.С. Строгович относил к числу участников только органы и лиц, осуществляющих указанные функции и отстаивающих определенный интерес в процессе (суд, прокурор, общественный обвинитель, органы дознания, обвиняемый, подозреваемый, защитник, общественный защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители)[31]. Напротив, свидетелей, экспертов, переводчиков, понятых он не включал в число участников процесса, полагая, что они не выполняют самостоятельной процессуальной функции.

В 1959 году И.Д. Перлов предложил комплексный подход, указав, что при отнесении лица к участникам помимо участия в процессуальной деятельности следует учитывать также наличие у него прав для отстаивания своих требований или защиты своих интересов, наличие определенных обязанностей, а также выполнение определенной процессуальной функции[32]. Таким образом, И.Д. Перлов пытался учесть, как критерий процессуального интереса, так и критерий процессуальной функции.

Как отмечается в исследовании В. В. Мурылевой-Казак, этот спор так и не был окончательно разрешен[33].

Несмотря на интенсивные научные дискуссии советского периода, единой позиции по вопросу критериев определения участников выработано не было. Ученые сходились лишь в одном: отсутствует четкая, всеобъемлющая

---

[30] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 205, 215.
[31] Там же. С. 216–217.
[32] Перлов И.Д. Уголовное судопроизводство в СССР. М., Госюриздат. 1959. С. 39.
[33] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 48.

классификация участников уголовного процесса, удовлетворяющая всех. Постоянно спорили, что важнее: функция или интерес, права или обязанности, степень активности в деле и т.п.[34]

Тем не менее, практические потребности требовали решения. В подготовке проекта нового уголовно-процессуального кодекса РФ в 1990-е годы предпринимались попытки учесть накопленные идеи. Так, в сводном проекте уголовно-процессуального кодекса РФ 1995 г., разработанном на базе проекта Министерства юстиции Российской Федерации, объединенного с проектом НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, была продолжена работа по нормативному упорядочению круга участников уголовного судопроизводства[35]. Само обращение законодателя к системному закреплению соответствующих положений свидетельствовало о стремлении преодолеть прежнюю доктринальную разрозненность в подходах к пониманию участника уголовного процесса, объединить позиции М.С. Строговича и Р.Д. Рахунова. Это свидетельствует о стремлении преодолеть советские разногласия и заложить более универсальную концепцию.

Действующий УПК РФ (2001 г.)[36] уделяет значительное внимание участникам уголовного судопроизводства. Российский законодатель выстроил структуру раздела II по функциональному принципу, а именно: в зависимости от роли стороны обвинения, стороны защиты или иных участников процесса. Так, в главе 6 УПК РФ к стороне обвинения отнесены: прокурор (ст. 37), следователь (ст. 38), руководитель следственного органа (ст. 39), орган дознания (ст. 40), дознаватель (ст. 41), потерпевший (ст. 42), частный обвинитель (ст. 43), гражданский истец (ст. 44), а также представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя (ст. 45). В главе 7 УПК РФ к стороне защиты отнесены: подозреваемый (ст. 46), обвиняемый (ст. 47), законный

---

[34] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 23–205.

[35] Сводный проект УПК РФ, разработанный на базе проекта Минюста РФ, объединенного с проектом НИИ Ген. Прокуратуры РФ // Юридический Вестник. 1995. № 31.

[36] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

представитель несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого (ст. 48), защитник (ст. 49), гражданский ответчик (ст. 54) и представитель гражданского ответчика (ст. 55). Глава 8 УПК РФ выделяет иных участников судопроизводства: свидетель (ст. 56), лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (ст. 56.1) эксперт (ст. 57), специалист (ст. 58), переводчик (ст. 59), понятой (ст. 60). В отдельных главах закреплены прав и обязанности лиц, чье участие в уголовном деле не корреспондирует ни одной из основных процессуальных функций.

На первый взгляд, перечень участников, перечисленных в УПК РФ, весьма обширен. Однако даже при таком подходе в современном кодексе остается значительная группа лиц, чей процессуальный статус либо не урегулирован должным образом, либо вообще прямо не обозначен законом. В этой связи И.В. Смолькова обращает особое внимание на данную проблему, называя ее одной из наиболее острых в науке уголовно-процессуального права[37]. Речь идет о лицах, которые вступают в уголовно-процессуальные отношения и участвуют в процессуальных действиях, но не перечислены в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства». Отсутствие четко закрепленного статуса указанных лиц порождает немало практических трудностей. Как указывает И.В. Смолькова, фактические участники процесса, лишенные собственного процессуального статуса, зачастую ощущают себя ущемленными в правах с момента вовлечения в дело[38]. Отдельные исследователи считают, что нет необходимости в обязательной регламентации каждой процессуальной фигуры, достаточно их терминологически определить, а общие права и обязанности им уже предоставлены нормами УПК РФ, например, право на обжалование действий должностных лиц или обязанность подчиняться законным

[37] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. Т. 27. С. 209.

[38] Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 22.

требованиям следователя распространяются на всех граждан[39]. Другие, напротив, настаивают, что отсутствие специальных норм об этих лицах объясняется лишь их второстепенной ролью[40], но в конкретных ситуациях возникают конфликты, которых было бы меньше, имей они процессуальный статус.

Законодатель при принятии УПК РФ (2001 года) сделал некоторые шаги навстречу: в ст. 5 УПК РФ появились определения ранее не упоминавшихся участников, таких как, «близкие лица», «реабилитированный», «начальник подразделения дознания», «следователь-криминалист»[41]. Тем не менее, проблема остается далекой от разрешения. Одни авторы вообще отказываются считать указанных лиц участниками процесса, полагая, что если лицо не названо в УПК РФ прямо, то оно не субъект процессуальной деятельности[42]. Другие называют их «иными субъектами (не участниками) процесса», хотя и признают факт их вовлеченности[43]. По верному замечанию Н.В. Угольниковой, вопрос о соотношении понятий «субъект процесса» и «участник процесса» носит, по сути, теоретический характер, поскольку в УПК РФ все субъекты, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность или которым поручено ее осуществление, наделенные процессуальными правами и обязанностями, признаются участниками уголовного судопроизводства[44]. Иными словами, действующий закон уже ориентирован на широкий подход.

Действительно, п. 58 ст. 5 УПК РФ гласит: «участниками уголовного судопроизводства являются лица, принимающие участие в уголовном процессе». Данная легальная дефиниция предельно широка и, по сути, охватывает

---

[39] Там же. С. 436–444, 452-460.
[40] Там же. С. 479–487.
[41] Уголовный процесс: проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / М. Ю. Бекетов [и др.]; под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 751–760.
[42] Там же. С. 673–681.
[43] Там же. С. 674–682.
[44] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 51.

любое лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения. Мы полностью поддерживаем такой широкий подход законодателя. Он концептуально верен, поскольку устраняет искусственные барьеры и гарантирует, что ни один участник процесса не остается вне правового поля. Любое лицо, если оно фактически вовлечено в производство по делу, становится субъектом определенных процессуальных прав и обязанностей. Соответственно, оно должно быть признано участником судопроизводства и иметь возможность защищать свои законные интересы.

Однако, анализ норм УПК РФ свидетельствует о двойственном понимании участников уголовного судопроизводства: в широком и узком смысле. Так, ч. 1 ст. 123 УПК РФ предусматривает, что решения и действия дознавателя, следователя, прокурора, суда могут быть обжалованы участниками уголовного судопроизводства, а равно иными лицами, чьи интересы затрагиваются соответствующими решениями[45]. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 разъясняется, что к иным лицам в смысле этой статьи относятся, например, поручитель (ст. 103 УПК РФ), лицо, которому несовершеннолетний отдан под присмотр (ст. 105 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), заявитель, которому отказано в возбуждении дела (ст. 148 УПК РФ), лицо, чье имущество изъято либо повреждено при производстве обыска или выемки[46]. По сути, здесь законодатель разграничил собственно участников процесса и всех остальных субъектов, предоставив последним право жалобы лишь постольку, поскольку затронуты их интересы. Такой узкий подход диссонирует с общей дефиницией ст. 5 УПК РФ и свидетельствует о противоречиях, не до конца преодоленных.

---

[45] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 295–304.

[46] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 28 июня 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4. С. 2—7.

На основании изложенного, можно заключить, что современный УПК РФ представляет собой своеобразную компиляцию идей и решений разных исторических периодов от Судебных уставов 1864 года и Основ уголовного законодательства СССР 1958 года до теоретических взглядов процессуалистов второй половины XX века и первых десятилетий XXI века. Закон вобрал в себя многие проблемы, не решенные ранее, включая вопрос о статусе некоторых участников уголовного судопроизводства. Тем не менее, развитие уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики однозначно указывает направление: участником уголовного судопроизводства должен признаваться любой, кто вовлечен в уголовно-процессуальную деятельность и обладает в связи с этим хотя бы некоторыми процессуальными правами и обязанностями.

В исторической ретроспективе мы видим эволюцию от ситуации, когда многие участники процесса оставались в тени закона, до современного понимания, стремящегося охватить всех. Эта эволюция далека от завершения, но принцип, к которому она ведет, ясен: каждый, кто участвует в производстве по уголовному делу, входит в число участников уголовного судопроизводства[47].

[47] Лебин В.В. Участники уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом в дореволюционном и советском периоде // Юридические исследования. 2026. № 4. С. 1–11.

§ 2. Неопределенный процессуальный статус участников уголовного судопроизводства: понятие, структурные элементы

Реализация назначения уголовного судопроизводства и достижение задач, поставленных перед каждым его участником, во многом зависят от оптимального нормативного закрепления процессуального статуса каждого участника уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальный статус определяет правовое положение лица в уголовном процессе, то есть совокупность принадлежащих ему прав, обязанностей и других элементов, закрепленных, прежде всего, в разделе II УПК РФ. В отечественной уголовно-процессуальной науке отмечается равнозначность понятий «правовое положение» и «правовой статус» применительно к участникам процесса[48]. Статус (от лат. status – состояние, положение) – положение субъекта, установленное нормами права, совокупность его прав и обязанностей[49]. Вступая в уголовно-процессуальные правоотношения, лицо помимо общего правового статуса личности приобретает и специальный процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, содержание которого определяется нормами уголовно-процессуального права.

Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства представляет собой системное правовое явление, характеризующееся совокупностью взаимосвязанных элементов, определяющих положение этого лица в процессе. В теории уголовного процесса существуют различные дефиниции данного понятия. Так, В.М. Корнуков определял уголовно-процессуальный статус как «закрепленное нормами уголовно-процессуального права положение гражданина в уголовном судопроизводстве, в котором выражается типичность процессуального положения всех участвующих в деле лиц, проявляющаяся в признаках гражданства, правоспособности, дееспособности, а также в

---

[48] Пономаренко С.И., Пономаренко А.С. Общетеоретические основы процессуального статуса подозреваемого // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 2.
[49] Большой юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 587.

правах, законных интересах, обязанностях, гарантиях их осуществления и ответственности»[50]. Также Л.Д. Кокорев указывал, что уголовно-процессуальный статус включает процессуальные права и обязанности, законные интересы, процессуальную право- и дееспособность, а также систему различных гарантий субъективных прав[51]. Иными словами, структура статуса участника уголовного процесса охватывает весь спектр его возможного поведения в процессе, от возможностей (таких как права и свободы) до обязанностей и ответственности, при наличии необходимых предпосылок правосубъектности.

Ключевым ориентиром для определения статуса служит процессуальная функция участника. Именно выполняемая им функция в процессе предопределяет объем правомочий лица и характер его обязанностей. Исходя из функции, закон ставит перед субъектом определенные задачи и наделяет соответствующими полномочиями. Задачи участника процесса – это цели и обязанности, воплощающие его функцию, которые должны направлять деятельность этого лица. Хотя УПК РФ прямо не формулирует индивидуальные задачи для каждого вида участника, они выводятся из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и конкретных норм, регулирующих деятельность данного субъекта. Как справедливо отмечал М.С. Строгович, «каждое процессуальное лицо выполняет в уголовном судопроизводстве строго определенную функцию, соответствующую его правовому положению», и именно из выполняемой функции вытекает содержание задач, стоящих перед ним[52]. Также В.М. Корнуков подчеркивал, что «задачи участников уголовного судопроизводства определяются не произвольно, а вытекают из назначения уголовного процесса и закреплены в общих целях судопроизводства»[53].

---

[50] Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. С. 21.
[51] Кокорев Л.Д. Участники уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М., 1987. С. 47.
[52] Строгович М.С. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М.: Наука, 1981. С. 58.
[53] Корнуков В.М. Указ. соч. С. 65.

Так, задачей следователя является всестороннее, полное и объективное расследование преступления, задачей защитника является обеспечение реализации права подозреваемого или обвиняемого на защиту от предъявленного обвинения[54]. Определение задачи имеет принципиальное значение, поскольку, как отмечает О.В. Гладышева, «функциональная направленность процессуальной деятельности придает смысл действиям участника, определяет их логику и допустимые пределы»[55]. Тем самым постановка процессуальной задачи обязывает участника сообразовывать с нею все свои действия, обеспечивая целенаправленность и внутреннюю связность процессуальной деятельности.

Наблюдается прямая преемственность советской и современной модели определения процессуального статуса участников уголовного судопроизводства. Действующий УПК РФ, формулируя назначение уголовного судопроизводства (ст. 6), связывает объем прав и обязанностей участников с выполняемыми ими процессуальными функциями и целями судопроизводства. Кроме того, уже сама структура раздела II «Участники уголовного судопроизводства» с разграничением глав о суде, стороне обвинения, стороне защиты и иных участниках (главы 5–8) институционально проводит разделение функций и соответствующих полномочий. В УПК РСФСР 1960 г. аналогичный подход был закреплен через самостоятельную главу 3 «Участники процесса, их права и обязанности» и через ст. 2 «Задачи уголовного судопроизводства», откуда выводилась функциональная направленность деятельности субъектов[56]. Тем самым УПК РФ, сохранив преемственность в части разграничения участников уголовного судопроизводства по их процессуальным функциям, вместе с тем, концептуально изменил подход к определению назначения уголовного судопроизводства, закрепив его через защиту прав и законных интересов

---

[54] Кокорев Л.Д. Указ. соч. С. 47.

[55] Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 18.

[56] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.

участников процесса и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод.

Одним из основных элементов статуса является уголовно-процессуальная правосубъектность, которая объединяет в себе категории процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности. Правосубъектность выступает необходимым условием вступления лица в процессуальные правоотношения, сами правоотношения возникают вследствие наступления предусмотренных законом юридических фактов, однако приобрести в них процессуальный статус участника может лишь лицо, обладающее правосубъектностью.

Так, М.Н. Марченко справедливо отмечал, что «только законом может устанавливаться и признаваться то особое юридическое качество, которое позволяет лицу или организации стать субъектом права»[57]. Данное качество и есть правосубъектность. В общем смысле правоспособность – это способность лица иметь права и юридические обязанности, а дееспособность – это способность своим действием осуществлять права и нести обязанности. В уголовном процессе правоспособность означает способность лица быть носителем предусмотренных УПК РФ процессуальных прав и обязанностей, а дееспособность – это способность самостоятельно осуществлять эти права и исполнять обязанности своими действиями, а равно нести установленную законом ответственность за их ненадлежащее исполнение.

Важно учитывать, что объем уголовно-процессуальной правоспособности зависит от характера интереса и роли участника. Например, подозреваемый или обвиняемый приобретает процессуальную правоспособность, включая способность нести уголовную ответственность, с момента достижения возраста, установленного уголовным законом: по общему правилу с 16 лет, по специальному перечню составов с 14 лет (ст. 20 УК РФ); в ряде случаев фак-

[57] Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 592.

тический порог связан со специальным субъектом, например, для преступлений против военной службы – военнослужащий, что уголовная ответственность наступает с 18 лет. Напротив, потерпевший или иное лицо, защищающее в процессе собственные интересы, обладает общей правоспособностью с рождения и утрачивает ее со смертью (ст. 17 ГК РФ)[58].

Специальный процессуальный статус возникает при наступлении предусмотренных УПК РФ условий, например, вынесении постановления о признании потерпевшим либо о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 42, ст. 171 УПК РФ). УПК РФ прямо не определяет момент возникновения правоспособности участника; по аналогии с гражданским законодательством следует считать, что общая правоспособность присутствует с рождения, тогда как специальный процессуальный статус появляется лишь при наступлении процессуальных событий, установленных законом, таких как признание потерпевшим, привлечение в качестве обвиняемого и т. п.

Правоспособность является основой дееспособности: только наличие у лица способности иметь права позволяет ему в дальнейшем самостоятельно реализовывать эти права в процессе. Следует подчеркнуть, что правосубъектность является обязательной предпосылкой для вовлечения лица в процесс в качестве участника.

Отдельные авторы, в частности О.И. Баженова, обосновывают необходимость включения в структуру правосубъектности дополнительных элементов, таких как деликтоспособность и вменяемость[59]. Однако эти элементы, по сути, уже охватываются понятием дееспособности. Таким образом, наиболее обоснованным является понимание уголовно-процессуальной правосубъект-

---

[58] Зеленина О.А. Соотношение категорий правоспособности и дееспособности в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 6. С. 31.

[59] Баженова О.И. Правосубъектность как конституционно-правовая форма свободы личности: к постановке проблемы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Статут, 2017. С. 49–50.

ности как единства правоспособности и дееспособности участника, позволяющего ему вступать в уголовно-процессуальные отношения, приобретать права, выполнять обязанности и отвечать за их неисполнение.

Центральным содержательным элементом статуса выступают субъективные права участника уголовного судопроизводства. Именно наличие гарантированных законом возможностей определяет активную роль лица в процессе[60]. Необходимо оговориться, что в полной мере категория субъективного права применима к участникам, отстаивающим в процессе собственный законный интерес, в свою очередь в отношении же субъектов, реализующих публичную функцию, чаще используется понятие правомочия, в котором право соединено с обязанностью его осуществления[61]. Поскольку предметом настоящего исследования выступает правовое положение именно таких лиц, содержание статуса раскрывается применительно к участникам, наделенным собственным законным интересом.

Процессуальные права – это предусмотренные УПК РФ возможности для участника поступать тем или иным образом в установленной процессуальной ситуации либо воздерживаться от определенных действий. В общей теории права субъективное право раскрывается как юридическое дозволение, мера возможного поведения конкретного лица[62].

Эти права имеют конкретный, индивидуальный характер и принадлежат определенному лицу, предоставляя ему вполне реальные правомочия на известные действия, пользование социальным благом, удовлетворение интереса, а их связь с личностью выражается уже на уровне определения субъективного права как меры поведения для данного лица[63].

Субъективные права неотделимы от личности участника и охраняются законом. Их реализация обеспечивается совокупностью юридических средств

---

[60] Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 87–89.
[61] Самохвалов А.А. Субъективное право и законный интерес в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения и реализации // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. № 2. С. 112, 115.
[62] Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 86–89.
[63] Там же. С. 86.

и гарантий всей системой юридических средств, которые придают правам стабильность и обеспеченность[64].

Наряду с термином «право» нередко употребляется категория «свобода» участника. Некоторые авторы пытаются противопоставлять права и свободы, однако большинство процессуалистов сходятся на том, что речь идет фактически об одном явлении, выраженном разными терминами: свобода выступает содержательным выражением прав, а в уголовном процессе конкретизируется через их систему[65].

Еще М.С. Строгович указывал, что «свобода личности – это тоже право личности, вид ее прав», определяя свободу как «право свободно совершать не запрещенные законом действия»[66].

Таким образом, процессуальные свободы можно рассматривать как элемент правового статуса, предоставляющий участнику возможность выбора варианта поведения в пределах, установленных законом. В современной доктрине это описывается как «ограниченная процессуальная свобода», технологически встроенная в форму уголовного процесса[67].

Например, подозреваемый свободен в выборе защитника, потерпевший свободен в решении заявлять или не заявлять гражданский иск и т.д. Хотя категория свободы носит более абстрактный характер, в уголовном процессе она конкретизируется через систему процессуальных прав[68].

Законные интересы занимают особое место среди элементов статуса. Законный интерес можно определить, как признанное и охраняемое законом стремление участника достичь определенного блага или результата в уголовном процессе[69]. При этом интерес мотивирован конкретной потребностью

---

[64] Там же. С. 88.
[65] Поляков М.П., Лугинец Э.Ф. Идея процессуальной свободы как принцип уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4. С. 75–77.
[66] Строгович М.С. Избранные труды. Т. 1. М.: Наука, 1990. С. 237.
[67] Поляков М.П. Указ. соч. С. 75–77.
[68] Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 88–89.
[69] Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4. С. 78.

лица. Как отмечает Л.Н. Масленникова, интерес в уголовном процессе – это «осознанное побуждение действовать или бездействовать, порождаемое конкретной потребностью достичь какого-либо блага и устремленное на достижение данного блага, тем самым на выгодное удовлетворение потребности»[70]. Схожей позиции придерживается О.В. Гладышева, предлагая считать, что «под законными интересами в уголовном судопроизводстве следует понимать поддерживаемые законом устремления к достижению определенной цели» [71]. Иначе говоря, законный интерес – это легитимная цель или благо, к которому стремится участник процесса, и которое защищается государством даже тогда, когда у лица нет конкретного субъективного права на данное благо.

Соотношение субъективных прав и законных интересов является дискуссионным. В нормах УПК РФ понятия «интерес» и «законный интерес» употребляются как синонимы. Действительно, в ряде норм УПК РФ «интерес» и «законный интерес» фактически отождествлены, например, ч. 3 ст. 47 УПК РФ предоставляет обвиняемому право защищать свои законные интересы, а п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ говорит о праве свидания с нотариусом для оформления доверенности в целях представления интересов обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности. Вместе с тем, многие ученые подчеркивают неполную тождественность субъективного права и законного интереса. Так, Л.А. Морозова указывает, что эти категории схожи, но не идентичны, поскольку интерес может защищаться государством самостоятельно, помимо конкретного субъективного права[72]. В связи с этим одни авторы предлагают рассматривать законный интерес как элемент субъективного права, другие – как самостоятельное явление. Представляется оправданным мнение А.А. Самохвалова, который приходит к выводу, что субъективное право участника реализуется

---

[70] Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 85.

[71] Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 14.

[72] Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 210.

при наличии законного интереса, то есть законный интерес является предпосылкой и способом осуществления гражданином принадлежащих ему прав и свобод[73]. Иными словами, субъективное право можно считать более широким понятием, охватывающим возможные интересы, тогда как законный интерес конкретизирует направление реализации права в условиях, когда прямой нормы о данном праве может не существовать.

Следует учитывать, что разрешительный тип правового регулирования, при котором дозволено лишь прямо предусмотренное законом, характеризует прежде всего деятельность властных субъектов уголовного судопроизводства, реализующих публичную функцию в пределах предоставленной им компетенции. В отношении невластных участников — и в особенности лиц с неопределенным процессуальным статусом — отсутствие закрепленного статуса и четкого набора субъективных прав означает, что защита затрагиваемого блага не может опираться исключительно на прямо перечисленные права, именно поэтому применительно к таким лицам ключевое значение приобретает категория законного интереса[74]. Значение законных интересов очень велико в ситуациях, когда права участника не урегулированы детально законом. Например, право лица заявлять ходатайства в процессе распространяется не только на тех участников, которые прямо названы в главах 6–8 УПК РФ, но и на «иное лицо, чьи права и законные интересы затронуты в ходе досудебного или судебного производства» (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Права таких иных лиц специальными нормами не определены, и это объективно, ввиду бесконечного многообразия возможных процессуальных ситуаций, затрагивающих их интересы. Поэтому без обращения к понятию законного интереса законодатель не обходится. Так, если после смерти обвиняемого уголовное преследование прекращается, но родственники покойного добиваются реабилитации, они действуют, исходя из

---

[73] Самохвалов А.А. Субъективное право и законный интерес в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения и реализации // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17, № 2. С. 115.

[74] Рябоконев С.И. «Законный интерес» как научная проблема уголовного судопроизводства: вопросы терминологии // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 44.

своего законного интереса, а именно реабилитировать имя умершего. Закон специально предоставляет им такое право, хотя формально они не являются ни потерпевшими, ни обвиняемыми. В данном случае именно законный интерес служит основанием для наделения лиц определенными процессуальными правами.

Таким образом, субъективные процессуальные права можно определить как закрепленные нормами УПК РФ возможности лица обладать определенным благом либо действовать определенным образом в установленных законом процессуальных ситуациях, либо воздерживаться от действий. Процессуальные свободы – это допустимые законом варианты поведения, предоставляющие участнику возможность выбора того или иного действия независимо от конкретной ситуации. Процессуальные законные интересы – это обусловленные потребностями личности или общества не противоречащие закону побудительные мотивы процессуальной деятельности участников и иных вовлеченных лиц, либо сами эти потребности, признаваемые и защищаемые правом. Законные интересы являются мотивационной основой для реализации прав и свобод. Именно нарушение интересов, например, причинение вреда преступлением побуждает лицо вступить в процесс и добиваться восстановления своих нарушенных прав.

Самостоятельным и структурно необходимым элементом процессуального статуса выступают процессуальные гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В отличие от субъективных прав и обязанностей, которые фиксируют модель возможного и должного поведения участника, гарантии представляют собой обеспечительный компонент статуса — совокупность правовых средств, посредством которых предоставленные права приобретают исполнимость. Именно поэтому В.М. Корнуков, определяя уголовно-процессуальный статус, включил в его структуру не только права, обязанности и законные интересы, но и гарантии их осуществления, тем самым рассматривая гарантии не как внешнее дополнение к статусу, а как его

неотъемлемый внутренний элемент[75]. Аналогичной позиции придерживался Л.Д. Кокорев, относивший «систему различных гарантий субъективных прав» к числу обязательных составляющих процессуального положения участника[76]. В общей теории права данный подход получил системное обоснование в работах Н.В. Витрука, который разграничивал «ядро» правового статуса — права и обязанности — и его обеспечительную оболочку, включающую гарантии реализации и защиты прав, подчеркивая, что без этой оболочки статус утрачивает свое практическое назначение[77].

Указанное положение гарантий в структуре статуса определяется их функциональной ролью: гарантии обеспечивают переход прав из нормативной плоскости в плоскость реального осуществления. В доктрине уголовного процесса процессуальные гарантии определяются как система правовых средств и способов, законодательно установленных в целях обеспечения достижения задач уголовного судопроизводства и реализации каждым участником своих прав и обязанностей[78]. Существенной характеристикой гарантий является их нормативность: средства обеспечения прав приобретают свойство гарантий лишь тогда, когда они закреплены в законе и подкреплены обязанностями соответствующих должностных лиц. Как справедливо подчеркивают О.В. Волколуп и Ю.Б. Чупилкин, нормативность есть необходимый и наиболее важный признак средств обеспечения прав субъектов уголовного судопроизводства[79]. Тем самым гарантия приобретает юридическую обязательность, так как праву

---

[75] Корнуков В.М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. С. 21.

[76] Кокорев Л. Д. Участники уголовного процесса // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. С. 47.

[77] Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. М. : Наука, 1981. С. 144–147; Витрук Н. В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 13.

[78] Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 25. С. 54–55; Овчинников Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 19. С. 42–44.

[79] Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства РФ. Краснодар: КубГУ, 2005. URL: https://kalinovsky-k.narod.ru/b/volokup/01.htm (дата обращения: 15.09.2025).

участника корреспондирует не просто абстрактная возможность его осуществления, а конкретная обязанность должностного лица создать условия для реализации данного права и ответственность за нарушение этой обязанности.

Функциональное значение гарантий раскрывается через их взаимосвязь с иными элементами статуса. Между правами, обязанностями, ответственностью и гарантиями существует не линейная последовательность, а системная взаимообусловленность. Субъективное право участника может быть реализовано лишь при наличии корреспондирующей обязанности другого субъекта, а исполнение этой обязанности, в свою очередь, обеспечивается мерами ответственности и контроля. Гарантии пронизывают всю эту систему связей, выполняя двоякую роль: с одной стороны, они обеспечивают реализацию прав, а с другой — обеспечивают надлежащее исполнение обязанностей. Так, М.С. Строгович обосновывал двуединую природу процессуальных гарантий, указывая, что они одновременно служат гарантиями прав личности и гарантиями правосудия, поскольку соблюдение прав участников является условием законности и обоснованности процессуальных решений[80]. Иными словами, гарантии связывают частный интерес участника с публичным интересом правосудия, обеспечивая тем самым целостность процессуального статуса.

Изложенным обусловлен и порядок характеристики элементов статуса в настоящем параграфе. Гарантии не образуют самостоятельного звена в линейной цепи элементов, а обеспечивают действие каждого из них, вследствие чего их характеристика дана вслед за правами — как обеспечительная сторона права, без которой оно остается нормативно закрепленной возможностью. Необходимо при этом различать обязанности двоякого рода. Обязанности, корреспондирующие правам участника и возлагаемые на должностных лиц, ведущих производство, образуют содержание гарантий и раскрываются в связи с ними. Процессуальные обязанности самого участника представляют собой отдельный элемент его статуса и характеризуются ниже.

---

[80] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 65–67

В теории уголовного процесса процессуальные гарантии классифицируются по различным основаниям, что подтверждает содержательную многоплановость данного элемента статуса. По характеру обеспечительного воздействия принято различать нормативные гарантии, выражающиеся в самом факте законодательного закрепления прав и обязанностей участников, и институциональные гарантии, воплощенные в деятельности органов, осуществляющих контроль за соблюдением прав, — ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор, судебный контроль[81]. По направленности действия гарантии подразделяются на превентивные, обеспечивающие поддержание ненарушенного состояния прав, и восстановительные, направленные на устранение последствий допущенных нарушений[82]. На уровне закона проявления указанных видов гарантий весьма разнообразны, так к нормативным гарантиям относится прямое закрепление прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных участников в соответствующих статьях УПК РФ, а к институциональным — порядок обжалования действий и решений должностных лиц прокурору (ст. 124 УПК РФ) и в суд (ст. 125 УПК РФ), судебный контроль за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права (ст. 165 УПК РФ), а также нормы об ответственности за процессуальные нарушения (ст. 117–118, 258 УПК РФ).

Принципиально важно, что каждый предоставленный участнику процессуальный инструмент сам по себе является гарантией лишь при условии, что законодатель не только дозволяет определенное поведение, но и создает механизм его защиты[83]. Право на защиту, право заявлять ходатайства и отводы, обжаловать действия и решения, знакомиться с материалами дела обеспечиваются корреспондирующими обязанностями должностных лиц: обязанностью

---

[81] Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 25. С. 55–57; Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 56–60.

[82] Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства РФ. Краснодар: КубГУ, 2005. С. 12–15

[83] Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 25. С. 54–58.

разъяснить право, обязанностью рассмотреть ходатайство и принять мотивированное решение, обязанностью принять жалобу и проверить ее доводы.

В доктрине к процессуальным гарантиям принято относить уголовно-процессуальную форму, определяющую порядок производства по делу, судебный контроль, обязанности органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, институты обжалования, ходатайств и реабилитации, а также прокурорский надзор[84]. Как отмечают О.В. Химичева и И.П. Бондаренко, при применении любых мер процессуального принуждения используются все названные гарантии, однако характер их в зависимости от значимости и степени ограничения прав человека может быть разным[85].

Понятие процессуальных гарантий неоднократно становилось предметом научного рассмотрения. Так, Ю.А. Иванов определяет их как систему правовых средств обеспечения успешного решения задач правосудия и охраны законных интересов всех участвующих в деле лиц, предполагающую строгое соблюдение установленных законом форм и принципов судопроизводства, закрепление прав участников процесса и условий их реализации, а также точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность[86]. Сходным образом Н.С. Алексеев, В.Г. Даев и Л.Д. Кокорев понимают под процессуальными гарантиями установленные законом средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности[87]. В свою очередь, А.С. Стройкова, определяя уголовно-процессуальные гарантии как установленные уголовно-процессуальным законом правовые средства, ко-

---

[84] Володина Л.М. Проблемы гарантий в уголовном процессе // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 40.

[85] Химичева О.В., Бондаренко И.П. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при их применении // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 121

[86] Курс советского уголовного процесса: общ. часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 215.

[87] Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса / науч. ред. Н. С. Алексеев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 59.

торыми охраняются и защищаются права и интересы участвующих в уголовном процессе лиц, включает в их содержание не только процессуальные предписания, но и деятельность государственных органов, должностных и иных лиц по их реализации[88].

Приведенные определения объединяет то, что гарантия не сводится к отдельной норме, а охватывает закрепление права, условия его реализации и надлежащее исполнение корреспондирующих обязанностей должностными лицами. Существенно и то, что назначение гарантий не исчерпывается устранением уже допущенных нарушений. Как обоснованно отмечает М.И. Казарина, сущность процессуальных гарантий не должна сводиться к созданию процедуры устранения нарушений, поскольку с их помощью обеспечивается нормальное течение производства по уголовному делу, охрана прав участников и надлежащее исполнение ими своих обязанностей[89]. Изложенное согласуется с приведенным выше разграничением превентивных и восстановительных гарантий.

Отсутствие хотя бы одного из указанных выше звеньев — закрепленного права, корреспондирующей обязанности, процедуры реализации или контроля за ее соблюдением — не позволяет рассматривать такую гарантию как эффективно действующий механизм обеспечения права. В этом заключается отличие гарантии как действенного правового средства от простого нормативного закрепления права, так как гарантия предполагает не только наличие соответствующего предписания, но и функционирование процедур и средств, обеспечивающих его реализацию и защиту.

Изложенное позволяет определить процессуальные гарантии как структурный элемент уголовно-процессуального статуса участника, представляю-

---

[88] Стройкова А.С. К вопросу о роли и значении гарантий прав обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 305.
[89] Казарина М.И. К вопросу о системе уголовно-процессуальных гарантий реализации принципа независимости судей // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 77.

щий собой систему нормативно закрепленных правовых средств и институциональных механизмов, обеспечивающих осуществление прав, свобод и законных интересов участника, надлежащее исполнение корреспондирующих обязанностей должностных лиц и восстановление нарушенного состояния в случае их несоблюдения. Гарантии выполняют в структуре статуса обеспечительную функцию, поскольку без них права остаются лишь нормативно закрепленными возможностями, не подкрепленными механизмом принуждения к их соблюдению. Именно поэтому Л.М. Володина подчеркивает, что право на справедливую судебную защиту обретает смысл лишь при наличии действующих гарантий, обеспечивающих его практическую реализацию, а не одно лишь нормативное закрепление[90].

Признание гарантий обязательным элементом статуса ставит принципиальный вопрос о положении лиц, чей процессуальный статус не определен законом в полном объеме. Если у участника отсутствует или не закреплен тот или иной структурный элемент статуса — прежде всего, гарантии, — то даже фактически имеющиеся у него права утрачивают обеспеченность. Возникает явление, которое можно обозначить как гарантийный вакуум, то есть лицо формально вовлечено в процессуальные отношения, его интересы объективно затрагиваются процессуальными действиями и решениями, однако механизм обеспечения его прав отсутствует или носит фрагментарный характер. В научной литературе обоснованно отмечается, что акцент должен быть перенесен с формализации процессуальных статусов на совершенствование системы гарантий, обеспечивающих защиту прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство[91]. Проблема лиц с неопределенным процессуальным статусом состоит не только в отсутствии закрепленных прав и обязанностей, но и — в первую очередь — в отсутствии системы гарантий, способных обеспечить реализацию тех прав, которыми эти лица фактически располагают.

---

[90] Володина Л.М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. Журнал ВШЭ. 2024. Т. 17. № 2. С. 200–202

[91] Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 218–220

Неотъемлемой частью статуса являются процессуальные обязанности участника. Если права позволяют субъекту действовать по своему усмотрению в интересах достижения целей, то обязанности устанавливают требования к его поведению, нарушение которых влечет негативные последствия. Обязанности – это предусмотренные законом требования совершать или воздерживаться от определенных действий, своего рода мера должного поведения; при этом права и обязанности находятся во внутренней взаимосвязи и корреспондируют друг другу, образуя единый комплекс статуса[92]. Каждой обязанности коррелирует право другого лица: в уголовном процессе один участник реализует свое право лишь при условии надлежащего исполнения возложенной на другого участника обязанности[93]. Так, право потерпевшего на возмещение вреда предполагает исполнение обвиняемым обязанности по его возмещению при установлении вины, право подсудимого на последнее слово корреспондирует обязанности суда предоставить эту возможность и выслушать подсудимого (ст. 293 УПК РФ)[94]. Права и обязанности участников не существуют изолированно и не имеют приоритета одни над другими, так как оба элемента равнозначно входят в статус личности[95]. Следует учитывать при этом, что структура статуса властного и невластного участников совпадает не полностью. Как отмечает А.А. Тарасов, термин «полномочия» употребим в прямом смысле только в отношении уполномоченных органов государства и означает меру одновременно должного и возможного поведения властвующего субъекта, то есть одновременно его право и обязанность, тогда как защитник обладает правомочиями либо просто правами и обязанностями[96]. Приведенное разграничение имеет общее значение для лиц, не наделенных властными полномочиями,

---

[92] Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. С. 58, 225–226.
[93] Там же. С. 58.
[94] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. С. 87.
[95] Там же. С. 87.
[96] Тарасов А.А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 1. С. 48.

поскольку осуществление принадлежащего им правомочия в ряде случаев зависит от корреспондирующего решения властного участника.

Процессуальные обязанности участника могут быть как прямо закреплены нормами УПК РФ, так и вытекать из общих положений правопорядка и процессуальной формы. Нормативно детализированы, в частности, обязанности потерпевшего (ст. 42 УПК РФ) и свидетеля (ст. 56 УПК РФ) явиться по вызову и дать правдивые показания; обеспечение порядка судебного заседания и меры воздействия при нарушениях регламентированы ст. 258 УПК РФ. Наряду с прямо закрепленными обязанностями доктрина и судебные разъяснения исходят из требования добросовестного осуществления процессуальных прав и недопустимости их злоупотребления, что выводится из общих начал уголовного судопроизводства[97]. В общем виде процессуальную обязанность можно определить, как установленную УПК РФ и императивно обязательную для исполнения участником совокупность действий, либо воздержания от действий, направленных на достижение целей уголовного судопроизводства. В этом смысле обязанность выступает обязательным элементом правового статуса участника, обеспечивающим баланс интересов и эффективность процесса[98]. Неисполнение обязанностей нарушает нормальный ход правосудия и влечет предусмотренные законом последствия.

Нарушение возложенных обязанностей влечет применение к лицу мер юридической ответственности. В структуре статуса процессуальная ответственность выступает контролером исполнения обязанностей, обеспечивая обязательность модели должного поведения. В доктрине обсуждается, следует ли выделять самостоятельный вид – уголовно-процессуальную ответственность, либо меры воздействия за процессуальные проступки сводятся к иным

---

[97] Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Российский судья. 2015. №3 (17). С. 66.

[98] Зеленина О.А. «К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. №1. С. 88.

видам, а именно уголовной, административной, дисциплинарной. Многие авторы признают ее самостоятельность и связывают наступление ответственности непосредственно с нарушением норм УПК РФ[99].

Сущность процессуальной ответственности состоит в том, что она реализуется в рамках уголовно-процессуальной деятельности и выражается либо в понуждении к исполнению обязанности, либо в применении санкций за ее неисполнение[100]. Так, О.А. Зеленина подчеркивает нормативную обусловленность и основания реализации такой ответственности. В свою очередь Г.Н. Ветрова описывает ее как гарантию выполнения процессуальных обязанностей всеми субъектами процесса[101].

Формы реализации процессуальной ответственности в действующем праве проявляются через меры процессуального принуждения, прямо увязанные с конкретными обязанностями: денежное взыскание за неисполнение обязанностей или нарушение порядка (ст. 117–118 УПК РФ), принудительный привод при неявке без уважительных причин (ст. 113 УПК РФ), меры воздействия за нарушение порядка судебного заседания, включая удаление подсудимого или отключение от ВКС при сохранении права на последнее слово, согласно ст. 258 УПК РФ, а также иные последствия, также предусмотреные законом. Эти инструменты доктрина рассматривает как охранительный механизм, обеспечивающий соблюдение процессуальных обязанностей и прав[102].

Следовательно, уголовно-процессуальную ответственность можно определить, как совокупность установленных УПК РФ мер государственного воздействия, применяемых к участнику процесса за неисполнение либо ненад-

---

[99] Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–35; Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. С. 3–4.

[100] Зеленина О.А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Журнал российского права. 2012. № 5(185). С. 67–69; Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М.: Наука, 1987. С. 7–8, 11–13.

[101] Там же. С. 70–73.

[102] Там же. С. 73–75.

лежащее исполнение процессуальных обязанностей, выполняющих функциональную задачу поддержания дисциплины и достижения целей судопроизводства[103].

Обозначенные выше элементы в совокупности и образуют содержание процессуального статуса конкретного участника уголовного судопроизводства. Для того чтобы, лицо могло выступать полноправным участником процесса, оно должно обладать процессуальной правосубъектностью, т.е. быть способным иметь процессуальные права и нести обязанности, реализовывать свои права, свободы и законные интересы, пользуясь предусмотренными законом гарантиями, исполнять установленные обязанности, и в случае их нарушения нести предусмотренную законом ответственность. В идеале все перечисленные компоненты статуса присутствуют у каждого участника. Однако на практике процессуальное положение не всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, соответствует этой полной модели, выделяются отдельные категории лиц, у которых тот или иной элемент статуса отсутствует или выражен не полностью.

Понятие «неопределенный процессуальный статус» применяется к тем участникам уголовного процесса, чье правовое положение не очерчено законом достаточно полно или определенно. Иными словами, статус этих лиц не образует завершенной системы элементов, описанной выше. У них может отсутствовать четко закрепленная правосубъектность в рамках процесса, не предусмотрены специальные права и обязанности, а, следовательно, затруднена реализация их интересов и применение гарантий. К таким участникам относятся, прежде всего, лица, которые не указаны в разделе II УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства», однако фактически вступают в процессуальные отношения.

---

[103] Там же. С. 67–69.

Избранное обозначение требует пояснения. В литературе для этой группы лиц используются различные наименования — «иные субъекты процесса», «иные лица», «третьи лица», — каждое из которых отражает лишь отдельную сторону явления[104].

Обозначение «третьи лица» имеет цивилистическое происхождение и предполагает наличие спора о предмете, по отношению к которому лицо занимает положение отличное от сторон, заявляя либо не заявляя самостоятельные требования (ст. 42, 43 ГПК РФ, ст. 50, 51 АПК РФ). Возможность заимствования данной конструкции обсуждается в науке, причем сходство с отношениями, складывающимися в цивилистическом процессе, установлено применительно к лицам, чье имущество становится предметом властных решений[105]. Тем самым указанное обозначение пригодно для той части рассматриваемого круга, чьи права ограничиваются при применении мер процессуального принуждения и производстве следственных действий, однако не охватывает его целиком. Заявитель и очевидец инициируют производство, лицо, фактически подвергающееся уголовному преследованию, претерпевает его в качестве стороны, а поручитель и залогодатель вступают в процессуальные отношения по собственной воле, вследствие чего третьими лицами по своему положению они не являются. В науке данный термин закрепился к тому же за более узкой имущественной проблематикой, будучи определен через круг лиц, чьи имущественные права затрагиваются процессуальными действиями и решениями[106].

Обозначение «иные лица» использовано законодателем в ч. 1 ст. 123 и ч. 3 ст. 125 УПК РФ, однако оно определено от противного по отношению к

---

[104] Уголовный процесс: проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 365; Карпов Е.Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 87–90; Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 2. С. 206.

[105] Шарипова А.Р. «Третьи лица» в уголовном судопроизводстве: аналогии и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 1 (75). С. 161–166.

[106] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2023. С. 51.

перечню участников и применяется лишь в связи с обжалованием, а потому не указывает ни на природу проблемы, ни на нуждаемость лица в дополнительной защите.

Существенно и то, что приведенные наименования выводят рассматриваемых лиц за круг участников уголовного судопроизводства, тогда как п. 58 ст. 5 УПК РФ относит к участникам всякое лицо, принимающее участие в уголовном процессе. Между тем существо проблемы состоит не в том, что лицо является посторонним производству, а в том, что нормативно не определено его правовое положение. Обозначение «участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом» сохраняет таких лиц в круге участников, а неопределенность относит к их статусу — к тому из рассмотренных выше элементов, отсутствие или неполнота закрепления которого и порождает исследуемую проблему.

Обобщая, все вышесказанное, можно дать следующее определение термину «неопределенный процессуальный статус» – особое правовое состояние участника уголовного процесса, характеризующееся неполнотой либо отсутствием законодательного закрепления не менее одного структурного элемента статуса: правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей, гарантий и ответственности, что препятствует данному лицу в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе.

§ 3. Признаки и классификация участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом

Проблема участия в уголовном процессе лиц, чей процессуальный статус не определен законом, привлекает все больше внимания в науке уголовно-процессуального права. Существует значительное число лиц, которые вступают в уголовно-процессуальные отношения, но не упомянуты в УПК РФ. Процессуальное положение таких лиц либо регламентировано в законодательстве лишь фрагментарно и неполно, либо не определено вовсе. Это приводит

к правовой неопределенности, затрудняет реализацию прав этими лицами и может приводить к их уязвимости в уголовном судопроизводстве.

Как отмечал П.Г. Марфицин, лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения без четкого круга прав и обязанностей, ощущает себя ущемленным, а характер своего участия считает формальным[107]. При вовлечении в уголовное судопроизводство права и законные интересы таких лиц нередко ущемляются. Подобных субъектов лицами с неопределенным или недостаточно определенным процессуальным положением называли В.Т. Томин и Е.Н. Карпов, подчеркивая эпизодичность их участия и возникающие правовые конфликты[108]. С другой стороны, некоторые ученые, например, О.А. Зеленина, полагают, что обязательная детализация статуса каждого такого участника не требуется, поскольку общие права, такие как право на обжалование действий должностных лиц, право на уважение чести и достоинства распространяются на всех граждан, участвующих в процессе[109]. Приведенный довод следует поддержать в той части, в которой он отрицает необходимость регламентации процессуального статуса каждого такого лица в отдельности. Вместе с тем распространение общего права на всех участвующих в производстве лиц само по себе не создает возможности его реализовать. Право, которому не корреспондирует обязанность конкретного должностного лица и в отношении которого законом не установлены порядок реализации и контроль за его соблюдением, остается закрепленным, но не обеспеченным. Именно поэтому в условиях публичного характера уголовного судопроизводства неопределенность правового положения таких лиц недопустима[110]. Необходимым при этом является не закрепление самостоятельного процессуального статуса за каждым из них, а

---

[107] Марфицин П.Г. Указ. соч. С. 22.

[108] Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: Юрайт, 2013. С. 355.

[109] Зеленина О.А. Сущность категории «участник уголовного судопроизводства» в науке уголовно-процессуального права / О.А. Зеленина // Общество и право. 2010. №. 4 (31). С. 242.

[110] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 208.

нормативное определение минимального объема их прав и корреспондирующих ему обязанностей должностных лиц, действующего в силу самого факта вовлечения лица в производство.

Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом – это лица, фактически вовлекаемые в уголовно-процессуальные отношения, чьи права, обязанности и роль в процессе не урегулированы или не четко определены УПК РФ. К данной категории относятся субъекты, не поименованные в разделе II УПК или упомянутые фрагментарно в иных нормах УПК РФ[111]. Следует оговориться, что круг таких лиц не может быть очерчен исчерпывающим перечнем. Раздел II УПК РФ определяет процессуальные статусы суда, участников со стороны обвинения и со стороны защиты, а также иных участников, способствующих осуществлению правосудия, тогда как за его пределами остаются лица, фактически вовлекаемые в производство по уголовному делу. Состав таких лиц определяется не законодательным перечнем, а самим ходом производства по уголовному делу, вследствие чего изменяется вместе с правоприменительной практикой. По этой причине рассматриваемый круг устанавливается не путем перечисления, а через общие признаки, позволяющие отнести к нему любое лицо, отвечающее этим признакам, в том числе те категории лиц, которые могут появиться в дальнейшем. Общие черты этой группы лиц можно сформулировать следующим образом:

¾ эти лица либо вовсе не названы в УПК РФ, либо упомянуты вне основного перечня участников без отдельной нормы, определяющей их процессуальный статус[112], например, заявитель, очевидец, поручитель и иные, хотя они участвуют в деле[113];

---

[111] Там же. С. 205.
[112] Там же. С. 205.
[113] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 127.

¾ как правило, такие лица привлекаются к участию в деле по необходимости: в связи с сообщением о преступлении, проведением следственного действия, применением меры пресечения и т.п. Их вовлечение обусловлено обстоятельствами дела, а не их собственной процессуальной инициативой[114]. Например, очевидец становится фактически участником вследствие наблюдения преступления, владелец жилища – вследствие проведения в жилище обыска, поручитель – вследствие дачи согласия обеспечить надлежащее поведение обвиняемого;

¾ фрагментарные права и обязанности, вытекающие из общих норм. Права этих участников часто не систематизированы, а упоминаются лишь в контексте конкретной процедуры. Нередко они обладают только базовыми общегражданскими правами: правом обжаловать действия должностных лиц (ст. 19 УПК РФ), правом на уважение достоинства (ст. 11 УПК РФ). Специальные права этих участников, в частности право на квалицированную юридическую помощь, право на возмещение понесенных процессуальных издержек, а также право на получение сведений о процессуальных решениях и действиях, затрагивающих их права и законные интересы, равно как и их обязанности, либо прямо не регламентированы, либо закреплены фрагментарно в отдельных нормах[115];

¾ неопределенность процессуального статуса приводит к тому, что реализация прав этих лиц зависит от усмотрения должностных лиц. Так П.Г. Марфицин указал, что «часто они ущемляются в правах и законных интересах сразу после вовлечения»[116]. Например, гражданин, приглашаемый дать объяснение до возбуждения дела, фактически лишен гарантий, которые имел бы как

---

[114] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 206.

[115] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 131.

[116] Марфицин П.Г. Указ. соч. С. 22.

свидетель или подозреваемый. В результате такие лица могут чувствовать себя бесправными или недостаточно защищенными;

¾ многие непоименованные участники задействуются лишь на отдельной стадии или в отдельном процессуальном действии, после чего необходимость их участия в деле нивелируется. Это подчеркивает их вспомогательную, второстепенную роль. Тем не менее, даже эпизодическое участие может существенно затрагивать права лиц, поэтому нельзя оставлять их вне системы гарантий[117].

Таким образом, главным признаком данной категории участников уголовного судопроизводства является разрыв между фактическим участием в деле и нормативной регламентацией этого участия. С одной стороны, уголовно-процессуальное право строго формализовано и традиционно ограничивает круг участников, но с другой – в реальную процессуальную деятельность вовлекается более широкий круг лиц. Возникает коллизия между фактом участия и отсутствием статуса, создающая правовую неопределенность. Многие ученые сходятся во мнении, что такое положение противоречит принципу законности и требованиям обеспечения прав личности, из-за чего отсутствие четкого определения статуса создает существенные трудности для правоприменителей и требует его закрепления, поскольку «уголовно-процессуальный кодекс РФ как закон, регулирующий сферу наиболее острых правоотношений с точки зрения ограничения прав и законных интересов лиц, не может быть неопределенным»[118].

Однако по-прежнему остается значительный круг участников, нуждающихся в правовой защите, чей статус не урегулирован должным образом. К ним можно отнести заявителей о преступлении, очевидцев, лиц, в отношении

---

[117] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 207; Морозова О.С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 2. С. 265.

[118] Соромотина В.А., Титов П.М. Проблемы определения процессуального статуса некоторых участников стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2023. № 25. С. 343.

которых проводится проверка сообщения, поручителей, залогодателей, владельцев имущества, подвергнутого процессуальным ограничениям, и многих других, исключая, разумеется, представителей органов власти[119]. Сходный круг очерчивают О.В. Химичева, О.В. Мичурина и И.Б. Тутынин, относя к лицам, участвующим в уголовно-процессуальных отношениях за пределами установленного разделом II УПК РФ перечня, поручителя, присматривающего за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, залогодателя, заявителя, а также лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Отдельно авторы выделяют лиц, которые не только не являются участниками уголовного судопроизводства, но и вообще никак не названы, поскольку вовлекаются в уголовно-процессуальную деятельность без приобретения процессуального статуса участника и без внятного именования в законе, тогда как их права и законные интересы в ходе досудебного или судебного производства затрагиваются[120]. Равным образом за рамками рассматриваемого круга остаются лица, которые хотя и не обладают четко определенным процессуальным статусом, однако участвуют в производстве в силу выполняемой ими публичной функции либо в целях содействия осуществлению правосудия и защиты интересов других лиц, — в частности, адвокат свидетеля (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), командование воинской части (ч. 1 ст. 104 УПК РФ) и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Их процессуальные возможности определяются объемом предоставленных полномочий и возложенных обязанностей, а сами они не относятся к лицам, чьи собственные права затрагиваются производством и нуждаются в дополнительной правовой защите.

---

[119] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 209.

[120] Химичева О.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. Обязанности как элемент содержания уголовно-процессуальных отношений в контексте обеспечения надлежащего их исполнения участниками уголовного судопроизводства // Криминологический журнал. 2025. № 1. С. 165.

Таким образом, предметом настоящего исследования выступают не все лица с неопределенным процессуальным статусом, а те из них, чьи права и законные интересы затрагиваются производством и которые нуждаются в дополнительной правовой защите. Предлагаемая далее классификация носит характер типологии и закрытого перечня не образует.

Многие правоведы предлагают различные подходы к систематизации непоименованных участников уголовного судопроизводства. Так, в современной доктрине предложена наиболее последовательная модель, которую выстраивает О.С. Морозова в диссертационном исследовании, предлагая функционально-системную классификацию субъектного состава досудебного производства и последовательно разграничивая:

¾ участников, представляющих интересы государства и ведущих процесс от имени государства;

¾ участников, в отношении которых осуществляется уголовное преследование;

¾ участников, обеспечивающих производство;

¾ лиц с неопределенным либо неконкретно определенным в УПК РФ процессуальным положением.

Для последней категории О.С. Морозова обосновывает необходимость общей регламентации статуса таких участников[121], путем введения общей нормы УПК РФ, закрепляющей универсальные минимальные права всех фактически вовлекаемых в досудебную деятельность лиц, а именно: право на информацию о процессуальном статусе и совершенных действиях, на обращение с жалобой, на участие в процессуальных действиях по ходатайству и др.[122]

Развивая идею о необходимости выделения лиц с неопределнным процессуальным статусом, И.В. Смолькова предлагает четырехконтурную систематизацию по степени упоминания в законе:

---

[121] Морозова О.С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 59–60; 65; 109; 134; 161–166.
[122] Там же. С. 59–60.

¾ участники, указанные в разделе II УПК РФ, статус которых урегулирован неполно. Формально они отнесены к числу участников, например, законный представитель несовершеннолетнего, государственный обвинитель, начальник органа дознания, однако нормативное описание их прав и обязанностей фрагментарно и часто отсылает к общим нормам. Например, законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего (п. 12 ст. 5 УПК РФ) упомянут среди участников, но объем его процессуальных прав и обязанностей прямо в законе не раскрыт – приходится выводить их по аналогии с правами родителей и опекунов, исходя из общих целей участия представителя в защите интересов ребенка;

¾ лица, не фигурирующие в разделе II УПК РФ, но упоминаемые в других статьях УПК РФ как участники отдельных процессуальных действий или правоотношений. Их процессуальное положение определено нечетко, зачастую одним-двумя словами, и необходимо «додумывать» его, исходя из общей логики закона. Примеры: заявитель выступает лицо, подающее заявление о преступлении (ч. 2 ст. 141 УПК РФ), реабилитированным является лицо, в отношении которого вынесено решение о реабилитации (ст. 133, 134 УПК РФ), близкие родственники упомянуты в связи с проведением отдельных следственных действий (например, их присутствие при освидетельствовании, ч. 9 ст. 166 УПК РФ) и др. Таких примеров множество: лицо, участвующее в проверке сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), лицо, предъявляемое для опознания (ст. 193 УПК РФ), опознающий и опознаваемый (ст. 193 УПК РФ), поручитель (ст. 103 УПК РФ), залогодатель (ст. 106 УПК РФ), администрация места содержания под стражей (ст. 126 УПК РФ) и т.д. Все они не названы среди участников по главам 6–8 УПК РФ, и закон не регламентирует их права, хотя функционально они вовлечены в процесс;

¾ лица, не указанные в УПК РФ, но фактически вступающие в процессуальные отношения. Это самая неопределенная группа. Сюда можно отнести, например, лиц, чье имущество подвергается мерам процессуального

принуждения, хотя они сами не являются ни подозреваемыми, ни потерпевшими. Типичный пример, собственник или иной законный владелец имущества, на которое наложен арест в порядке ст. 115 УПК РФ. Если это имущество принадлежит не обвиняемому, а, скажем, члену его семьи или иному лицу, то последнего трудно признать полноценным участником процесса, хотя его имущественные права прямо затрагиваются. Закон не предоставляет ему статуса, кроме как называя его «иным лицом, чьи интересы затронуты» в определенном контексте. Аналогично, лица, чьи права нарушены незаконными действиями органов расследования, например, при производстве незаконного обыска у лица, не являющегося участником производства по уголовному делу, они могут обратиться с жалобой в соответствии со ст. 125 УПК РФ как «иное лицо, чьи интересы затрагиваются обжалуемым действием», но специального статуса не имеют. Сюда же относятся, например, лица, инициировавшие возобновление дела ввиду необходимости реабилитации умершего – они действуют в интересах умершего, но формально не признаны участниками;

¾ лица, которые, по идее, должны были бы быть участниками процесса, однако закон о них вообще умалчивает. Например, в зарубежных правовых системах известен институт *amicus curiae* (“друг суда”) – эксперт или организация, представляющие суду свою позицию по делу, не являясь стороной[123]. В российском уголовном процессе подобного института нет, хотя в литературе предпринимались попытки его обосновать[124]. Вместе с тем, следует отметить, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, рассматриваемый рядом авторов в качестве потенциального *amicus curiae* в уголовном судопроизводстве, не может быть безоговорочно отнесен к числу лиц с полностью неопределенным процессуальным статусом. Его правовое положение регламентировано Федеральным конституционным законом от 26

[123] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. Т. 27. С. 208.

[124] Лысенко В.В. Институт amicus curiae в теории и практике неправительственных организаций и Европейского Суда по правам человека // Российский судья. 2008. № 9. С. 39.

февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[125], а в п. 4 ч. 1 ст. 447 УПК РФ и п. 7 ст. 448 УПК РФ прямо упоминается данный участник, устанавливая особый порядок производства в отношении него. Таким образом, процессуальный статус Уполномоченного определяется не только нормами УПК РФ, но и специальным федеральным конституционным законом, что отличает его от иных лиц четвертой группы классификации И.В. Смольковой. Пока такие лица не могут вступать в процесс, оставаясь вне его формальных рамок.

Так, И.В. Смолькова считает, что целесообразнее всего закрепить общую норму о правах и обязанностях таких участников, чтобы устранить неопределенность их правового положения[126].

В русле процедурно-предметного подхода Е.Ю. Алонцева выделяет круг лиц, участвующих в следственных действиях, производимых по судебному решению, таких как осмотр, обыск, выемка в жилище и др. Автор предостерегает от механического расширения перечня «участников процесса» в смысле раздела II УПК РФ, предлагая вместо этого унифицированный минимум гарантий для вовлекаемых лиц, а именно право заявлять ходатайства, присутствовать при процессуальном действии, знакомиться с его протоколом, право на жалобу и прочее с опорой на общие нормы УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ[127].

Проведенный анализ доктринальных подходов к систематизации участников с неопределенным процессуальным статусом позволяет констатировать, что существующие классификации строятся преимущественно на формально-юридическом основании — по наличию и степени упоминания лица в

---

[125] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[126] Там же. С. 39.

[127] Алонцева Е.Ю. Проблема процессуального статуса некоторых участников следственных действий, производимых по судебному решению // Полицейская деятельность. 2020. № 3. С. 49–52.

УПК РФ, что не позволяет в полной мере отразить многообразие процессуальных ситуаций, в которых оказываются данные лица. Представляется обоснованным выделение двух взаимодополняющих оснований классификации: а) по наличию и степени упоминания в законе (формально-юридический критерий), позволяющего разграничить лиц, чей статус урегулирован фрагментарно, и лиц, вовсе не упомянутых в УПК РФ; б) по стадии и характеру вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность (функциональный критерий), отражающего роль и обстоятельства, при которых соответствующие лица оказываются вовлечены в производство по уголовному делу.

Отдельную линию составляет право-сберегающая концепция третьих лиц, развернутая в диссертации В.В. Мурылевой-Казак, где систематизируются средства судебной и внесудебной защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками по разделу II УПК РФ. Предлагается институционализировать таких субъектов в самостоятельную общую статью с перечнем прав и процедур вовлечения[128].Следует при этом учитывать, что используемое В.В. Мурылевой-Казак обозначение «третьи лица» охватывает более узкий круг, ограниченный лицами, чьи имущественные права затрагиваются производством по уголовному делу.

Наконец, Е.Н. Карпов предлагает классифицировать субъектов с недостаточно определенным положением по критерию правоспособности: на группы со специальной правоспособностью, подлежащие специальному признанию участниками со специфическими полномочиями и с общей правоспособностью, с набором общих процессуальных прав, закрепленных законом[129].

Несмотря на предложенную И.В. Смольковой классификацию участников с неопределенным процессуальным статусом, не все из тех участников, которые перечислены, нуждаются в защите прав и законных интересов. Так,

---

[128] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 13–15; 55–56.

[129] Карпов Е.Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса // Бизнес в законе. 2009. № 4. С. 87-90.

процессуально-властные участники по общему правилу не нуждаются в процессуальной защите, поскольку их права и законные интересы не затрагиваются производством по уголовному делу. Вместе с тем, в случаях, когда в отношении должностного лица выносится частное определение (постановление) суда, способное повлечь дисциплинарное производство, такое лицо приобретает самостоятельный интерес в обжаловании данного судебного акта, что подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19[130].

К числу лиц, интересы которых могут затрагиваться уголовным делом без прямого указания их статуса в УПК РФ, относятся самые разные категории. По нашему мнению, их можно классифицировать в четыре группы: 1) лица, инициирующие уголовное преследование; 2) лица, фактически подвергающиеся уголовному преследованию без надлежащего статуса; 3) лица, чьи права ограничиваются в ходе предварительного расследования вследствие применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий, затрагивающих их конституционные права; 4) лица, добровольно вовлекаемые в уголовный процесс.

К первой категории, прежде всего, можно отнести заявителя – это граждане или должностные лица, сообщившие органам власти о совершенном или готовящемся преступлении. Заявитель непосредственно запускает механизм уголовного судопроизводства, однако УПК РФ не признает его самостоятельным участником процесса. Тем не менее, на стадии возбуждения уголовного дела заявитель обладает определенными правами: так, он вправе получить уведомление о принятом решении (ст. 145 УПК РФ) и обжаловать отказ в возбуждении дела.

В этой связи, Л.М. Володина считает, что «обращение в правоохранительные органы сопряжено с надеждой на получение защиты, восстановление

---

[130] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

нарушенных прав и законных интересов, возможность реализации конституционного права на доступ к правосудию»[131]. В первую очередь, если заявитель одновременно является очевидцем события, заинтересован в расследовании преступления и защите справедливости. Однако пока его процессуальная роль ограничена рамками подачи сообщения о преступлении и участия, пожалуй, в рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Также считает и Л.М. Володина, которая указывает, что «ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ … устанавливает: лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности… Проблема в том, что закон не отвечает на вопрос: каково процессуальное положение этих лиц. Соответствующее процессуальное положение лица, вовлеченные в процесс, приобретают только в рамках возбужденного уголовного дела (Раздел II УПК РФ)» [132].

Близкого мнения также придерживается В.И. Майоров, который указывает, что заявитель должен быть наделен необходимым объемом процессуальных прав, например, правом на получение информации, касающейся его заявления и сообщения о преступлении[133]. В качестве примера проблем, порождаемых неопределенностью процессуального статуса заявителя, можно привести ситуацию, когда заявление о преступлении оставлено без движения или неправомерно отказано в возбуждении уголовного дела — заявитель вынужден добиваться соблюдения своих прав путем обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ или в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, не имея формального статуса стороны по делу.

Анализ практики кассационных судов общей юрисдикции за 2020–2021 гг. свидетельствует о том, что суды кассационной инстанции последовательно

---

[131] Володина Л.М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 195.
[132] Там же. С. 200.
[133] Майоров В.И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщений о преступлениях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2013. Т. 13. № 2. С. 33.

отменяют решения судов первой и апелляционной инстанций, которыми было отказано в принятии или удовлетворении жалоб заявителей, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие при проверке сообщения о преступлении, указывая, что такое бездействие затрудняет доступ граждан к правосудию и подлежит судебному контролю[134].

Дополнительно к первой группе можно отнести очевидцев – это лица, непосредственно наблюдавшие преступное событие и располагающие важной информацией.

Если очевидец не допрошен в качестве свидетеля, то формально он не становится участником процесса: «в рамках расследования такое лицо является свидетелем, а до возбуждения уголовного дела – очевидцем»[135].

Тем не менее, его сведения зачастую критичны для итогового решения, при том, что процедурные гарантии свидетеля на этой стадии не действуют: предупреждение по ст. 307 и 308 УК РФ недопустимо, поскольку показания могут быть получены лишь в ходе допроса, производство которого возможно только после возбуждения уголовного дела, а на этапе проверки сообщении о преступлении нередко возникает необходимость получения объяснений, но как обязать лицо явиться и дать объяснение, закон не говорит[136]. На необходимость рассматривать заявителя и очевидца как особую категорию вовлекаемых лиц с неопределенным процессуальным статусом указывала и А. В. Миронова, обосновывая свою позицию их фактической ролью при начале уголовного преследования[137].

---

[134] Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-materialov-v-por/ (дата обращения: 08.02.2026).

[135] Соромотина В.А., Титов П.М. Проблемы определения процессуального статуса некоторых участников стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2023. №25, С. 348.

[136] Там же. С. 346–347.

[137] Миронова А.В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 84–87.

В результате, даже когда дело возбуждается по сообщению очевидца и именно его информация становится ключевым источником доказательств, он не получает полного набора гарантий, предусмотренных для свидетеля, включая модель участия адвоката по ст. 56, 58 УПК РФ, до тех пор, пока не будет определенности в его процессуальном статусе в качестве свидетеля[138].

Следующей категорией являются лица, фактически подвергающиеся уголовному преследованию без надлежащего процессуального статуса. К этой группе относятся, прежде всего, лица, в отношении которых на ранних этапах производства осуществляется деятельность, направленная на проверку их возможной причастности к преступлению, однако процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого ими еще не приобретен. Речь идет о фигурирующем в литературе «уголовно-преследуемом лице»[139] на стадии проверки сообщения о преступлении, когда уголовное дело еще не возбуждено в отношении конкретного лица либо возбуждено по факту события преступления, но уже совершаются предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия, затрагивающие права и свободы конкретного лица. По действующему закону лицо становится подозреваемым лишь при наличии оснований, перечисленных в ст. 46 УПК РФ. Однако, на стадии проверки сообщения о преступлении до придания лицу статуса подозреваемого в отношении него могут осуществляться действия, затрагивающие его права и свободы, что обусловило закрепление в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ обязанности разъяснять такому лицу его права, в том числе право не свидетельствовать против себя, пользоваться услугами адвоката и приносить жалобы. Вместе с тем, сама по себе оперативно-розыскная деятельность не тождественна уголовно-процессуальной деятельности и не влечет произвольного возникновения процессуального статуса участника уголовного судопроизводства

---

[138] Соромотина В.А., Титов П.М. Проблемы определения процессуального статуса некоторых участников стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы российской юстиции. 2023. №25. С. 347–348.

[139] Азаренок Н.В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования // Российский следователь. 2011. № 23. С. 15.

Ситуацию пограничного преследования убедительно формулирует О.С. Морозова: «право на защиту… наступает с момента осуществления в отношении лица фактического уголовного преследования»[140]. Также О.С. Морозова указывает, что к носителям этого комплекса прав относится и «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера», наряду с подозреваемым и обвиняемым[141].

Необходимость своевременного придания лицу надлежащего процессуального статуса находит подтверждение и в доктрине. Как отмечают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, право на защиту принадлежит не только обвиняемому и подозреваемому, формально признанным в соответствующем качестве, но и всякому лицу, в отношении которого осуществляются действия в порядке уголовного преследования, в том числе при его допросе в качестве свидетеля по обстоятельствам предполагаемого участия в совершении преступления[142]. Из этого следует, что при наличии оснований для признания лица подозреваемым его допрос в качестве свидетеля является недопустимым, а отложенное придание соответствующего процессуального статуса, направленное на проведение такого допроса, не соответствует назначению права на защиту[143].

В русле этих аргументов А.А. Давлетов еще до 2022 г. последовательно критиковал неопределенность процессуального статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения дела и предлагал придание статуса через уведомление о подозрении как специальную процессуальную форму раннего признания лица подозреваемым. В соавторстве с И.А. Федоровой он подчеркивал, что уведомление «намного лаконичнее постановления о привлечении в каче-

---

[140] Морозова О.С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 113.
[141] Там же. С. 114.
[142] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. С. 69.
[143] Там же. С. 191.

стве обвиняемого» и позволяет своевременно информировать лицо о ведущемся в отношении него преследовании[144]. Это же с подробной процедурой уведомления о подозрении резюмирует Т.А. Самсонова, так уведомление «позволяет своевременно поставить лицо в известность об осуществляющемся в отношении него уголовном преследовании»[145].

С учетом изложенного предложение об обязательном уведомлении о подозрении на ранних стадиях вплоть до завершения проверки сообщения о преступлении выглядит прагматичным способом наделения фактического объекта преследования правами подозреваемого, т.е. знать существо подозрения, пригласить защитника и др. Это устраняет так называемую «серую зону» для следственных действий в отношении лица, формально не являющегося участником стороны защиты.

К данной категории также относятся лица, вовлеченные в процедуры международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, — экстрадируемый и передаваемый. Лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, фактически подвергается уголовному преследованию, однако не приобретает статуса подозреваемого или обвиняемого на территории РФ, оставаясь в процессуальном отношении «безымянным» участником: сам УПК РФ не использует единого наименования, обозначая его в различных статьях как «лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче» (ч. 4 ст. 460 УПК РФ), «выдаваемое лицо» (ст. 467 УПК РФ), «лицо, в отношении которого принято решение о выдаче» (ч. 2 ст. 463 УПК РФ). Аналогичная неопределенность характерна для лица, в отношении которого осуществляется передача уголовного преследования (ст. 458–459 УПК РФ): принятие Федерального закона от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ, расширившего субъектный состав данных процедур, еще более обострило проблему,

---

[144] Давлетов А.А., Федорова И.А. Уведомление о подозрении — процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 33.

[145] Самсонова Т.А. Уведомление о подозрении в совершении преступления как способ придания статуса подозреваемого // Международный научный журнал «Вестник науки». 2020. № 10(31). Т. 1. С. 76–78.

поскольку передаваемое лицо нередко не уведомляется о принятых решениях и лишено возможности реализовать право на защиту до момента фактического предъявления обвинения иностранным государством[146]. В обоих случаях лицо фактически подвергается уголовному преследованию — к нему могут быть применены меры пресечения, оно может содержаться под стражей, — однако объем его процессуальных прав определяется не целостным статусом, а разрозненными нормами УПК РФ и международных договоров, что позволяет отнести экстрадируемого и передаваемого к числу лиц, фактически преследуемых без надлежащего процессуального статуса.

В следующую категорию входят лица, чьи права ограничиваются в ходе предварительного расследования.

К этой группе относятся лица, не являющиеся ни обвиняемыми, ни потерпевшими, но вовлекаемые в процесс вследствие применения мер процессуального принуждения. Прежде всего, собственники или законные владельцы имущества, на которое наложен арест в рамках производства по уголовному делу. УПК РФ прямо допускает арест имущества иных лиц (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), а при продлении такого ареста законом предусмотрено участие собственника в судебном заседании (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ).

Конституционный Суд РФ в своей правовой позиции подчеркивает, что, продлевая арест, суд обязан учитывать фактическую и юридическую принадлежность имущества и иные обстоятельства, влияющие на баланс интересов собственника и целей уголовного преследования[147].

---

[146] О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 44. Ст. 6840.

[147] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саркисяна Андрея Ашотовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 115, частями первой, пятой - седьмой статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2586-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

В более общем ключе Конституционный Суд РФ запрещает использовать процессуальные конструкции, создающие неопределенность статуса лиц, вовлеченных в процесс без ясной роли[148].

В научной литературе отмечается, что действующие нормы о защите прав лиц, не являющихся «традиционными» участниками процесса, фрагментарны и несистемны. Так, В.В. Мурылева-Казак прямо отмечает, что «нормы, посвященные защите прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, не систематизированы», при этом имущество таких лиц все чаще вовлекается в уголовно-процессуальные отношения[149].

Практика кассационных судов общей юрисдикции показывает типичные ошибки при наложении или продлении ареста на имущество третьих лиц: отсутствие указания срока, неопределенность запретов и ограничений, отсутствие сопоставления стоимости арестованного имущества с размером ущерба, причиненного преступлением[150].

К данной категории относятся и лица, чьи иные конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий, несмотря на отсутствие у них статуса, подозреваемого (обвиняемого). Так, при обысках у иных лиц, к которым могут относиться соседи, родственники, собственники помещений, где обыск производится не в отношении фигуранта дела, встает вопрос о достаточности гарантий. Так, Е.А. Миллерова указывает на пробел, что «в уголовно-процессуальном законе не конкретизировано, какое именно лицо

---

[148] По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

[149] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 221, 41.

[150] Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению судебных материалов // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-sudebnykh-materi/ (дата обращения: 08.02.2026).

должно присутствовать при обыске в жилище: проживающий или собственник», что создает риск затрагивания прав вне статуса участника[151].

Дополнительно авторы подчеркивают необходимость последующего судебного контроля при производстве обыска в случаях, не терпящих отлагательств: судья в течение 24 часов проверяет законность и исключительность обстоятельств, послуживших основанием обыска, что служит процессуальной гарантией для лиц, чьи прав и интересы затронуты данным следственным действием, не являющихся участниками уголовного судопроизводства[152].

В более широком контексте перечень реально вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц не исчерпывается разделом II УПК РФ. Так, О.С. Морозова справедливо замечает, что «раздел II УПК РФ не содержит полного перечня лиц, реально участвующих в производстве по уголовному делу», что подтверждается правоприменительной практикой[153].

Имущественные процедуры демонстрируют нарастание вовлечения добросовестных третьих лиц, включая супругов, бенефициаров корпоративных структур, хранителей арестованного имущества. Так, В.В. Мурылева-Казак детализирует виды третьих лиц по причастности к аресту (ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК) и обращает внимание на правоприменительную практику, когда арест накладывается на активы юридических лиц, фактически контролируемых обвиняемым, что нивелирует гарантию срочности ареста и усугубляет риски для добросовестных собственников[154].

---

[151] Миллерова Е.А., Напханенко И.П., Сергеев С.М. К вопросу о конституционных гарантиях неприкосновенности жилища при производстве обыска в жилище // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4(99). С. 114.
[152] Там же. С. 116.
[153] Морозова О.С. Указ. соч. С. 253.
[154] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2023. С. 27–28, 55–58, 110–114.

Также, Е.Ю. Алонцева, анализируя случаи проведения обыска без судебного решения у лиц, не являющихся обвиняемыми, подчеркивает необходимость дополнительной защиты их прав[155].

Нормативные ориентиры здесь таковы: 1) суд, продлевая арест на имущество иных лиц, должен проверять его обоснованность и соразмерность (ч. 1–2, 4–7 ст. 115.1 УПК РФ); 2) собственник вправе участвовать в рассмотрении ходатайства о продлении срока применения мер процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество и при необходимости обжаловать постановление о продлении срока ареста, наложенного на имущество, сохранении или изменении ограничений, связанных с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом (ч. 4, 7 ст. 115.1 УПК РФ); 3) при обыске в жилище должны соблюдаться принцип законности и присутствия лиц, в помещении которых производится обыск (ст. 182 УПК РФ), а в случае неотложности должен обеспечиваться последующий судебный контроль (ст. 165 УПК РФ), что подтверждается и научной доктриной.

Наконец, самостоятельной категорией являются лица, добровольно вовлекаемые в процесс для содействия правосудию.

Существуют категории лиц, которые сами изъявляют желание или по инициативе сторон привлекаются к участию в деле, не получая при этом отдельного статуса в уголовно-процессуальном законе. К ним относятся, например, поручители и залогодатели.

Поручители, участвуют в деле, однако ни в ст. 5 УПК РФ, ни в гл. 8 УПК РФ они не упомянуты как самостоятельные участники уголовного судопроизводства. Тем не менее, поручитель несет юридически значимые обязанности и подвергается риску наложения денежного взыскания в случае их неисполнения. Так, О.С. Морозова отмечает, что поручитель фактически становится участником уголовного судопроизводства на этапе избрания меры пресечения. Он вступает в процессуальные отношения со следователем и дознавателем при

---

[155] Алонцева Е. Ю. Осмотр и обыск в жилище без решения суда // Уголовный процесс. 2017. №. 1. С. 81.

принятии обязательства обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого[156]. Однако специального процессуального статуса, перечня таких прав, как права заявлять ходатайства, знакомиться с постановлением о взыскании залога или денежного взыскания и обжаловать его законодатель не прописал. Аналогично, залогодатель (ст. 106 УПК РФ), не упомянут среди участников процесса. Обычно залог вносит сам обвиняемый либо его близкие; когда в роли залогодателя выступает третье лицо, его положение схоже с поручителем: он добровольно вовлекается в процесс, чтобы обеспечить явку обвиняемого, и рискует своими средствами. Закон ограничивается указанием на права залогодателя на возврат залога после выполнения условий и на уведомление о решениях суда по залогу, но не более. В итоге, поручители и залогодатели остаются за рамками процессуального статуса.

Так, А.В. Закомолдин указывает, что требования к поручителю несовершенны, в УПК РФ нет критериев дееспособности и иных квалификационных фильтров, и предлагает скорректировать ч. 1 ст. 103 УПК РФ, чтобы расширить и упорядочить применение личного поручительства как меры пресечения[157].

О практическом бездействии данного института свидетельствуют эмпирические данные: личное поручительство составляет менее 0,01 % от всех избираемых мер пресечения, а в открытых базах судебных решений за период 2015–2025 г. не обнаружено ни одного опубликованного решения районного или апелляционного суда, предметом которого являлись бы наложение денежного взыскания на поручителя по ч. 4 ст. 103 УПК РФ, обжалование такого постановления или иной спор о правах поручителя[158]. Сам факт отсутствия

---

[156] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №1 (101). С. 128.

[157] Закомолдин А.В. Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения // Jus strictum. 2018. № 4. С. 10–14.

[158] По результатам анализа баз данных СудАкт.ру (https://sudact.ru), СПС «КонсультантПлюс», СПС «ГАРАНТ» за период 2015–2025 гг. по запросам «личное поручительство»

правоприменительной практики является значимым эмпирическим аргументом в пользу вывода о дефектности действующего правового регулирования. При этом еще в 2005 году Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 12 мая 2005 г. № 186-О указал, что наличие вины является общепризнанным основанием привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права, что применительно к поручителю означает необходимость доказывания его вины и бездействия при решении вопроса о наложении денежного взыскания, а не простого установления факта нарушения обвиняемым условий меры пресечения[159]. Однако данная позиция не получила развития в практике нижестоящих судов, что лишь подтверждает системный характер проблемы неурегулированности статуса поручителя.

Похожий акцент делает О.В. Баландюк, отмечая, что эффективность залога во многом зависит от четкого определения прав и обязанностей залогодателя как самостоятельного участника отношений исполнения меры пресечения[160].

Статья 106 УПК РФ прямо допускает внесение залога иным физическим или юридическим лицом, но не описывает процессуальный статус такого лица, что и порождает пробел.

Кроме того, реабилитируемый также добровольно участвует в отдельных стадиях процесса с целью восстановления своих нарушенных прав. Добровольный характер его вовлечения обусловлен порядком реабилитации: суд, следователь или дознаватель лишь признают за лицом право на реабилитацию и направляют ему извещение с разъяснением порядка возмещения вреда (ч. 1

«денежное взыскание» «статья 103 УПК» не обнаружено ни одного опубликованного решения суда общей юрисдикции о наложении денежного взыскания на поручителя или об обжаловании такого постановления.

[159] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ледовских Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 103 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 186-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

[160] Баландюк О.В. Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52). С. 58–62.

ст. 134 УПК РФ), тогда как производство по возмещению вреда возникает исключительно вследствие обращения самого лица с соответствующим требованием (ч. 2 ст. 135 УПК РФ). Тем самым вовлечение реабилитируемого в данное производство определяется его собственным волеизъявлением, а не властным решением, чем оно и отличается от предшествовавшего ему уголовного преследования, носившего принудительный характер.

Статус реабилитируемого также требует четкой процессуальной регламентации. В настоящее время доктрина исходит из того, что «на современном этапе, активно развивается институт восстановления прав лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию», а вопросы возмещения вреда, официальных извинений и публичного опровержения сведений образуют самостоятельный комплекс процессуальных гарантий[161]. Вместе с тем, после прекращения уголовного преследования процессуальное положение реабилитируемого не утрачивает связи с ранее осуществлявшимся в отношении него уголовным преследованием. Как указал Конституционный Суд РФ, процессуальное положение такого лица является продолжением правового статуса обвиняемого, предполагающего, кроме прочего, право на квалифицированную юридическую помощь и защиту его интересов[162]. Следовательно, даже после прекращения преследования участие реабилитируемого в уголовном процессе и в смежных процедурах продолжается именно ради реализации его процессуальных прав и законных интересов.

Как видно, круг лиц с неопределенным процессуальным статусом весьма широк. Их объединяет то, что их права и законные интересы способны существенно пострадать в ходе уголовного судопроизводства, но специальные гарантии, присущие участникам, указанным в разделе II УПК РФ, на них не распространяются.

---

[161] Багирян Е.П. Способы возмещения морального вреда лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию // InJustice. 2024. № 4 (32). С. 343–346.

[162] По жалобе гражданина Абдулхалимова Магомедшапи Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2020 г. № 1107-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

Отсутствие определенного статуса у перечисленных категорий лиц порождает сразу несколько проблем. Во-первых, возникают пробелы в обеспечении прав и законных интересов. У таких лиц нет полного комплекса процессуальных прав, который позволял бы им активно защищать свои интересы. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что каждый, чьи права затрагиваются в уголовном преследовании, должен иметь эффективные средства правовой защиты[163].

Так, И.В. Смолькова прямо заявляет, что большинство конфликтных ситуаций и проблем, возникающих в практике с участниками с неопределенным процессуальным статусом, «значительно сократились бы, если бы процессуальный статус этих лиц был закреплен в законе»[164].

Отсутствие специальных норм, регламентирующих права второстепенных участников А.А. Давлетов объясняет традиционным представлением о их незначительной роли[165]. Исторически считалось, что если лицо не выполняет ключевой функции обвинения, защиты или правосудия, то нет необходимости детально прописывать его права и достаточно общих гарантий. Однако такой подход ныне признан устаревшим. Принципы гуманизма и состязательности требуют, чтобы любой участник, формальный или нет, мог реализовать свои права. Пренебрежение правами таких участников, по выражению А.А. Давлетова, ведет к нарушению баланса интересов и подрывает доверие к правосудию. Таким образом, позиция о второстепенной роли этих субъектов более не выдерживает критики, а напротив, эти лица требуют внимания законодателя.

---

[163] Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 3-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «РЕСО-Лизинг» на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 115 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

[164] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. № 2. Т. 27. С. 207.

[165] Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 67.

С учетом вышеизложенного, участников, не имеющих определенного процессуального статуса, чьи права и законные интересы затрагиваются производством по уголовному делу, можно классифицировать по характеру их вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность. Такой подход к классификации ориентирован на роль и обстоятельства, при которых соответствующие лица оказываются втянутыми в орбиту уголовного судопроизводства. Таким образом, можно выделить следующие основные группы:

1) лица, инициирующие уголовное преследование: заявитель, очевидец;

2) лица, фактически подвергающиеся уголовному преследованию без надлежащего статуса: уголовно-преследуемое лицо; экстрадируемый, передаваемый;

3) лица, чьи права ограничиваются в ходе расследования, при применении мер процессуального принуждения и при производстве следственных действий: собственники или законные владельцы имущества, на которое наложен арест в рамках уголовного дела; лица, чьи иные конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий.

4) лица, добровольно вовлекаемые в уголовный процесс: поручитель, залогодатель, реабилитируемый.

Приведенное деление не носит описательного характера. Характер вовлечения лица в производство предопределяет содержание затрагиваемого у него законного интереса, а содержание интереса — объем необходимых лицу средств процессуальной защиты. Каждая из выделенных групп соответствует самостоятельному способу вовлечения лица в уголовно-процессуальную деятельность. Лицо либо само обращается к органам предварительного расследования, добиваясь защиты нарушенного блага, либо оказывается объектом направленного против него подозрения, либо претерпевает принудительное воздействие на принадлежащие ему блага при том, что подозрение против него не выдвигается, либо вступает в процессуальные отношения по собственной воле, принимая на себя обременения или заявляя притязание к государству.

Названные способы охватывают типовые ситуации, в которых лицо оказывается вовлеченным в производство, не будучи наделенным процессуальным статусом, а потому число выделенных групп определяется не произвольно, а числом таких способов.

Предложенное деление не выделяет в самостоятельную группу лиц, участвующих в разрешении уголовно-процессуальных споров о правоприменении, — лиц, подающих жалобы, и лиц, возражающих на них. Обжалование не является самостоятельным способом вовлечения лица в производство, поскольку представляет собой средство защиты интереса, уже затронутого ранее совершенным процессуальным действием или принятым решением. Лицо приобретает положение жалобщика не в дополнение к своей процессуальной роли, а в силу нее, а потому такие лица распределяются по уже выделенным группам. Так, собственник, обжалующий наложение ареста на имущество, остается лицом, чьи права ограничиваются при производстве процессуальных действий. Заявитель, обжалующий отказ в возбуждении уголовного дела, — лицом, инициирующим уголовное преследование. Лицо, фактически подвергающееся уголовному преследованию, обжалуя постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела, своего положения не изменяет. Поручитель, оспаривающий наложение денежного взыскания, остается лицом, добровольно вовлеченным в уголовный процесс. Обжалование тем самым свойственно каждой из выделенных групп и самостоятельного основания классификации не образует.

Сторона, возражающая на жалобу, по общему правилу в рассматриваемый круг не входит. При рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ в судебном заседании участвуют прокурор, следователь и руководитель следственного органа (ч. 3 ст. 125 УПК РФ), то есть субъекты, действующие в пределах предоставленных им полномочий и не преследующие собственного личного интереса. В тех случаях, когда против жалобы возражает лицо, не наде-

ленное властными полномочиями, оно либо обладает определенным процессуальным статусом, либо относится к одной из выделенных выше групп по характеру своего вовлечения в производство.

Вместе с тем процессуальное положение лиц, участвующих в разрешении таких споров, урегулировано недостаточно, что подтверждает постановку исследуемой проблемы. Так, ч. 1 ст. 123 УПК РФ наделяет правом обжалования иных лиц в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, а ч. 3 ст. 125 УПК РФ предусматривает участие в судебном заседании иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением. Однако ни объем прав таких лиц в данном производстве, ни порядок, в котором они узнают о принятом решении и подтверждают затронутость своих интересов, законом не определены. Названные нормы упоминают этих лиц, но их процессуального статуса не создают, что является наиболее острым проявлением исследуемой проблемы, поскольку лицо оказывается лишенным возможности защитить свой интерес именно в тот момент, когда предпринимает для этого установленные законом действия.

Предложенная классификация участников с неопределенным процессуальным статусом нуждается не только в описании входящих в каждую группу субъектов, но и в последовательном теоретическом обосновании, раскрывающем, почему именно этим лицам необходимо предоставление специальных процессуальных гарантий. Такое обоснование следует искать в соотношении публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Уголовное судопроизводство по своей природе представляет собой публично-правовую деятельность, направленную на защиту интересов общества и государства, при этом содержание публичного интереса включает не только обеспечение защиты от преступных посягательств, но и охрану прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность[166].

---

[166] Каминский Э.С. К вопросу о публичном интересе в уголовном процессе // Российский судья. 2021. № 1. С. 26.

Вместе с тем, защита публичного интереса не означает отказа от защиты частных интересов, поскольку преступление, затрагивая интересы конкретных лиц, одновременно посягает на правопорядок и общество в целом[167]. В науке обоснованно подчеркивается, что публичный и частный интересы в уголовном судопроизводстве не могут противопоставляться, так как находятся в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности, а обеспечение прав личности рассматривается как необходимая предпосылка достижения назначения уголовного судопроизводства[168]. Следовательно, механизм обеспечения прав лиц с неопределенным процессуальным статусом должен строиться не вопреки публичному началу, а в его рамках, поскольку баланс публичных и частных интересов предполагает разумное и соразмерное самоограничение государства и исключает произвольное пренебрежение частными интересами[169].

Применительно к первой группе — лицам, инициирующим уголовное преследование, — обоснование необходимости защиты их прав лежит в плоскости процессуальной экономии и превентивного характера соблюдения их законных интересов. Реализация интереса данной группы лиц — заявителей и очевидцев — является инструментом достижения публичной цели уголовного судопроизводства: именно их инициатива запускает механизм уголовного преследования[170]. В этом смысле защита их прав не противоречит публичному интересу, но прямо вписывается в него. Более того, предоставление им надлежащих процессуальных гарантий на начальном этапе производства позволяет предотвратить возникновение правовых конфликтов, разрешение которых на конечных стадиях потребовало бы задействования инструментов судебного контроля и прокурорского надзора, что неизбежно утяжеляет, удорожает и

---

[167] Доржиева И.Б. О некоторых вопросах защиты публичных интересов в российском уголовном судопроизводстве // Криминалистъ. 2024. № 1(46). С. 40.

[168] Качалова О.В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 70.

[169] Смирнов А.В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная полития // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 122.

[170] Морозова Ю.А. Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 4. С. 25–26.

удлиняет производство по делу. Обеспечение прав данной категории участников, таким образом, обладает превентивной функцией[171].

Применительно ко второй группе — лицам, фактически подвергающимся уголовному преследованию без надлежащего статуса, — обоснование строится на ином основании. Данная категория лиц представляет собой заведомо слабую сторону уголовно-процессуальных отношений: защита их прав от произвольного преследования входит в состав публичного интереса государства в справедливом судопроизводстве. Вместе с тем, необходимо констатировать наличие объективного конфликта интересов: публичный интерес в раскрытии преступлений и установлении обстоятельств дела вступает в противоречие с частным интересом фактически преследуемого лица защищаться всеми законными способами — в том числе посредством отказа от дачи показаний и оспаривания собираемых доказательств. Именно это противоречие обуславливает необходимость специальных гарантий: в условиях конфликта интересов лицо, не обладающее процессуальным статусом, оказывается заведомо уязвимым, лишенным надлежащих правовых средств защиты[172]. Показательно, что недостаточность процессуального регулирования применительно к данной группе фактически вынуждает Конституционный Суд РФ последовательно восполнять соответствующие пробелы, что само по себе является доказательством необходимости прямой законодательной регламентации их статуса[173].

Применительно к третьей группе — лицам, чьи права ограничиваются при применении процессуальных мер, — обоснование строится на принципиально ином, но внутренне последовательном основании. Ограничение интересов данных лиц (собственников арестованного имущества, лиц, в помещениях

---

[171] Там же. С. 28–30.

[172] Грачев С.А. Судебные правовые позиции в контексте коллизий, связанных с формированием процессуального статуса лиц, в отношении которых фактически реализуются акты уголовного преследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 114–116.

[173] Там же. С. 114–116; Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16. № 2А. С. 635–645.

которых производится обыск, и иных) является не побочным эффектом уголовного процесса, а непосредственным средством достижения его публичной цели: именно через такое ограничение обеспечивается сохранность доказательств и гарантируется возможность исполнения будущего приговора в части имущественных требований[174]. Поскольку ограничение интереса данных лиц изначально предполагается и составляет само содержание применяемых процессуальных мер, государство в соответствии с концепцией самоограничения государства обязано предоставить им соответствующие правовые гарантии[175]. Государство, признавая правомерность ограничения прав этих лиц как инструмента публичного интереса, должно одновременно создать механизм, исключающий произвольность такого ограничения, и предоставить указанным лицам возможность оспаривать применяемые к ним меры[176]. Без этого ограничение их прав утрачивает правовую легитимность.

Наиболее специфичным является обоснование применительно к четвертой группе — лицам, добровольно вовлекаемым в уголовный процесс. Для реабилитируемых следует констатировать, что необходимость реабилитации является прямым следствием ошибки самого государства — судебной или следственной[177]. Если государство располагает правом осуществлять уголовное преследование, допуская при этом ошибки, то оно несет корреспондирующую ответственность за их последствия[178]. В этом смысле механизм обеспечения прав реабилитируемого представляет собой механизм возложения на государство санкции за допущенную ошибку[179]. Для поручителей и залогодателей

---

[174] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 67, 93; Смирнов А.В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная полития // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 122.

[175] Там же. С. 13, 102.

[176] Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учеб.-практ. пособие. 2-е изд. Н. Новгород, 2008. С. 54.

[177] Кузнецова А.Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 3–6.

[178] Там же. С. 3–6.

[179] Там же. С. 3–6.

обоснование иное, так как эти лица добровольно вступают в уголовно-процессуальные отношения, принимая на себя имущественные риски ради содействия правосудию и тем самым реализуя публичный интерес[180]. Государство само заинтересовано в существовании данных институтов как альтернативы более жестким мерам пресечения. Однако добровольный характер участия этих лиц не снимает с государства обязанности обеспечить их надлежащей правовой защитой. Лицо, принявшее на себя процессуальные обязательства ради содействия правосудию, вправе рассчитывать на четкое законодательное определение своего положения[181].

Таким образом, предложенная классификация не является произвольной, каждая выделенная группа обладает самостоятельным теоретическим обоснованием необходимости предоставления ее членам специальных процессуальных гарантий. Это обоснование строится на закономерностях соотношения публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве и на концепции самоограничения государства в сфере уголовно-процессуальной деятельности, применяемой всякий раз, когда государство ограничивает права и законные интересы лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного преследования[182].

---

[180] Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (35). С. 11; Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 1998. С. 16.

[181] Коновалова М.А. К вопросу избрания и применения меры пресечения в виде личного поручительства // Вестник экономики и права. 2022. № 74. С. 91, 96–97; Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (35). С. 11.

[182] Смирнов А.В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная полития // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 122.

ГЛАВА 2. ПРАВА И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

§ 1. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом

Категория «интерес» является базовой для правового регулирования уголовного судопроизводства. Анализ ст. 6 УПК РФ свидетельствует о том, что за устоявшимся выражением «права и законные интересы» стоят различающиеся правовые явления: субъективное право и общественно значимый интерес. При этом законные интересы обладают самостоятельным юридическим значением и выступают отдельным объектом правовой охраны наряду с правами[183]. Участие лица в процессуальных правоотношениях может быть обусловлено не только наличием субъективного права, но и стремлением реализовать конкретный законный интерес.

В научной литературе законные интересы участников уголовного судопроизводства рассматриваются как неотъемлемый элемент уголовно-процессуальных правоотношений, требующий четкого учета при правовом регулировании[184]. Отдельные исследователи предлагают рассматривать законные интересы как самостоятельный структурный компонент правовой конструкции процесса, сопоставимый по значимости с субъективными правами участников и публичными интересами государства[185]. Вместе с тем, в доктрине остается дискуссионным вопрос о соотношении прав субъектов уголовного процесса и их интересов, а также о гарантиях, необходимых для эффективной защиты последних.

---

[183] Субочев В.В. Законные интересы / В.В. Субочев // Проблемы теории государства и права. Учебник / Под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 362.
[184] Малин П.М. О категории «Законный интерес» в уголовном судопроизводстве // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 117. С. 2–4.
[185] Там же. С. 2–4.

Понятие интереса в широком смысле отражает осознанную потребность субъекта, связанную со стремлением к получению определенной пользы или выгоды. Так, И.Г. Смирнова определеяет интерес в уголовно-процессуальном контексте именно таким образом, подчеркивая субъективную мотивационную природу данного явления[186]. Термин «интерес» имеет глубокие исторические корни: происходя от латинского «interest» (имеет значение), он через западноевропейские языки вошел в русский язык в XVIII веке, первоначально означая выгоду, пользу, а впоследствии приобретая значение внимания или значимости[187]. В правовом контексте интерес традиционно рассматривается как стремление лица к благоприятному результату, удовлетворяющему его потребности в рамках правового дозволения.

В уголовном судопроизводстве закон подчеркивает значение именно законного интереса, то есть интереса, признанного и охраняемого правом и не противоречащего правовым нормам. Как отмечается в литературе, используемый в уголовно-процессуальном законе термин «интерес» фактически трактуется в значении «законный интерес», и закон признает допустимым для уголовного процесса лишь интересы, соответствующие требованиям законности[188]. По результатам сравнительно-правового анализа С.А. Дилбандян приходит к выводу, что уголовно-процессуальный закон защищает лишь такие интересы, которые имеют правовую легитимацию, то есть являются законными[189].

Следует подчеркнуть, что в тексте УПК РФ понятия «интерес» и «законный интерес» употребляются как равнозначные. Так, Р.В. Мазюк специально обращает внимание на эту особенность терминологии: по его мнению, законо-

---

[186] Смирнова И.Г. Интерес — понятие уголовно-процессуальное // Государство и право. 2008. № 8. С. 15.
[187] Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 4-е изд. М.: Русский язык, 1996. С. 418; Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 12.
[188] Дилбандян С.А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовое исследование уголовного процесса России и Армении / С.А. Дилбандян // Российский судья. 2010. № 11. С. 33.
[189] Там же.

датель не проводит принципиального различия между указанными терминами, используя их в качестве синонимов[190]. Это означает, что всякий интерес, имеющий значение в рамках уголовного судопроизводства, предполагается законным, в противном случае он не подлежит охране и реализации. Данная непоследовательность терминологии в УПК РФ отмечалась и другими авторами[191].

Положения ст. 6 УПК РФ непосредственно корреспондируют конституционным нормам, в частности ст. 52 Конституции РФ, гарантирующей защиту прав потерпевших, и свидетельствуют о том, что уголовный процесс призван обеспечивать баланс публичных и частных интересов[192]. Как справедливо отмечает А.А. Тарасов, публичное начало предполагает равную защиту каждого законного интереса, а достижение справедливого баланса публичного и частного интересов само по себе составляет публичный интерес; следовательно, законный интерес каждого участника выступает ориентиром, в рамках которого обеспечивается его защита[193]. Данная позиция формировалась последовательно, поскольку первоначально она была раскрыта на материале производства по делам частного обвинения, где обосновано, что в любом частном интересе присутствует публичный интерес, тогда как публичный интерес не существует сам по себе, вне частных интересов многих людей, а на правоприменителя возлагается задача по каждому уголовному делу выявить публично-правовую составляющую частного интереса и обеспечить равную защиту обоих интересов[194].

---

[190] Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4. С. 76–78.
[191] Там же.
[192] Лапаев И.С., Алейникова А.Б. Общие положения уголовного процесса: учебное пособие. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2021. С. 11.
[193] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 152–153, 156, 158–160.
[194] Тарасов А.А. К вопросу о публичности «частного обвинения» // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5 (96). С. 179-180.

Таким образом, законным интересом участника уголовного процесса следует считать такое благо или цель, которые допускаются и охраняются уголовно-процессуальным законом[195]. Все правомерные стремления сторон и иных лиц, возникающие в связи с уголовным делом, подпадают под категорию законных интересов[196]. Незаконные же притязания правовой защитой не обеспечиваются, поскольку выходят за пределы правового дозволения[197]. Вместе с тем, законный интерес представляет собой категорию не только индивидуального, но и общественного порядка, поскольку уголовный процесс учитывает как интересы личности, так и интересы общества и государства. В условиях современного правопорядка наука отказалась от доктрины советского периода о полном совпадении интересов личности и государства[198]. Сегодня признается автономность частных интересов — например, интересов потерпевшего или обвиняемого, — которые могут не совпадать с интересами государственных органов, и задача закона состоит в том, чтобы обеспечить их надлежащее соблюдение и защиту в пределах, установленных правом[199].

Наряду с общим понятием законного интереса в научной литературе сформировалось представление о процессуальном интересе — специфической разновидности интереса, обусловленной функциональной позицией участника в судопроизводстве. Если законный интерес отражает допустимое законом

---

[195] Червонюк В.И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 15–16; Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. №. 2 (313). С. 90–93.

[196] Там же; Червонюк В.И. Указ. соч. С. 15–16.

[197] По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса РФ в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.

[198] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 152–156, 158–160; Дегтярев А.Д. (сост.). Баланс интересов личности, общества и государства в правовой сфере. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 3.

[199] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 152–156, 158–160.

стремление, то процессуальный интерес акцентирует связь этого стремления с процессуальной ролью субъекта и ходом уголовного дела.

Одним из первых исследователей, обратившихся к данной категории, был В.М. Галкин, отмечавший, что «процессуальный интерес представляет собой интерес в успешном осуществлении определенной процессуальной функции»[200]. Дальнейшее развитие данная идея получила в работах С.Д. Шестаковой, которая определила процессуальный интерес как «выраженную в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства его потребность в том, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат»[201]. Комплексное определение предложено Л.И. Ильницкой, согласно которому процессуальные интересы представляют собой возникающие в связи с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовного дела стремления субъектов процесса к достижению социально значимого результата, которые признаются и охраняются уголовно-процессуальным законом[202]. Таким образом, в доктрине прослеживается развитие категории процессуального интереса: от функциональной характеристики — через поведенческое измерение— к нормативно-телеологическому определению.

Термин «процессуальный интерес» получил признание и в судебной практике. В постановлении Конституционного Суда РФ от 02 июля 2013 г. № 16-П указано, что стороны обвинения и защиты, заявляя ходатайства, «всегда преследуют собственный процессуальный интерес»[203]. Данное признание на

---

[200] Галкин В.М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. М., 1951. С. 37.

[201] Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 17; Шестакова С.Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 15.

[202] Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 37.

[203] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

уровне высшей судебной инстанции подчеркивает значимость учета процессуальных интересов при толковании и применении уголовно-процессуальных норм.

Учеными процессуалистами высказывались различные точки зрения относительно соотношения процессуального интереса и субъективных прав участников. Отдельные авторы полагали, что в современном процессе права участников полностью охватывают их интересы. Однако большинство исследователей, убеждены в обратном: процессуальный интерес — самостоятельная категория, которая, будучи тесно связана с правами, к ним не сводится[204]. Так, Р.В. Мазюк подчеркивает, что интерес обвиняемого избежать уголовной ответственности по существу является стремлением к определенному процессуальному решению — оправдательному приговору или прекращению дела по нереабилитирующему основанию[205]. Подобное стремление полностью укладывается в рамки закона и должно уважаться. Процессуальный интерес, таким образом, служит мотивирующей основой для использования участником своих прав и исполнения обязанностей: если права — это юридические возможности, предоставленные лицу, то интересы побуждают этими возможностями воспользоваться.

Обобщая изложенные доктринальные позиции, можно определить процессуальный интерес как нормативно дозволенное и обусловленное процессуальной функцией целеполагающее стремление участника уголовного судопроизводства, определяющее его поведение и направленное на достижение предпочтительного исхода дела или отдельного процессуального решения[206]. У каждого участника — будь то стороны (обвинение, защита) или иные субъекты — имеется свой процессуальный интерес, вытекающий из его положения

---

[204] Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 83.
[205] Там же. С. 80.
[206] Лебин В.В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом: понятие, критерии отбора и типология // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2026. № 2. С. 59.

в процессе[207]. Эти интересы могут быть различными и подчас противоположными (интерес государственного обвинителя — в вынесении обвинительного приговора, интерес подсудимого — в оправдании или прекращении дела), что объективно порождает состязательность и обусловливает необходимость процессуальных гарантий[208]. Именно через призму процессуальных интересов возможно глубже понять смысл многих уголовно-процессуальных норм, касающихся прав и обязанностей участников: законодатель, устанавливая определенные права, стремится обеспечить возможность реализации соответствующих интересов.

Сформулированное понятие процессуального интереса имеет принципиальное значение для предмета настоящего исследования. Соотношение уголовно-правового и процессуального интереса в науке решается через категорию производности. Процессуальный интерес отражает законное стремление участника процесса добиться такого судебного решения, которое удовлетворяло бы его материально-правовые притязания, и во многом совпадает с процессуальной функцией, хотя и не тождествен ей[209]. По своей правовой природе он служит средством обеспечения материально-правовых и личных интересов его носителя и гарантией его процессуальных прав[210].

Вместе с тем производность не означает тождества. Как отмечает Д.О. Мамонтова, интерес может быть проявлен в результате процессуального воздействия на лицо, вследствие чего у него возникает потребность в защите своих прав и своей собственности, либо по инициативе самого лица, либо

---

[207] Берова Д.М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 4. С. 224–225; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. С. 89–91.

[208] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 4-е изд. М.: КНОРУС, 2008. С. 89–90.

[209] Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М. : Наука, 1971. С. 96–97; Мамонтова Д. О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал. 2018. № 3. С. 17.

[210] Мамонтова Д.О. Указ. соч. С. 18.

прямо вытекать из процессуального статуса участника уголовного судопроизводства[211]. Следовательно, возникновение интереса не обусловлено исключительно обладанием статусом. Так, И.И. Ахматов характеризует процессуальный интерес как атрибут уголовно-процессуального правоотношения, присущий его субъекту, то есть лицу, состоящему в таком правоотношении[212].

Данное разграничение объясняет положение лиц с неопределенным процессуальным статусом. Не будучи сторонами спора о виновности, такие лица не имеют уголовно-правового интереса, а следовательно, и производного от него уголовно-процессуального интереса в классическом понимании, чем и объясняется отсутствие у них процессуального статуса. Вместе с тем их законный интерес объективно затрагивается уголовным судопроизводством. Как обоснованно отмечает И.Р. Хроменков, ссылаясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ, в ходе уголовного преследования могут быть затронуты интересы и иных лиц, не наделенных каким-либо процессуальным статусом, в частности собственников имущества, на которое наложен арест[213]. Лицу же, не получившему статуса подозреваемого или обвиняемого, однако фактически допрашиваемому по подозрению в совершении преступления, должны быть предоставлены надлежащие правовые средства, обеспечивающие защиту его прав и законных интересов[214]. Заинтересованность таких лиц производна не от материально-правового спора о виновности, а непосредственно от факта затрагивания их конституционных благ процессуальными действиями и решениями.

Именно поэтому применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом определяющей выступает категория законного интереса, не

---

[211] Там же. С. 16.

[212] Ахматов И.И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения // Государство и право : теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). Чита : Молодой ученый, 2014. С. 55.

[213] Хроменков И.Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1 (134). С. 134.

[214] Там же. С. 135.

тождественная субъективному праву. Субъективное право в большинстве случаев прямо отражено в законе, тогда как законные интересы чаще существуют в завуалированной форме, взаимосвязаны с принципами уголовного судопроизводства либо выводятся судебной практикой. Субъективное право предоставлено участнику в настоящее время, тогда как интерес связан с достижением результата в будущем. Наконец, субъективному праву всегда корреспондирует обязанность, чего затруднительно сказать применительно к интересам[215]. Такой законный интерес имеет конституционную природу и производен непосредственно от факта вовлечения лица в производство, что согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, связывающей обеспечение прав не с формальным признанием лица участником, а с фактическим затрагиванием его прав процессуальными действиями и решениями[216]. Именно поэтому процессуальные средства реализации и защиты этого интереса — права и гарантии — у таких лиц оказываются минимальными либо фрагментарными, что обусловливает их повышенную уязвимость и требует дальнейшего анализа.

Вместе с тем, проблематика участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом требует дифференцированного подхода, поскольку такие лица неоднородны по своей роли в процессе и по характеру вовлечения. В доктрине подчеркивается, что в уголовном процессе действуют не только лица, отстаивающие определенный интерес в деле, но и те, кто вовлекается для содействия правосудию и может не иметь личной заинтересованности в исходе дела. Так, Ю.К. Якимович указывая, что одних участников объединяет реализация своих прав и интересов, других — выполнение обязанностей или оказание содействия, а «в третью группу входят участники, которые не имеют никакого личного интереса в деле»[217].

---

[215] Там же. С. 136.

[216] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

[217] Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 10.

Отсюда следует методологически важный вывод: не всякое лицо с неопределенностью статуса нуждается в специальном обеспечении прав и законных интересов, сопоставимом по объему с гарантиями для уязвимых участников. Часть вовлеченных лиц действует в рамках реализации публичной функции, а их процессуальные возможности определяются системой полномочий и обязанностей. Данная позиция корреспондирует общему подходу, согласно которому регулирование поведения субъектов, защищающих публичный интерес, преимущественно строится через обязанности, тогда как участникам, имеющим личный интерес в исходе дела, процесс предоставляет прежде всего права как юридические средства защиты[218].

В этой связи для определения круга, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов, представляется обоснованным сформулировать триалектику критериев — систему из трех взаимосвязанных оснований отбора[219].

Первый критерий — наличие личного законного интереса. В современной теории законный интерес понимается не как абстрактная заинтересованность, а как юридически значимое устремление к социальному благу — «стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности»[220]. При этом благо может иметь как материальный, так и нематериальный характер. Наличие личного законного интереса свидетельствует о том, что лицо вовлечено в процесс не в силу должностных обязанностей и не вспомогательно, а как носитель блага, которое объективно затрагивается уголовно-процессуальными решениями и действиями.

---

[218] Малин П.М. О категории «законный интерес» в уголовном судопроизводстве // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 117(03). С. 4.
[219] Лебин В.В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом : понятие, критерии отбора и типология // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2026. № 2. С. 60–61.
[220] Малин П.М. Указ. соч. С. 3.

Второй критерий — положение слабой стороны, то есть ситуация структурного неравенства в доступе к процедурам и средствам защиты. Сам по себе личный законный интерес еще не отделяет тех, кто реально нуждается в дополнительных гарантиях, от тех, кто способен защищать свои интересы имеющимися средствами. Доктрина фиксирует, что на ранних этапах, особенно при проверке сообщения о преступлении, уголовно-процессуальный механизм все шире допускает применение процессуальных средств до принятия формального решения о возбуждении дела, фактически размывая самостоятельность данной стадии[221]. Это означает, что вмешательство в сферу прав и интересов возможно ранее, чем возникнет процессуальный статус с соответствующим набором прав.

Именно в этом проявляется уязвимость соответствующих лиц: они могут испытывать процессуальное воздействие, не располагая при этом сопоставимыми средствами защиты. Так, Н.А. Логинов констатирует, что на практике лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, не является субъектом уголовно-процессуальных отношений и не обладает какими-либо процессуальными правами, одновременно отсутствует обязанность должностных лиц уведомлять его о проведении проверочных мероприятий и разъяснять права, что делает защиту несвоевременной[222]. На недостаточность установленного законом перечня прав лица, в отношении которого проводится проверка, обращает внимание А.Ф. Олченов, подчеркивая, что он «является ограниченным и не позволяющим в полной мере защитить свои права и участвовать в состязательном процессе правосудия» на стадии возбуждения уголовного дела[223].

---

[221] Боруленков Ю.П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 2.

[222] Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 61–62.

[223] Олченов А.Ф. Правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 52.

Таким образом, слабая сторона в контексте настоящего исследования — это не формальная принадлежность к стороне защиты или обвинения, а объективное положение лица, при котором: а) решения и действия органов затрагивают личное благо; б) доступ к процедурам, информации и средствам защиты ограничен неопределенностью статуса, ранней стадией производства либо применением мер принуждения или иными ограничениями. Это объясняет, почему такие лица по своей процессуальной позиции оказываются в ситуации, требующей обеспечительных механизмов, так как в условиях дефицита процессуальных возможностей существенное значение приобретают гарантии доступа к адвокату, к обжалованию, к информации и к участию в действиях, затрагивающих их права[224].

Третий критерий — соотнесенность частного интереса лица с публичным интересом уголовного судопроизводства. Два предшествующих критерия фиксируют субъектную сторону проблемы — наличие охраняемого законом блага и уязвимость его носителя. Однако для обоснования необходимости предоставления процессуальных гарантий в условиях публичного уголовного судопроизводства этого недостаточно. Необходимо показать, что защита законного интереса конкретного лица не препятствует публичным целям уголовного процесса, а входит в их содержание[225]. Как отмечает А.А. Тарасов, публичное начало уголовного процесса предполагает равную защиту каждого законного интереса, а установление баланса между частным и публичным интересами само по себе соответствует публичному интересу[226]. В свою очередь, в концепции самоограничения государства, разработанной Е.Б. Мизулиной, уголовный процесс рассматривается как сфера, в которой государство и суд вынуждены самоограничиваться[227], а суд выступает средством ограничения государственного произвола. Следовательно, предоставление процессуальных

---

[224] Там же. С. 52.
[225] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 153.
[226] Там же. С. 158.
[227] Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.

гарантий лицам с неопределенным процессуальным статусом следует рассматривать не как уступку частному интересу, а как форму институционального самоограничения публичной власти, препятствующую избыточному вмешательству в сферу прав личности. Вместе с тем, объем таких гарантий должен быть четко определен и соразмерен их назначению, поскольку гипертрофия любого из начал — частного или публичного — способна повлечь ошибки в правотворчестве и правоприменении[228].

Таким образом, триалектика критериев представляет собой систему из трех взаимосвязанных оснований: наличие личного законного интереса, положение слабой стороны и соотнесенность частного интереса с публичным интересом уголовного судопроизводства. Только при совокупном наличии всех трех оснований лицо может быть отнесено к числу участников с неопределенным процессуальным статусом, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов.

Для обеспечения практического применения указанной триалектики критериев целесообразно конкретизировать ее через совокупность признаков, характеризующих личный интерес участника с неопределенным статусом:

— затрагивается личное благо (материальное или нематериальное): имущество, информация, репутация, безопасность, компенсация. При этом законный интерес ориентирован на достижение или сохранение такого блага и допускает обращение за защитой[229];

— реализация интереса зависит от решений и действий органов, поскольку уголовно-процессуальные средства могут применяться еще до формального возбуждения дела, расширяя фактическое воздействие на сферу прав и интересов[230];

---

[228] Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 158.
[229] Малин П.М. Указ. соч. С. 3.
[230] Боруленков Ю.П. Указ. соч. С. 2.

— неопределенность статуса порождает риск неблагоприятных последствий: лицо оказывается объектом проверочных мероприятий или ограничений без полноты статуса и без четкого набора процессуальных прав, включая своевременную информацию о принимаемых решениях[231];

— интерес невозможно защитить без процессуальных гарантий, поскольку даже закрепленные права при проверке сообщения о преступлении оцениваются как недостаточные для полноценной защиты и участия в состязательности на ранней стадии[232].

Определив триалектику критериев отбора — наличие личного законного интереса, положение слабой стороны и соотнесенность частного интереса с публичным интересом уголовного судопроизводства, — целесообразно перейти к содержательной характеристике интересов указанных лиц. Такая характеристика требует типологизации, позволяющей впоследствии обосновать систему прав и гарантий как механизм реализации соответствующих интересов.

В качестве основания типологии принимается характер затрагиваемого блага, с которым связан интерес участника[233]. Данный критерий позволяет разграничить интересы по их предметной направленности и выделить четыре основных группы.

Имущественный интерес проявляется там, где уголовно-процессуальные решения и меры фактически вмешиваются в сферу собственности и иных вещных или обязательственных прав, хотя лицо не наделено статусом стороны или иного участника. Наиболее характерный пример — наложение ареста на имущество, принадлежащее лицам, не являющимся участниками дела. Постановление суда об аресте имущества ограничивает право владения, пользова-

---

[231] Логинов Н.А. Указ. соч. С. 61–62.
[232] Олченов А.Ф. Указ. соч. С. 52.
[233] Лебин В.В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом: понятие, критерии отбора и типология // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2026. № 2. С. 62–63.

ния и распоряжения, не лишая формально права собственности, однако создавая для владельца ситуацию длительного обременения. Возникающие при этом споры по своей природе приобретают уголовно-процессуальный характер, хотя порождают последствия гражданско-правового свойства[234]. Существенной проблемой реализации имущественного интереса при неопределенном статусе выступает несвоевременное уведомление: на практике такие лица нередко узнают об ограничении уже после его наложения, как например, ареста на имущество, что снижает эффективность возражений, ходатайств и жалоб[235].

Информационный интерес выражается в потребности лица знать, какие решения приняты, по каким основаниям они приняты и какими средствами можно на них реагировать. Для участников с неопределенным статусом данный тип интереса нередко становится базовым: до тех пор, пока лицо не имеет статуса, именно информация — о ходе проверки, о принятом решении, об основаниях ограничений — становится условием реализации иных интересов. В научных работах, посвященных институту ходатайств на стадии возбуждения уголовного дела, обосновывается, что право на заявление ходатайств и на получение мотивированного ответа логически предполагает доступ к сведениям, в том числе к материалам проверки, в объеме, достаточном для обоснования ходатайства или жалобы[236].

Компенсационный интерес выражается в стремлении лица восстановить положение, существовавшее до вмешательства, и получить возмещение причиненного вреда — имущественного и, в предусмотренных законом формах, неимущественного. Данный тип интереса особенно значим для лиц, чьи права были затронуты необоснованным уголовным преследованием или иными незаконными процессуальными решениями, когда защита предполагает не

---

[234] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 54–57.

[235] Там же. С. 123.

[236] Зебницкая А.К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 76.

только прекращение ограничений, но и компенсацию их последствий. В доктрине отмечается, что для государства принципиально значимо не просто констатировать незаконность преследования, но обеспечить оперативное и реальное восстановление прав и законных интересов лица, включая действенные механизмы компенсации[237].

Интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Данный тип интереса возникает в связи с угрозами жизни, здоровью, а также чести, достоинству и деловой репутации лица, обусловленными его фактическим вовлечением в уголовное судопроизводство. В отличие от предшествующих типов, интерес в обеспечении безопасности и защите нематериальных благ может возникать как самостоятельное проявление уязвимости лица, однако зачастую актуализируется наряду с иными интересами (имущественным, информационным), дополняя и усиливая потребность в процессуальных гарантиях. В учебно-научных работах по обеспечению безопасности участников уголовного процесса безопасность трактуется как система мер, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества, и одновременно как гарантия реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство и подвергающихся риску[238].

Разработанная типология приобретает прикладное значение при соотнесении типов интересов с конкретными группами участников, ранее выделенными на основании триалектики критериев.

Во-первых, на стадии рассмотрения сообщения о преступлении и принятия решения о возбуждении уголовного дела интересы концентрируются вокруг информационной составляющей. Заявитель заинтересован в том, чтобы сообщение было зарегистрировано, проверено полно и объективно, а итоговое решение было мотивированным и своевременно доведено до его сведения.

---

[237] Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном процессе // Актуальные проблемы государства и права.2020. Т. 4, № 14. С. 279–281.

[238] Епихин А.Ю., Мишин А.В. Курс лекций по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Казань, 2011. С. 34–35.

Указанный интерес имеет непосредственное значение для реализации права на обращение и последующего обжалования процессуальных решений. Превентивное обеспечение прав заявителя на ранней стадии отвечает принципу процессуальной экономии, поскольку позволяет избежать последующего задействования более ресурсоемких инструментов судебного контроля и прокурорского надзора[239]. Одновременно лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, объективно заинтересовано в предотвращении необоснованных ограничений и в получении минимально достаточных гарантий защиты, однако действующее регулирование фиксирует лишь отдельные права и не формирует процессуального статуса[240].

Во-вторых, при применении мер процессуального принуждения и проведении следственных действий, затрагивающих права и интересы третьих лиц, доминируют имущественный и компенсационный интересы. Собственники и законные владельцы имущества, на которое наложены ограничения, заинтересованы в его сохранности, в предсказуемости режима ограничений и в наличии действенного механизма оспаривания[241]. Аналогично лица, чьи конституционные права ограничиваются при обыске и иных следственных действиях (в частности, третьи лица, не являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми, в чьем жилище или в отношении чьего имущества проводятся следственные действия), ориентированы на минимизацию вмешательства, возврат изъятого, возмещение вреда и восстановление положения, существовавшего до вмешательства[242]. С позиции публичного интереса ограничение прав дан-

---

[239] Морозова О.С. Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 4. С. 26–27; Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011.. С. 2, 6.

[240] Олченов А.Ф. Правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 52–53.

[241] Мурылева-Казак В.В. Указ. соч. С. 4–5.

[242] Зиновьев К.О. Правовые механизмы обеспечения процессуальных гарантий третьих лиц при наложении ареста на имущество // Юридическая наука. 2019. № 5. С. 19.

ной группы лиц также является средством достижения целей уголовного преследования. Например, арест имущества, обыск и иные следственные действия направлены на собирание доказательств и обеспечение возмещения вреда[243]. Однако именно потому, что государство изначально подразумевает вмешательство в сферу прав этих лиц, в рамках концепции самоограничения государства требуется предоставление соразмерных гарантий, обеспечивающих баланс частного и публичного интересов[244].

В-третьих, для лиц, вовлекаемых в процесс опосредованно, характерен приоритет интересов безопасности и процессуальной осведомленности. Близкие лица (в контексте мер безопасности и посткриминального воздействия) и близкие родственники умершего (в контексте правопреемства потерпевшего и реабилитации обвиняемого) в ряде ситуаций фактически несут последствия уголовного преследования, при этом УПК РФ не закрепляет их четкого процессуального положения, что порождает неоднородность подходов и ограничивает предсказуемость гарантий[245]. Доктрина подчеркивает распространенность посткриминального воздействия не только на основных участников, но и на их близких, что объективно расширяет круг лиц, чьи интересы нуждаются в обеспечении[246]. Залогодатель и поручитель, выступая обеспечивающими субъектами, имеют самостоятельный законный интерес в получении полной и своевременной информации о сути обвинения, об условиях избранной меры и о рисках неблагоприятных имущественных последствий[247]. В связи с тем, что залогодатель и поручитель содействуют обеспечению надлежащего поведения

---

[243] Руденко А.Н. Обыск как средство принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением // Научный журнал. 2016. № 10 (11). С. 45, 47; Пустовая И.Н. Наложение ареста на имущество как средство обеспечения гражданского иска // Социум и власть. 2012. № 6 (38). С. 73–74.

[244] Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.

[245] Патрушева Т.Ю. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего //Сибирское юридическое обозрение. 2018. Т. 15. № 2. С. 235–236.

[246]Епихин А.Ю., Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: курс лекций. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2025. С. 4–5.

[247] Вершинина С.И. Залог в системе мер пресечения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 1998. С. 15; Коновалова М.А. К вопросу избрания и применения меры пресечения в виде личного поручительства // Вестник экономики и права. 2022. № 74. С. 91.

обвиняемого, а близкие лица несут последствия преследования помимо своей воли, обеспечение их прав позволяет сохранить действенность институтов личного поручительства и залога, а также предотвращает общественное недоверие к системе уголовного судопроизводства[248].

В-четвертых, интерес приобретает восстановительно-защитный характер и требует усиленных гарантий. Реабилитируемый заинтересован в полном восстановлении нарушенных прав, в реальном доступе к компенсационным механизмам и в устранении последствий незаконного уголовного преследования[249]. Экстрадируемый, находясь в ситуации повышенного вмешательства в личную свободу, заинтересован в судебном контроле и эффективном обжаловании решений о выдаче и связанных с ней ограничений. Соответствующие гарантии прямо привязаны к судебной процедуре и механизму обжалования, однако сложность многоуровневого регулирования объективно усиливает риск ненадлежащей реализации интереса на защиту[250]. С позиции публичного интереса необходимость обеспечения прав данной группы лиц обусловлена тем, что реабилитация является прямым следствием ошибки самого государства — судебной или следственной[251]. Механизм обеспечения прав реабилитируемого по существу представляет собой возложение на государство ответственности за допущенную ошибку, публичный интерес требует не только констатации незаконности преследования, но и реального устранения его последствий. Применительно к экстрадируемому и передаваемому публичный

---

[248] Морозова О.С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 169–171.

[249] Федюнин А.Е., Перетятько Ю.А. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном процессе // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2020. Т. 19. № 4. С. 279–280.

[250] Баркалова Е.В. Экстрадиция. Передача лица для отбывания наказания. Признание и исполнение приговоров судов иностранных государств: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2023. С. 26.

[251] Багирян Е.П. Способы возмещения морального вреда лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 343–345.

интерес проявляется в необходимости соблюдения международных обязательств Российской Федерации и обеспечения судебного контроля за решениями о выдаче, затрагивающими фундаментальные права личности[252].

Проведенное соотнесение показывает, что проблема неопределенного статуса выражается не в отсутствии интересов как таковых, а в отсутствии целостного механизма их реализации и защиты. Отсюда следует необходимость дальнейшего анализа: какие минимальные права и гарантии должны корреспондировать каждому типу интереса и какие процедурные механизмы необходимы для их обеспечения.

Таким образом, по результатам проведенного анализа, на основании триалектики критериев — наличия личного законного интереса, положения слабой стороны и соотнесенности частного интереса с публичным интересом уголовного судопроизводства, к участникам с неопределенным процессуальным статусом, нуждающимся в защите своих прав и законных интересов, относятся: близкие лица; близкие родственники умершего; заявитель; лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении; собственники или законные владельцы имущества, денежных средств на счетах, средств связи и иных объектов, на которые наложен арест; третьи лица, не являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий; залогодатель; поручитель; реабилитируемый; экстрадируемый; передаваемый[253]. Лица, вовлекаемые в процесс преимущественно для реализации публичных полномочий либо для содействия осуществлению правосудия и не обладающие собственным личным интересом в исходе и последствиях производства, в рамки настоящего анализа не включаются, поскольку их процессуальные возможности

---

[252] Губина Е. Н., Очкасова И. В. Экстрадиция и права человека: проблемы и пробелы правового регулирования // Современное международное право: проблемы и вызовы: сб. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 17 нояб. 2023 г.) / Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева; под общ. ред. А. Б. Прокофьева. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2024. С. 97, 99.

[253] Лебин В.В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом: понятие, критерии отбора и типология // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2026. № 2. С. 65–66.

определяются системой обязанностей и полномочий, а не логикой обеспечения личного блага.

В качестве базовых для настоящего исследования принимаются личные интересы указанных лиц, объективируемые вторжением в сферу их индивидуальных благ и правового положения в связи с уголовно-процессуальными решениями и действиями. По характеру затрагиваемого блага к числу таких интересов относятся: имущественный, информационный, компенсационный, а также интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Публичные интересы государства и его властных участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом специально не рассматриваются, поскольку они не характеризуют уязвимость исследуемого круга лиц и не определяют содержание тех гарантий, которые подлежат установлению и оценке.

§ 2. Права участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации провозглашает приоритет защиты прав и свобод личности как одну из фундаментальных основ уголовного судопроизводства. В теории уголовного процесса утвердилось понимание, что достижение целей правосудия неотделимо от обеспечения прав всех лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Общие начала уголовного судопроизводства содержат ключевые гарантии, направленные на охрану прав участников процесса: принцип законности, уважения чести и достоинства, неприкосновенности личности, состязательности и равноправия сторон и др. Эти базовые начала образуют основу правового статуса любого участника процесса. Как отмечает А.М.

Панокин, проводимые реформы уголовного судопроизводства ориентированы на создание эффективной системы защиты прав и свобод личности[254].

Так, В.Д. Потапов также подчеркивает, что закрепление в законодательстве приоритета личности определяющим образом влияет на содержание уголовно-процессуального закона, ориентируя правоприменение на защиту прав всех участвующих лиц[255]. Общие начала в совокупности формируют такую систему регулирования, в которой ни одно лицо, затронутое уголовным преследованием, не должно оставаться без правовой защиты.

Не менее важным концептуальным фундаментом является назначение уголовного судопроизводства. Согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, а также обеспечение правильного применения закона. УПК РФ закрепляет двуединую социальную цель: с одной стороны, оградить потерпевших и общество от преступных посягательств, а с другой — гарантировать справедливость по отношению к обвиняемому, не допустить необоснованного преследования. Подобное указывала и П.А. Лупинская, подчеркивая, что провозглашение охраны прав личности в качестве назначения уголовного процесса свидетельствует о его высоком социально-правовом значении для государства[256].

Как отмечает И.Г. Смирнова, уголовный процесс выполняет важнейшую социальную функцию — обеспечивает справедливость и поддерживает доверие граждан к правосудию, поскольку направлен на реализацию конституционных прав личности; ценность уголовного судопроизводства измеряется степенью реализации прав участников и защиты законных интересов граждан[257].

---

[254] Панокин А.М. Концептуальные основы апелляционного производства по уголовным делам: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2025. С. 4.

[255] Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. М., 2012. С. 11.

[256] Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд. М.: НОРМА, 2009. С. 16.

[257] Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 154.

Проведенное А.А. Козявиным исследование социального назначения позволяет констатировать, что уголовный процесс призван не только изобличать виновных, но и обеспечивать права личности на каждом этапе разбирательства[258]. Анализируя право на судебную защиту, Л.М. Володина указывает, что уголовное судопроизводство должно рассматриваться как механизм реализации конституционного права граждан на справедливое правосудие[259].

Как подчеркивает Н.В. Азаренок, социальное назначение процесса состоит в охране ценностей общества через обеспечение прав потерпевших и обвиняемых[260]. Таким образом, и закон, и доктрина едины во мнении: смысл и социальная ценность уголовного процесса заключаются в максимальном уважении прав личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства.

Изложенные общие начала и назначение уголовного судопроизводства создают нормативную основу для анализа прав конкретных участников. Так, ранее была сформулирована триалектика критериев отбора лиц с неопределенным процессуальным статусом, нуждающихся в обеспечении прав и законных интересов, разработана типология их интересов и сформирован перечень соответствующих категорий участников. Особенно важен третий критерий триалектики, так как соотнесенность с публичным интересом имеет принципиальное значение, так как обосновывает, почему предоставление процессуальных прав данным лицам является не уступкой частному интересу, а необходимым элементом публичного интереса и ресурсом самоограничения государства в уголовном судопроизводстве. Логика исследования предполагает переход от интересов к правам. Если типология интересов отвечает на вопрос о том, что подлежит защите, то настоящий параграф призван установить, какими процес-

---

[258] Козявин А.А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 25.

[259] Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 45.

[260] Азаренок Н. В. Определение понятия «Назначения уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. №1. С. 34.

суальными правами располагают или должны располагать выделенные категории лиц и в какой мере существующее регулирование обеспечивает реализацию их законных интересов.

Исходя из этого, правомерно ожидать, что лицо, фактически вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства без процессуального статуса, но обладающее личным законным интересом и находящееся в уязвимом положении в связи с применением мер принуждения либо ограничением конституционных прав, должно быть наделено минимально необходимым объемом процессуальных прав. Подход Конституционного Суда РФ не допускает, чтобы пробелы правового регулирования лишали такое лицо реальной возможности защищать свои права[261].

Анализ прав проводится в последовательности, отражающей стадийность уголовного судопроизводства и степень вовлеченности лица в процесс: от лиц, вовлекаемых на стадии доследственной проверки (заявитель, очевидец, лицо, в отношении которого проводится проверка), — далее к лицам, чьи права ограничиваются мерами процессуального принуждения и следственными действиями на стадии предварительного расследования (собственники арестованного имущества, третьи лица при обыске, поручитель, залогодатель), — к лицам, вовлекаемым опосредованно (близкие родственники погибшего потерпевшего, близкие родственники умершего обвиняемого, близкие лица в контексте мер безопасности), — и далее к лицам, чей интерес возникает в специальных процедурах или после окончания производства по делу (реабилитируемый, экстрадируемый, передаваемый). Такая последовательность позволяет проследить, как нарастает объем процессуального воздействия и каким образом дефицит прав проявляется на каждой стадии.

---

[261] По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

Заявитель на стадии рассмотрения сообщения о преступлении обладает ограниченным законом набором прав: правом получить уведомление о принятом решении по своему заявлению и правом обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 145 УПК РФ). Объем этих возможностей минимален, и дальнейшее участие заявителя закон не предполагает, если он сам не выступает потерпевшим или свидетелем. Тем не менее, значимость его роли несомненна.

Как справедливо отмечает Л.М. Володина, обращение гражданина в правоохранительные органы обычно связано с ожиданием получения защиты, восстановления нарушенных прав и реализации конституционного права на доступ к правосудию[262]. Если заявитель одновременно является очевидцем преступления и лично заинтересован в установлении истины по делу и привлечении виновного к ответственности, его ожидания особенно обоснованы. Однако, пока заявление лишь проверяется, процессуальная роль заявителя остается неопределенной: помимо получения ответа по итогам проверки или участия в судебном обжаловании бездействия (ст. 125 УПК РФ), специальных прав ему не предоставлено.

В частности, В.И. Майоров указывает, что заявитель должен быть наделен более широким объемом процессуальных прав, в том числе правом получать информацию о ходе рассмотрения его сообщения[263]. Практическая значимость данной проблемы подтверждается судебной статистикой: в 2024 году районные суды рассмотрели 135,5 тыс. жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, что свидетельствует о широком использовании заявителями и иными вовлеченными лицами механизма судебного контроля для защиты прав на досудебных стадиях[264]. Суды кассационной инстанции подчеркивают, что затягивание или

---

[262] Володина Л.М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 195.

[263] Майоров В.И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлении // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2013. Т. 13. № 2. С. 33.

[264] Обзор судебной статистики по СООЮ 2024. URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

бездействие при проверке сообщения осложняет доступ к правосудию для заявителя и потому должно контролироваться судом в порядке ст. 125 УПК РФ[265].

Необходимо уточнить место очевидца в системе выделенных категорий. В системе участников с неопределенным процессуальным статусом очевидец не назван в качестве самостоятельной категории, поскольку его процессуальное положение в значительной мере совпадает с положением заявителя. Очевидец, сообщивший о преступлении в правоохранительные органы, приобретает статус заявителя в смысле ст. 141 УПК РФ. В таком случае его права определяются через категорию заявителя. Если же очевидец не обращался с заявлением, а его сведения получены в ходе оперативно-розыскной деятельности или опроса, он до возбуждения дела не приобретает какого-либо процессуального статуса и формально является лишь носителем информации. Как отмечает А.В. Миронова, «до момента возбуждения уголовного дела и приобретения статуса свидетеля очевидец не обладает никакими процессуальными правами и гарантиями, что ставит его в уязвимое положение»[266]. Таким образом, очевидец рассматривается в настоящем исследовании не как самостоятельная категория, а как частный случай заявителя (если он подал заявление о преступлении) либо как лицо, нуждающееся в приобретении статуса заявителя или свидетеля для реализации своих законных интересов.

В литературе обоснованно предлагается рассматривать заявителя и очевидца как особую категорию вовлекаемых лиц, нуждающихся в правовом статусе[267]. До тех пор, пока очевидец не будет признан и допрошен в качестве свидетеля (уже после возбуждения дела), он не может воспользоваться ни пра-

---

[265]Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 г. № 77-557/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026).

[266] Миронова А.В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / А. В. Миронова // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 85.

[267] Миронова А.В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 84–87.

вом на помощь адвоката, ни другими свидетельскими гарантиями. Складывается ситуация, при которой дело может быть возбуждено и расследовано с использованием сведений очевидца, однако сам он на протяжении значительного времени остается за пределами процессуальной защиты.

Самостоятельную и методологически важную категорию составляет лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела. На практике у такого лица получают объяснения, затрагиваются его интересы, могут проводиться проверочные мероприятия, создающие правовые последствия, однако процессуальный статус участника со стороны защиты еще не возник, а формализованные гарантии, присущие подозреваемому, отсутствуют[268]. Законодатель в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепил отдельные права такого лица: право пользоваться услугами адвоката, не свидетельствовать против себя, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц. Однако данный перечень не образует целостного статуса и не обеспечивает полноценной защиты: отсутствуют право на уведомление о начале проверки, право знакомиться с материалами проверки в объеме, необходимом для обоснования жалобы, а также право заявлять ходатайства о производстве или исключении отдельных проверочных мероприятий. В совокупности это существенно ограничивает возможности лица реализовать свой информационный и защитный интерес на ранней стадии.

Следующая группа — субъекты, которые не являются ни обвиняемыми, ни потерпевшими, но претерпевают последствия применения мер уголовно-процессуального принуждения в ходе предварительного расследования. Прежде всего, к ним относятся собственники или законные владельцы имущества, на которое наложен арест в рамках уголовного дела. Так, ст. 115 УПК РФ прямо предусматривает возможность ареста имущества, принадлежащего иным лицам, если оно было добыто преступным путем или использовано для

[268] Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в РФ и иных государствах — членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 60.

совершения преступления (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). При этом закон устанавливает определенные гарантии для добросовестных владельцев: при продлении срока ареста суд обязан вызвать на заседание собственника или владельца (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ). Законодателем введена процедура судебного контроля за длительным арестом имущества: суд при каждом продлении должен проверять обоснованность и соразмерность этой меры, учитывая права владельца (ч. 1–2, 4–7 ст. 115.1 УПК РФ). Конституционный Суд РФ подчеркивает обязанность суда при наложении или продлении ареста учитывать принадлежность имущества и баланс интересов собственника и задач уголовного преследования[269]. Тем самым закон и судебная практика признают, что собственник имущества, не будучи обвиняемым, должен иметь возможность защищать свои имущественные права в уголовном процессе. Ему предоставлено право участвовать в судебном разбирательстве вопроса об аресте, заявлять доводы, представлять документы, а также обжаловать постановления об аресте и его продлении. Однако за пределами этих процедур статус собственника в УПК РФ не определен: он не назван отдельным участником в гл. 8 УПК РФ.

Если арест имущества третьего лица носит системный характер, это способно причинять существенный ущерб его правам, поскольку уголовно-процессуальные меры воздействия на имущество «влекут негативные правовые и экономические последствия в виде невозможности распоряжаться, владеть, пользоваться своим имуществом, возникновения убытков, невозможности вести обычную предпринимательскую деятельность и т.д.»[270]. При ограничении

---

[269] По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.

[270] Мурылева-Казак В.В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 4.

права собственности лицо фактически лишается возможности полноценного распоряжения имуществом, что затрагивает его частноправовые интересы[271].

В современных условиях к имущественным ограничениям относятся также ограничения, связанные с денежными средствами на счетах, электронными платежами, а также с абонентскими данными и информацией о соединениях, которые могут запрашиваться и изыматься в ходе расследования. Хотя такие меры способны существенно затрагивать правовое положение собственника, процессуальные возможности защиты для лица, не обладающего статусом участника, остаются фрагментарными, что усиливает его уязвимость и требует закрепления понятного набора прав.

При этом В.В. Мурылева-Казак прямо констатирует, что «нормы, посвященные защите прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, не систематизированы»[272]. Сложные случаи (например, наложение ареста на активы юридического лица, фактически контролируемого обвиняемым) создают правовую неопределенность: формально арест наложен на имущество иного лица, а по существу затрагивает интересы обвиняемого. Проблема ареста имущества юридических лиц, связанных с обвиняемым, получила отражение как в судебной практике, так и в доктрине. Конституционный Суд РФ в Определении от 17 ноября 2011 г. № 1551-О-О рассматривал ситуацию, в которой арест был наложен на квартиру, приобретенную третьим лицом у лица, связанного с обвиняемыми, и констатировал, что наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, когда имеются достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого, обусловлено необходимостью обеспечения публично-правовых целей уголовного судопроизводства[273]. Постановление КС

---

[271] Качалов Е.В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. С. 54.

[272] Мурылева-Казак В.В. Указ. соч. С. 4.

[273] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Радовской Екатерины Александровны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1551-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П, признавшее положения ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ частично не соответствующими Конституции РФ, дополнительно подтвердило, что действующее регулирование не обеспечивает эффективного механизма защиты прав лиц, чье имущество арестовано в рамках уголовного дела[274]. В доктрине обращается внимание на то, что при передаче обвиняемым имущества, нажитого преступным путем, в уставный капитал дочернего юридического лица формально возникает самостоятельный субъект собственности, однако следственные органы, тем не менее, инициируют арест активов такого юридического лица, что затрагивает имущественные интересы иных участников (учредителей), не причастных к преступной деятельности[275]. Судебный контроль за подобными ситуациями продолжает развиваться, однако необходимость выработки общих принципов защиты прав третьих лиц, чье имущество затрагивается в процессе, представляется очевидной.

Помимо имущественных прав, в уголовном судопроизводстве могут ограничиваться иные права и свободы граждан, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми[276]. При производстве следственных действий, затрагивающих конституционные гарантии, значение судебного контроля непосредственно связывается с защитой прав личности.

При производстве обыска в жилище, принадлежащем не обвиняемому, либо в помещении, где проживают посторонние лица, встает вопрос о гарантиях для этих лиц. В работах Е.А. Миллеровой, И.П. Напханенко и С.М. Сергеева указывается на пробел: ст. 182 УПК РФ закрепляет обязательность присутствия при обыске понятых и некоторых других лиц, однако не конкретизирует, кто именно должен присутствовать сам собственник, наниматель или

---

[274] По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»… : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П // Собрание законодательства РФ. 2025. № 52, ч. II. Ст. 8741.

[275] Мурылева-Казак В.В. Преступное происхождение имущества третьих лиц как основание его ареста в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 41–45.

[276] Абаканова В.А., Шадрина Е.Г. Судебный контроль за неотложным обыском в хостеле: проблемы теории и практики // Криминалистъ. 2022. № 2 (39). С. 117–118.

иное лицо[277]. В результате возможна ситуация, когда обыск проводится в отсутствие собственника, в присутствии лишь понятых, а права собственника при этом никак специально не обеспечены.

В случаях неотложных обысков, проводимых без предварительного судебного решения, контроль со стороны суда осуществляется уже после совершения обыска: судья в течение 24 часов с момента получения соответствующих материалов проверяет законность произведенного обыска (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Данная процедура служит защитным механизмом для лица, чьи права затронуты обыском, но которое не является обвиняемым. Доктрина указывает на обязательность данной меры в свете конституционного права на неприкосновенность жилища[278]. Вместе с тем, исследователи фиксируют отсутствие специальной регламентации и единства практики судебного контроля в данной сфере[279].

Обобщенно можно констатировать, что перечень третьих лиц, вовлекаемых в расследование, шире круга лиц, названных в разделе II УПК РФ. Закон не перечисляет индивидуально всех, чьи права могут ограничиваться в процессе, вследствие чего возникают пробелы. Как справедливо замечает О.С. Морозова, глава 8 УПК РФ не содержит полного перечня лиц, реально участвующих в уголовном деле[280]. Задача законодателя состоит в обеспечении минимальных гарантий, прежде всего, для тех, чьи права и законные интересы фактически затронуты уголовным преследованием или иными процессуальными ограничениями, и при этом они не имеют статуса, позволяющего эффективно защищаться.

---

[277] Миллерова Е.А., Напханенко И.П., Сергеев С.М. К вопросу о конституционных гарантиях неприкосновенности жилища при производстве обыска // Вестник ВСИ МВД России. 2021. № 4 (99). С. 114.

[278] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анохина Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 323-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

[279] Абаканова В.А., Шадрина Е.Г. Указ. соч. С. 117–118.

[280] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 127.

Отдельную группу образуют субъекты, привлекаемые по инициативе других участников или изъявляющие желание содействовать правосудию, но при этом не наделенные законом отдельным статусом. К ним относятся поручитель и залогодатель при избрании мер пресечения. Институты личного поручительства (ст. 103 УПК РФ) и залога (ст. 106 УПК РФ) предполагают участие сторонних граждан или организаций, готовых гарантировать явку обвиняемого.

Поручитель дает подписку о том, что обвиняемый не скроется и не нарушит возложенных обязанностей, и несет риск денежного взыскания в случае нарушения[281]. Как отмечает О.С. Морозова, поручитель фактически становится участником процесса на этапе избрания меры пресечения, однако специального процессуального статуса и четкого перечня прав у него нет[282]. В результате поручитель, принимая на себя юридически значимые обязательства, обладает фактически лишь правом получать постановление о взыскании суммы в случае нарушения обвиняемым условий и обжаловать это постановление. Ему не предоставлено право заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела или иным образом воздействовать на ход процесса.

Показательно, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» содержит подробные разъяснения по залогу, однако вообще не упоминает личное поручительство[283]. Отсутствие в данном Постановлении разъяснений о личном поручительстве объясняется его предметом, так Постановление посвящено мерам пресечения, избираемым исклю-

---

[281] Закомолдин А.В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (35). С. 10–11.
[282] Морозова О.С. Указ. соч. С. 131.
[283] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

чительно по судебному решению, тогда как личное поручительство может избираться в том числе по решению дознавателя и следователя. Вместе с тем отсутствие разъяснений по поручительству, применяемому и во внесудебном порядке, оставляет нерешенными вопросы процессуального положения поручителя.

Аналогично обстоит дело с залогодателем — лицом, внесшим залог за обвиняемого. Закон прямо допускает внесение залога иным физическим или юридическим лицом (ч. 1 ст. 106 УПК РФ), однако процессуальный статус такого лица не определен. Залогодатель имеет имущественный интерес: после выполнения условий избрания залога в качестве меры пресечения независимо от принятого итогового решения по делу залог возвращается при условии соблюдении основания избрания меры пресечения в виде залога, а при его нарушении – обращается в доход государства. Залогодатель должен иметь хотя бы права на получение информации о промежуточных решениях суда по залогу, на участие в рассмотрении вопроса о возврате или обращении залога в доход государства, на обжалование соответствующих постановлений. В действующем УПК РФ эти права лишь подразумеваются, но не сформулированы[284]. В результате залогодатели, как и поручители, не имеют процессуального статуса, хотя их имущественные интересы непосредственно затрагиваются в связи с обеспечением надлежащего хода уголовного судопроизводства.

Характерным примером правовой незащищенности залогодателя является дело гражданина С.А. Филиппова. Защитник обвиняемого по ч. 4 ст. 159 и ч. 1 ст. 303 УК РФ выступил залогодателем, внеся 8 миллионов рублей на депозит суда. Денежные средства оставались заблокированными более восьми лет. При этом Балашихинский городской суд Московской области постановлением от 1 декабря 2016 г. отказал в удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, а Московский областной суд апелляционным постановлением от 16 февраля 2017 г. прекратил производство по жалобе, указав, что вопросы

[284] Морозова О.С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2024. С. 166.

избрания и применения залога не могут быть предметом проверки суда по ст. 125 УПК РФ[285]. Постановлением судьи Московского областного суда от 26 мая 2017 г. залогодателю отказано в передаче жалобы для рассмотрения в кассационном порядке[286]. Тем самым залогодатель был лишен всех средств судебной защиты на региональном уровне. Конституционный Суд РФ Постановлением от 17 июня 2021 г. № 29-П признал неконституционными положения ст. 106, 110 и 389.2 УПК РФ в той мере, в какой они допускали бессрочное применение залога и исключали апелляционное обжалование отказа в его отмене[287]. Законодатель во исполнение данного постановления принял Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ, установивший предельный двухмесячный срок залога с возможностью продления и закрепивший механизм апелляционного обжалования[288]. Данная цепочка судебных актов наглядно демонстрирует, что дефицит процессуального статуса залогодателя приводит к многолетнему ограничению его имущественных прав, и, что все противоречия в правоприменении в отношении участников с неопределенным процессуальным статусом приходится устранять Конституционному суду РФ[289].

---

[285] Постановление Балашихинского городского суда Московской области от 01 декабря 2016 г.; апелляционное постановление Московского областного суда от 16 февраля 2017 г. (упомянуты в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

[286] Постановление судьи Московского областного суда от 26 мая.2017 г. об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения (упомянуто в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

[287] По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5383.

[288] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 6963.

[289] Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16. № 2А. С. 638–639.

В литературе высказываются предложения восполнить данный пробел. Как указывает А.В. Закомолдин, требования к поручителю в законе неопределенны и необходима поправка в ст. 103 УПК РФ, расширяющая и упорядочивающая применение личного поручительства[290]. Анализируя институт залога, О.В. Баландюк подчеркивает, что эффективность залога во многом зависит от четкого определения прав и обязанностей залогодателя как самостоятельного участника соответствующих отношений[291]. Таким образом, доктрина направлена на то, чтобы закрепить за поручителем и залогодателем определенный процессуальный статус с соответствующим набором прав, соразмерных их роли.

Не менее проблемной является ситуация, когда обвиняемый (подозреваемый) умирает в ходе производства по делу, а близкие родственники настаивают на продолжении процесса для реабилитации умершего. Закон допускает такую возможность (ч. 4 ст. 24 УПК РФ): родственники умершего вправе знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, участвовать в судебном разбирательстве, хотя формально они не имеют четкого статуса. В доктрине подчеркивается, что в подобных случаях затрагиваются не только процессуальные, но и конституционно значимые ценности — честь, достоинство, доброе имя, — а потому участие родственников требует ясного правового оформления, включая определение их статуса и набора прав[292]. Научные предложения направлены на признание близких родственников (и в ряде случаев наследников) участниками уголовного судопроизводства при продолжении производства: предлагается введение специального процессуального статуса для лиц, вовлеченных в процесс в связи со смертью обвиняемого, и закрепление их возможностей влиять на ключевое решение — прекращать дело либо

---

[290] Закомолдин А.В. Указ. соч. С. 10–11.
[291] Баландюк О.В. Указ. соч. С. 56.
[292] Анучина О.В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 3.

продолжать его для реабилитации[293]. Сходная позиция высказывается в работах, посвященных судебному разбирательству в отношении умершего подсудимого[294].

Судебная практика подтверждает важность данной проблемы. Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 г. № 77-999/2020 отменены решения нижестоящих инстанций ввиду того, что дело в апелляции рассмотрено без привлечения близких родственников умершего подсудимого, а их мнение о возможности прекращения производства по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не выяснялось[295]. Верховный суд Республики Мордовия в апелляционном постановлении от 01 декабря 2021 г. № 22-1828/2021 указал, что прекращение дела в связи со смертью обвиняемого невозможно без согласия близких родственников[296]. Существенным пробелом остается вопрос о представительстве интересов умершего при отсутствии у него близких родственников. Апелляционными постановлениями Ставропольского краевого суда от 25 июля 2023 г. № 22К-3077/2023 и Краснодарского краевого суда от 12 июля 2023 г. № 22-4554/2023 в подобных случаях привлечен орган опеки и попечительства в качестве представителя интересов умершего[297], что свидетельствует о формировании выработанного на практике механизма, не предусмотренного УПК РФ.

После вступления в силу оправдательного приговора или постановления о прекращении дела реабилитированный формально выходит из уголовного процесса. Однако для него начинается новый этап — этап восстановления

---

[293] Там же. С. 12–13.

[294] Великая Е.В. Судебное разбирательство в отношении умершего подсудимого. Минск: РИВШ, 2023. С. 225–226.

[295] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 г. № 77-999/2020 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

[296] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 01 декабря 2021 г. № 22-1828/2021 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

[297] Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 25 июля 2023 г. № 22К-3077/2023; апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 12 июля 2023 г. № 22-4554/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

нарушенных прав. Реабилитированный вправе требовать возмещения имущественного вреда, компенсации морального вреда, принесения ему официальных извинений от государства, устранения сведений о судимости и иных последствий незаконного преследования (ст. 133–136 УПК РФ).

Как указывает Е.П. Багирян, в настоящее время реабилитация превратилась в самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности, охватывающее вопросы возмещения вреда, официального извинения, защиты чести и доброго имени, а также сообщения о реабилитации в средствах массовой информации[298]. Вместе с тем, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, процессуальное положение лица, признанного имеющим право на реабилитацию, является продолжением правового статуса обвиняемого и предполагает, помимо прочего, право на квалифицированную юридическую помощь и защиту его интересов[299]. Следовательно, даже после завершения уголовного дела участие реабилитированного лица продолжается — исключительно ради реализации его прав.

Проблема заключается в том, что реабилитированный не назван участником процесса в гл. 8 УПК РФ. Тем не менее, по логике закона он становится особым субъектом на стадии исполнения решений — субъектом, которому государство обязано предоставить все возможности для защиты прав, нарушенных незаконным или необоснованным преследованием. Вопросы реабилитации регламентируются в настоящее время достаточно детально, однако в судебной практике встречаются сложности, в том числе споры о размере компенсации, о порядке принесения извинений. В качестве примера можно привести правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в Постановлении от 13 мая 2021 г. № 18-П, в котором Суд констатировал, что действующее регулирование не обеспечивает надлежащего возмещения расходов на

---

[298] Багирян Е.П. Способы возмещения морального вреда лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 343–345.

[299] По жалобе гражданина Абдулхалимова Магомедшапи Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2020 г. № 1107-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

юридическую помощь лицам, в отношении которых уголовное преследование прекращено, и признал соответствующие нормы частично не соответствующими Конституции РФ[300]. Данное постановление подтверждает, что даже при наличии развитого института реабилитации отдельные аспекты восстановления прав реабилитированного остаются нерешенными. Это подчеркивает мысль о том, что важно не только оправдать невиновного, но и восстановить его права, в противном случае цель уголовного судопроизводства, связанная с защитой личности от незаконного обвинения, не будет достигнута в полном объеме.

Практика судов общей юрисдикции иллюстрирует системную проблему произвольности определения размера компенсации морального вреда реабилитированному при отсутствии законодательно установленного минимума. Ленинский районный суд г. Уфы решением от 13 сентября 2023 г. по делу гражданина Исхакова Ф., осужденного в 1959 году на 15 лет и отбывшего 13, взыскал в порядке реабилитации 31 650 800 рублей, однако Верховный суд Республики Башкортостан апелляционным определением по делу № 33-23013/2023 снизил компенсацию в 15 раз — до 2 миллионов рублей[301]. Вахитовский районный суд г. Казани по делу № 2-7600/2023 взыскал в пользу реабилитированного, проведшего почти четыре года в следственном изоляторе по обвинению в убийстве, 6,9 миллиона рублей, оценив каждый день содержания под стражей в 5 000 рублей[302]. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определением от 29 сентября 2020 г. № 14-КГ20-7-К1 отменила апелляционное и кассационное определения, указав,

---

[300] По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

[301] Решение Ленинского районного суда г. Уфы от 13 сентября.2023 г.; апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан по делу № 33-23013/2023 // Право.ру. URL: https://pravo.ru/news/250662/ (дата обращения: 22.03.2026).

[302] Решение Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 2-7600/2023 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 22.03.2026).

что нижестоящие суды не выяснили тяжесть причиненных страданий и не учли индивидуальные особенности личности[303]. В определении от 8 февраля 2022 г. № 3-КГ21-7-К3 Верховный Суд РФ подчеркнул, что компенсация реабилитированному не может рассматриваться как неосновательное обогащение[304]. Приведенные примеры подтверждают, что отсутствие у реабилитируемого четко определенного процессуального статуса в системе участников уголовного судопроизводства влечет значительную вариативность правоприменения и не обеспечивает предсказуемости механизма восстановления нарушенных прав.

Особую категорию составляют лица, в отношении которых компетентными органами решается вопрос о выдаче (экстрадиции) иностранному государству. Как правило, это лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления за рубежом, задержанные на территории Российской Федерации. Они не являются ни обвиняемыми, ни подозреваемыми по российскому уголовному делу, однако оказываются вовлеченными в процедуру, урегулированную уголовно-процессуальным законом (глава 54 УПК РФ) и международными договорами.

Процессуальный статус таких лиц в законе очерчен недостаточно: УПК РФ обозначает их как лиц, подлежащих выдаче. Между тем, учитывая серьезность последствий — выдачу государству, где человеку может грозить суровое наказание, — данная категория лиц должна обладать определенным набором основных прав. При этом Е.В. Баркалова подчеркивает, что при наличии международных договоров и новелл национального регулирования существующая правовая регламентация недостаточна, сохраняются пробелы и противоречия правоприменения[305].

---

[303] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 14-КГ20-7-К1 // СПС «ГАРАНТ». (дата обращения: 22.03.2026).
[304] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08 февраля 2022 г. № 3-КГ21-7-К3 // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 22.03.2026).
[305] Баркалова Е.В. Выдача лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора: реалии и перспективы // КриминалистЪ. 2025. № 2 (51). С. 12.

Вместе с тем, неопределенность усугубляется терминологической несогласованностью. В доктрине и правоприменительной практике данный участник уголовного судопроизводства именуется по-разному: «экстрадируемый», «запрашиваемое лицо», «запрошенное лицо к выдаче», «лицо, подлежащее выдаче», а в некоторых источниках — «преступник», что прямо противоречит конституционному принципу презумпции невиновности[306]. Сам УПК РФ также не отличается единством, так в различных статьях используются понятия «лицо, в отношении которого принято решение о выдаче» (ч. 2 ст. 463), «выдаваемое лицо» (ст. 467), «лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче» (ч. 4 ст. 460, ч. 3 ст. 462), «лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче» (ч. 1 ст. 464). Отсутствие единого «процессуального наименования» свидетельствует о том, что нормы, касающиеся данного лица, разбросаны по всему тексту кодекса, что негативно влияет на их системное понимание[307]. В связи с этим в науке обоснованно предлагается выделить запрашиваемое к выдаче лицо в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства с детальным описанием его правового положения[308].

На практике длительное время существовали серьезные проблемы с судебным контролем за законностью и обоснованностью заключения под стражу в экстрадиционных процедурах. Европейский Суд по правам человека, оценивая российскую практику, указывал, что российский суды фактически допус-

---

[306] Клевцов К.К. Теоретико-правовые основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 318–319; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. по делу № 57-АПУ15-16 // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 апреля 2015 г. по делу № 3/12-1/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[307] Насонов А.А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. С. 65–131; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 319.

[308] Дмитриева А.А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 33–34; Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 14.

кали подход, при котором содержание под стражей в ожидании выдачи регулируется законом запрашивающего государства, что размывало требование законности и контролируемости ограничения свободы[309]. Конституционный Суд РФ в Определении № 101-О от 04 апреля 2006 г. подчеркнул, что меры пресечения к экстрадируемым не могут применяться вне порядка, предусмотренного УПК РФ для подозреваемых и обвиняемых[310]. В связи с прекращением действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы ссылка на практику ЕСПЧ в настоящем исследовании используется не как действующий нормативный ориентир, а как источник ранее сформулированных правовых позиций, сохраняющих научное значение для анализа развития гарантий судебного контроля в экстрадиционных процедурах, поскольку Российская Федерация перестала быть стороной Конвенции 16 сентября 2022 г., а в российском правопорядке постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению[311].

Указанные правовые позиции побудили законодателя и правоприменителя усилить гарантии для экстрадируемых лиц. Сроки содержания их под стражей ограничены общими предельными сроками. На этапе рассмотрения запроса о выдаче существенное значение имеет обеспечение реального осуществления права на обжалование решения: закон предоставляет такому лицу 10 дней на обжалование постановления Генерального прокурора или его заместителя о выдаче (ст. 463 УПК РФ), а судебное разбирательство по жалобе

---

[309] Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев (Nasrulloyev) против РФ» (жалоба № 656/06) // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Специальный выпуск. 2008. № 3. С. 101–115.

[310] По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 101-О // Собрание законодательства РФ. 2006. № 28. Ст. 3118.

[311] О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3943.

проходит с участием экстрадируемого и его защитника. Российская Федерация не выдает лицо, если ему грозит смертная казнь, пытки, преследование по политическим или дискриминационным мотивам. Вместе с тем, основания отказа в выдаче не сводятся к универсальному перечню, одинаковому для всех случаев. Императивные и диспозитивные основания отказа определяются как нормами УПК РФ, так и применимыми международными договорами Российской Федерации либо соглашениями, вследствие чего их содержание может варьироваться в зависимости от конкретного правового режима экстрадиции. Именно поэтому в данной сфере особое значение приобретает судебный контроль, обеспечивающий проверку законности и обоснованности решения о выдаче, а также фактическую реализацию права передаваемого лица на защиту. Таким образом, экстрадируемое лицо, не будучи названо участником уголовного судопроизводства, на практике обладает существенными правами — на защиту и на судебный контроль содержания под стражей, — вытекающими из международных обязательств и конституционных принципов защиты прав человека.

Показательно, что Европейский Суд по правам человека в постановлении от 11 октября 2007 года по делу «Насруллоев против Российской Федерации» (жалоба № 656/06) применительно к экстрадиционному задержанию указал на необходимость соблюдения стандартов законности, установленных Конвенцией, а не законодательством запрашивающего государства. Правовое положение лица, запрашиваемого к выдаче, по аналогии сопоставимо с положением лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: в обоих случаях, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, лицо формально не привлекается к уголовной ответственности, однако ему должны быть обеспечены процессуальные права, равные правам уголовно преследуемых лиц[312]. Кроме того,

[312] Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев (Nasrulloyev) против РФ» (жалоба № 656/06) // Российская хроника Европейского Суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского Суда по правам человека». Специ-

обобщение правоприменительной практики свидетельствует, что при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения экстрадируемому лицу уведомление потерпевшего, как правило, не осуществляется, что обусловлено нахождением последнего за пределами Российской Федерации и сжатым 48-часовым сроком для принятия решения о мере пресечения[313].

Не менее остро стоит проблема определения процессуального статуса лица, в отношении которого передается уголовное преследование (судопроизводство) иностранному государству (ст. 458 УПК РФ). Процессуальный статус такого лица является, по существу, двухуровневым: до направления уголовного дела в иностранное государство он определяется российским уголовно-процессуальным законом (ст. 46 или ст. 47 УПК РФ), а после принятия дела к производству компетентными органами иностранного государства — законодательством принимающего государства[314]. Между этими уровнями возникает своеобразный законодательно-процессуальный тупик, так как следователь обязан уведомить лицо о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), предъявить обвинение и допросить (ст. 171–173 УПК РФ), однако лицо умышленно уклоняется от правоохранительных органов и, как правило, находится на территории государства своего гражданства, которое не выдает собственных граждан. В следственной практике для преодоления данной ситуации применяются формальное направление уведомлений по адресу регистрации, вручение процессуальных документов родственникам, замена участия обвиняемого защитником, а также процедура заочного предъявления обвинения[315].

альный выпуск. 2008. № 3. С. 101–115; По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации… : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (ч. 2). Ст. 6030; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 319.

[313] Лятифов Р.Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2019. С. 98; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 307.

[314] Клевцов К.К. Указ. соч. С. 316–317.

[315] Клевцов К.К., Новиков А.М. Заочное привлечение лиц, скрывающихся за рубежом, в качестве обвиняемых: современное состояние и перспективы развития // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 261–271; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 317.

Ситуация дополнительно осложняется в тех случаях, когда из иностранного государства поступает не уголовное дело, а материал проверки. Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, не наделяется статусом ни подозреваемого, ни обвиняемого (уголовное дело не возбуждено, лицо не задержано по ст. 91–92 УПК РФ, мера пресечения не применена). При нахождении такого лица за рубежом проверочные действия, предусмотренные ст. 144 УПК РФ, как правило, осуществляются в заочной форме, и лицо может не ощущать на себе «скрытое уголовное преследование», хотя фактически в отношении него ведется деятельность изобличительного характера[316]. Представляется, что правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П, согласно которой в целях реализации права на защиту необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, должна распространяться и на подобные случаи[317].

Анализ судебной практики подтверждает, что институт передачи уголовного преследования остается в значительной степени «слепой зоной» судебного контроля. Поиск по открытым базам данных за 2015–2025 годы выявил лишь единичные решения, связанные со ст. 458–459 УПК РФ. Замоскворецкий районный суд г. Москвы по делу № 1-55/2023 от 11 сентября 2023 г. обсуждал выбор между направлением материалов для преследования компетентным органам Германии по ст. 458 УПК РФ и заочным рассмотрением дела[318]. Принятие Федерального закона от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ, расширившего субъектный состав ст. 458–459 УПК РФ и включившего в круг

---

[316] Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4. С. 63–64; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 308–310.

[317] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; Клевцов К.К. Указ. соч. С. 318.

[318] Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-55/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/9ebb6460-e8d2-11ec-955f-71b01f9eeee5 (дата обращения: 22.03.2026).

лиц, в отношении которых допускается передача, не только граждан Российской Федерации, но и иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, еще более обостряет проблему неопределенности процессуального статуса передаваемого лица[319].

Иллюстрацией правовой неопределенности статуса при реализации механизмов международного сотрудничества служат случаи из правоприменительной практики. Так, при расследовании уголовного дела в отношении П. за совершение нападения на гражданина Германии был направлен запрос о правовой помощи компетентным органам ФРГ с просьбой признать Г. потерпевшим, вручить ему постановление и допросить по обстоятельствам дела. Однако немецкие компетентные органы допросили данное лицо в качестве свидетеля, поскольку уголовно-процессуальное законодательство ФРГ не предусматривает института потерпевшего в том объеме, в каком он закреплен в российском праве[320]. Аналогичная ситуация складывалась при исполнении запросов в рамках Минской конвенции 1993 года: потерпевшему разъяснялись права по ст. 42 УПК РФ, однако допрос осуществлялся по правилам уголовно-процессуального закона запрашиваемого государства в качестве свидетеля. Приведенные примеры демонстрируют, что одно и то же лицо в зависимости от юрисдикции может наделяться различным процессуальным статусом, что дополнительно подтверждает системный характер проблемы неопределенности.

Из приведенного обзора следует, что круг лиц, чьи права затрагиваются в уголовном судопроизводстве, чрезвычайно широк. Их объединяет то, что при отсутствии полноценного процессуального статуса они рискуют оказаться в уязвимом положении. Как подчеркивает И.В. Смолькова, большинство про-

---

[319] О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 44. Ст. 6840.

[320] Клевцов К.К. Указ. соч. С. 303–304; Латыпов В.С. К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 3. С. 22–25.

блем могли бы быть предотвращены, если бы статус этих лиц был прямо закреплен в законе[321]. В свою очередь А.А. Давлетов объясняет отсутствие норм о правах указанных участников тем, что исторически их роль считалась незначительной, и полагалось, что общих гарантий достаточно[322]. При этом он подчеркивает, что даже при второстепенной роли такие лица на практике нуждаются в профессиональной юридической помощи как в дополнительной гарантии соблюдения их прав и законных интересов[323]. Указанный подход в настоящее время не в полной мере соответствует современным требованиям: принципы законности и состязательности требуют, чтобы любое лицо, вовлеченное в процесс, могло реализовать свои права. Законодатель уже сделал шаг в данном направлении: в п. 58 ст. 5 УПК РФ дана широкая дефиниция участника процесса как любого лица, принимающего участие в деле. Необходимо развить эту норму, наполнив ее конкретным содержанием.

Прежде чем сформулировать перечень прав участников с неопределенным процессуальным статусом, представляется необходимым установить их связь с типологией интересов, разработанной ранее. Имущественный интерес реализуется через осведомленность о наложении ограничений и возможность их оспаривания: собственник арестованного имущества может защитить свое благо лишь при условии, что он своевременно уведомлен об аресте и имеет доступ к судебной процедуре обжалования; следовательно, имущественному интересу корреспондируют право на информирование о наложении ареста и иных имущественных ограничениях, право на участие в судебном разбирательстве вопроса об аресте и право на обжалование соответствующих решений. Информационный интерес направлен на получение сведений, необходимых для осознанного выбора средств защиты: до тех пор, пока лицо не знает,

---

[321] Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия БГУ. 2017. № 2. С. 210.
[322] Давлетов А.А. Адвокат-консультант в уголовном процессе // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2014. № 1. С. 15.
[323] Там же. С. 17.

какое решение принято и по каким основаниям, оно лишено возможности обжалования, заявления ходатайств или иного процессуального реагирования; данному интересу соответствует право на получение сведений о принятых процессуальных решениях, затрагивающих права лица. Компенсационный интерес предполагает восстановление положения, нарушенного незаконными процессуальными действиями, что возможно лишь при наличии правового механизма возмещения; ему корреспондирует право на возмещение вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями. Интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ реализуется через доступ к мерам государственной защиты и гарантию неприкосновенности чести и достоинства; ему соответствуют право на обеспечение безопасности и гарантия соблюдения чести и достоинства. Установленная взаимосвязь позволяет обосновать систему прав не произвольно, а в привязке к объективным потребностям, выявленным при анализе интересов рассматриваемых лиц.

Обобщая рассмотренное, можно выделить права, которые должны признаваться за каждым участником уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом, независимо от стадии процесса[324]. Выведение данных прав основывается на последовательном соотнесении типов доминирующих законных интересов, установленных ранее, с необходимыми средствами их процессуальной защиты. К таким правам, по нашему мнению, относятся следующие.

Право на получение информации о решениях, затрагивающих права лица. Данное право корреспондирует информационному интересу и является базовым условием реализации всех иных прав: без осведомленности о принятых решениях лицо не способно ни воспользоваться правом на участие, ни подать жалобу, ни обратиться за юридической помощью. Участник с неопределенным статусом не должен быть лишен сведений о том, какие процессуаль-

[324] Лебин В.В. Стандарт минимальных привилегий лиц с неопределенным процессуальным статусом // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 260.

ные решения принимаются в отношении него или его интересов. Так, заявителю обязаны направить уведомление о результатах рассмотрения заявления (ст. 145 УПК РФ); собственник имущества вправе знать о наложении и продлении ареста; экстрадируемое лицо получает копию постановления о выдаче; поручитель и залогодатель — уведомление о решениях по мере пресечения. Реализация данного права позволяет лицу своевременно воспользоваться средствами защиты.

Право на участие в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод. Данное право корреспондирует, прежде всего, имущественному интересу, однако обеспечивает и иные типы интересов, поскольку предоставляет лицу возможность непосредственно довести свою позицию до сведения лица, принимающего решение. Содержание данного права включает как личное участие в процессуальном действии или судебном заседании, так и представление письменных возражений и пояснений в случаях, когда личное участие невозможно или нецелесообразно. Действующее законодательство уже содержит элементы данного права: собственник имущества вправе участвовать в судебном заседании при продлении ареста (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ), лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, вправе давать объяснения (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Однако эти нормы носят фрагментарный характер и не образуют единых прав, распространяющихся на все категории лиц с неопределенным процессуальным статусом.

Право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц. Каждое лицо, чьи права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями или решениями, должно иметь возможность потребовать проверки их законности и обоснованности. Данное право непосредственно вытекает из ст. 46 Конституции РФ и конкретизируется в ст. 19, 124, 125 УПК РФ. Оно обеспечивает реализацию всех типов законных интересов — информационного, имущественного, компенсационного — поскольку предоставляет универсальный механизм контроля за соблюдением прав лиц, не наделенных специальным статусом стороны в процессе. Как было показано при анализе

отдельных категорий участников, именно обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ на практике выступает основным средством защиты прав заявителя, собственника арестованного имущества, экстрадируемого лица и иных участников с неопределенным статусом.

Право на юридическую помощь. В отличие от предшествующих прав, привязанных к конкретным типам интересов, право на юридическую помощь носит сквозной характер, так как оно обеспечивает реализацию всех типов законных интересов, выступая процессуальной гарантией фактической осуществимости иных прав. Проведенный анализ показал, что на каждой стадии уголовного судопроизводства лица с неопределенным статусом сталкиваются с необходимостью формулировать правовую позицию — при подаче жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела, при оспаривании ареста имущества, при участии в судебном заседании по вопросу о продлении ареста, при обжаловании решения о выдаче. Без квалифицированной юридической помощи эффективная реализация данных прав существенно затруднена. Конституционная основа данного права закреплена в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. В настоящее время это реализовано не во всех случаях, например, лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, право пользоваться услугами адвоката предоставлено ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, тогда как для заявителя при обжаловании отказа в возбуждении дела данное право прямо не закреплено, хотя ничто не препятствует ему действовать через представителя по доверенности. Признание права на юридическую помощь в качестве минимального набора прав обеспечит единообразное процессуальное основание для допуска адвоката к участию в деле с момента фактического вовлечения лица в производство. При этом государство не обязано предоставлять таким лицам защитника безвозмездно, как обвиняемому, однако не вправе препятствовать получению квалифицированной юридической помощи.

Право на возмещение вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями или решениями. Данное право корреспондирует компенсационному интересу. Если в отношении лица, не имеющего процессуального статуса, были совершены незаконные процессуальные действия, повлекшие ущерб (имущественный или неимущественный), оно должно иметь право на возмещение причиненного вреда. Для реабилитированных данное право прямо закреплено в гл. 18 УПК РФ. Для иных лиц — собственника, чье имущество повреждено при обыске, лица, в отношении которого применялись необоснованные ограничения, — правовым основанием возмещения служат ст. 1069 и 1070 ГК РФ, предусматривающие ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц.

Указанные выводы подтверждаются проведенным анкетированием, так на вопрос о том, какими правами лицо не может воспользоваться ввиду неопределенности своего процессуального статуса, 60,4 % респондентов указали право на получение копий процессуальных решений (63,5 % судей, 30,4 % прокуроров, 80,5 % адвокатов, 77,3 % следователей). Право на участие при рассмотрении затрагивающего вопроса отметили 49,4 % опрошенных, право на разъяснение прав — 44,5 % (при этом адвокаты указали данную проблему в 62,1 % случаев, следователи — в 56,8 %, тогда как прокуроры — лишь в 15,2 %). Право на соблюдение сроков рассмотрения обращений затронуто 40,6 % респондентов, право на квалифицированную юридическую помощь — 33,1 %, право на подачу жалоб и ходатайств — 31,2 %, право на обжалование действий должностных лиц — 19,2 %. Таким образом, наиболее ощутимые ограничения затрагивают информационные и партиципационные права, что соответствует выявленным в настоящем исследовании типам доминирующих законных интересов.

Анкетирование также выявило конкретные ситуации, в которых неопределенность статуса создает наибольшие затруднения для защиты прав лица. Непредоставление информации при доследственной проверке признано

наиболее проблемным — 54,5 % респондентов (58,8 % судей, 26,1 % прокуроров, 69 % адвокатов, 77,3 % следователей). Обыск/выемка в жилище без обеспечения права на оспаривание отмечены 47,1 % опрошенных (64,7 % судей). Отказ в принятии жалобы заявителя ввиду отсутствия статуса потерпевшего указан 42,9 % респондентов (63,2 % адвокатов, 50 % следователей). Наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование отмечено 38 % (54,1 % судей), необеспечение прав близких родственников погибшего — 29,5 % (50,6 % адвокатов). Приведенные данные корреспондируют установленным в работе типам процессуальных ситуаций, обосновывающих необходимость нормативного закрепления минимального набора прав.

Значимость указанного перечня прав подтверждается позицией практикующих юристов. На вопрос о наиболее важных процессуальных правах, подлежащих закреплению в законодательстве, 62 % респондентов указали право на получение информации о процессуальных решениях (64,7 % судей, 26,1 % прокуроров, 90,8 % адвокатов, 75 % следователей). Право на участие при ограничении прав или свобод отметили 56,8 % (66,7 % адвокатов, 58,8 % судей). Право на помощь адвоката с момента вовлечения признали важным 45,1 %, право на возмещение вреда — 44,8 % (60,9 % адвокатов, 56,8 % следователей). Право на обжалование в порядке ст. 124, 125 УПК РФ указано 41,6 %, право на меры государственной защиты — 15,3 %. Полученные результаты свидетельствуют о том, что выделенные права образуют целостный и востребованный практикой минимальный набор, обеспечивающий реализацию всех типов законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом.

Выявленная совокупность прав — на информирование, участие в рассмотрении вопросов об ограничении прав, обжалование, юридическую помощь и компенсацию вреда — не является произвольным перечнем. Она представляет собой нормативно обоснованный объем прав, выведенный из последовательного соотнесения типов доминирующих законных интересов с необходимыми средствами их процессуальной защиты на основании триалектики

критериев, обоснованной ранее. Для обозначения данной совокупности предлагается ввести термин «стандарт минимальных привилегий»[325].

Избранный термин имеет межотраслевую научную основу. В области информационной безопасности широко применяется принцип наименьших привилегий (principle of least privilege) — подход, согласно которому субъекту предоставляется лишь тот объем полномочий, который необходим и достаточен для выполнения возложенных на него функций[326]. По аналогии с данным подходом представляется обоснованным распространить эту логику на сферу уголовно-процессуальных отношений, что каждому лицу с неопределенным процессуальным статусом предоставляется тот минимально необходимый и достаточный объем процессуальных прав, который позволяет реализовать его доминирующий законный интерес, не выходя за пределы публично-правового назначения уголовного судопроизводства.

Избранный термин обладает рядом преимуществ. Во-первых, он акцентирует функцию самоограничения государства в уголовном процессе. Как обосновала Е.Б. Мизулина, уголовный процесс представляет собой ту сферу, где государство и суд вынуждены самоограничиваться, и правосудие является средством ограничения, а точнее самоограничения, произвола государства[327]. Стандарт минимальных привилегий реализует эту идею применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом, так как государство добровольно признает за ними определенную свободу поведения, ограничивая собственные возможности принуждения в установленных пределах.

Во-вторых, термин позволяет выразить соотношение публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства. Как показала Л.Н. Маслен-

---

[325] Лебин В.В. Стандарт минимальных привилегий лиц с неопределенным процессуальным статусом // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 260.

[326] Албаков И.Д. Построение системы информационной безопасности // Вестник науки. 2018. № 2 (2). С. 10; Ряполова К. И. Принципы защиты информации и разграничение полномочий пользователей в корпоративных информационных системах // Science Time. 2016. С. 77–80.

[327] Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.

никова, содержание публичного начала составляет защита публичного интереса, включающего согласованный интерес общества, государства и отдельных лиц, при этом развитие автономии личности обусловлено развитием субъективных прав, которые государство признает за личностью[328]. Применяя метод, положенный нами в основу триалектики критериев, диспозитивное начало рассматривается не как противостоящее публичному, а как входящее в него составляющей, которая наполняет публичное начало качественным содержанием[329]. Стандарт минимальных привилегий выражает именно эту идею, что предоставление лицу минимально необходимого объема прав является не уступкой частному интересу в ущерб публичному, а ресурсом качественного развития публичного начала уголовного судопроизводства. В-третьих, термин позволяет разграничить предлагаемый подход и альтернативный путь — наделение каждой категории лиц самостоятельным процессуальным статусом, — который, как будет показано далее, сопряжен с рисками избыточного расширения круга участников процесса.

На основании проведенного анализа можно предложить следующее определение. Стандарт минимальных привилегий — это закрепленный законом или вытекающий из конституционных принципов минимальный объем процессуальных прав, гарантируемый государством лицам, фактически вовлеченным в уголовно-процессуальные отношения, но не обладающим четко определенным процессуальным статусом в УПК РФ. Данный стандарт минимальных привилегий обеспечивает таким лицам защиту их законных интересов, несмотря на отсутствие у них процессуального статуса стороны или иного участника процесса. Если лицо вовлечено в процесс, государство обязано гарантировать ему определенный стандарт минимальных привилегий — право на информирование о принятых процессуальных решениях, затрагивающих

---

[328] Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 11, 42.

[329] Смирнова И. Г. К вопросу о публичном и диспозитивном началах российского уголовного судопроизводства (через призму научных взглядов профессора Л.Н. Масленниковой) // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 129.

права и законные интересы лица; право на участие в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод; право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц в порядке статей 124 и 125 УПК РФ; право на помощь адвоката с момента фактического вовлечения в производство; право на возмещение вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

§ 1. Понятие и система процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом

Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства определяет смысл деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. В доктрине уголовного процесса подчеркивается, что обязанность по обеспечению реализации прав участников возлагается на государственные органы, которые должны разъяснять права и обеспечивать возможность их осуществления[330]. Согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Как было установлено ранее, вовлечение лица в уголовно-процессуальные отношения без надлежащего процессуального статуса порождает гарантийный вакуум: доминирующие законные интересы таких лиц не обеспечены устойчивым комплексом прав и корреспондирующих обязанностей должностных лиц.

В этой связи в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П Конституционный Суд РФ указал, что, когда потерпевший не признан таковым и оставлен в статусе свидетеля, он лишен возможности реализовать процессуальные

---

[330] Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 52–53.

гарантии в полной мере, что неоправданно ограничивает его доступ к правосудию[331]. Приведенная правовая позиция демонстрирует общий механизм: несвоевременное или неверное наделение процессуальным статусом влечет исключении лица из системы гарантий, поскольку лишает его полного комплекса процессуальных прав и корреспондирующих обязанностей должностных лиц[332]. Аналогичный риск — в еще более острой форме — возникает у лиц, вовлеченных в уголовный процесс без какого-либо процессуального статуса: при отсутствии процессуального оформления их положения средства обеспечения остаются фрагментарными и зависят от усмотрения правоприменителя.

Результаты анкетирования подтверждают обоснованность постановки проблемы недостаточности существующих гарантий. На вопрос о достаточности имеющихся в УПК РФ гарантий для защиты прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом, вариант «скорее недостаточны» выбрали 23,5 % судей, 41,3 % прокуроров, 56,3 % адвокатов и 65,9 % следователей; вариант «полностью недостаточны» — 10,6 % судей, 32,2 % адвокатов и 13,6 % следователей (среди прокуроров данный вариант не был выбран). Таким образом, дефицит гарантий констатируют в совокупности 34,1 % судей, 41,3 % прокуроров, 88,5 % адвокатов и 79,5 % следователей. Напротив, гарантии «полностью достаточными» сочли 44,7 % судей и 38 % прокуроров, тогда как среди адвокатов и следователей данный вариант выбрали лишь 2,3 % и 4,5 % соответственно. Данное расхождение может объясняться различием процессуальных ролей: судьи и прокуроры оценивают систему с позиции органов, осуществляющих

---

[331] По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Ткаченко : Постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 42. Ст. 5971.

[332] Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16. № 2А. С. 637–641.

контроль и надзор, тогда как адвокаты и следователи непосредственно сталкиваются с проблемами реализации прав на практике.

Постановка проблемы недостаточности гарантий требует ответа на возражение, согласно которому уголовно-процессуальные механизмы обеспечения прав таких лиц не являются необходимыми, поскольку Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и сама предоставляет им правовые средства защиты — свидетельский иммунитет, право на судебную защиту, право на обжалование и право на получение квалифицированной юридической помощи.

Как было показано ранее, распространение общего права на всех участвующих в производстве лиц само по себе не создает возможности его реализовать. Прямое действие конституционной нормы закрепляет само право, однако не создает процессуальной формы его осуществления в уголовном судопроизводстве — порядка реализации, корреспондирующей обязанности должностного лица, правовых последствий ее неисполнения и контроля за соблюдением. Конституция Российской Федерации закрепляет право обжаловать действия и решения должностных лиц, но не определяет, к кому лицо вправе обратиться, в какой срок его обращение подлежит разрешению и кто обязан на него ответить. Существенно и то, что ограничение конституционных благ таких лиц происходит внутри уголовного судопроизводства, а потому и защита их законного интереса возможна только в присущих ему процессуальных формах.

Данный вывод подтверждается самим уголовно-процессуальным законом. Право не свидетельствовать против себя и своих близких родственников закреплено ст. 51 Конституции РФ, однако законодатель не ограничился ее прямым действием, раскрывая содержание свидетельского иммунитета (п. 40 ст. 5 УПК РФ), возложил на должностных лиц обязанность предупредить лицо, согласившееся дать показания, о возможности их использования в качестве доказательств (ч. 2 ст. 11 УПК РФ) и установил недопустимость доказательств, полученных с нарушением требований закона (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Право на получение квалифицированной юридической помощи закреплено ст. 48 Конституции РФ, однако развернуто в ст. 49–53 УПК РФ. Право на судебную защиту и обжалование закреплено ст. 46 Конституции РФ, однако реализуется в порядке ст. 123–125 УПК РФ. Если бы прямого действия конституционных норм было достаточно, приведенные нормы являлись бы избыточными.

Существо проблемы состоит, таким образом, не в том, необходимы ли процессуальные механизмы как таковые, а в том, что применительно к лицам, наделенным процессуальным статусом, законодатель их создал, тогда как в отношении лиц, вовлекаемых в производство фактически, они отсутствуют. Содержание указанной обязанности не исчерпывается сообщением лицу содержания принадлежащего ему права. Как отмечается в литературе, лица, ответственные за ведение уголовных дел, при выполнении своих процессуальных функций должны не только разъяснить права участникам уголовного судопроизводства, но и обеспечить условия для их реализации, поскольку возможность одних лиц действовать определенным образом предполагает для других лиц обязанность создать условия для этого либо, как минимум, не препятствовать осуществлению таких действий[333]. Показательно, что предусмотренная ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязанность распространена в том числе на других участников уголовного судопроизводства, однако лицо, не наделенное процессуальным статусом, участником не признается, вследствие чего названная обязанность в отношении него не исполняется. Именно в этом и состоит гарантийный вакуум, о котором шла речь выше.

Правоприменительная практика это подтверждает. Несмотря на прямое действие ст. 46 Конституции РФ, суды первой инстанции отказывают таким лицам в принятии жалоб по формальным основаниям, не рассматривая их по существу[334]. О том же свидетельствует и необходимость неоднократного обращения Конституционного Суда РФ к переводу конституционных гарантий в

---

[333] Химичева О.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. Указ. соч. С. 162.

[334] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 77-2312/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026);

конкретные процессуальные требования применительно к отдельным ситуациям, в том числе в приведенном Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П. Правовые позиции Конституционного Суда РФ носят общеобязательный характер, однако установление процессуального порядка — процедуры, сроков и формы реализации права — относится к компетенции законодателя.

Таким образом, предлагаемый механизм не подменяет конституционные нормы и не дублирует их, а образует процессуальную форму их реализации в уголовном судопроизводстве. Прямое действие Конституции РФ устанавливает право, тогда как уголовно-процессуальный закон определяет, каким образом, в каком порядке и кем это право обеспечивается.

Описав ранее содержание прав участников с неопределенным процессуальным статусом, необходимо теперь показать, каким образом реализация этих прав обеспечивается процессуальными гарантиями, поскольку в уголовно-процессуальном регулировании каждому процессуальному праву участника корреспондирует юридическая обязанность должностных лиц содействовать его реализации[335]. Для этого, прежде всего, следует уточнить понятийный аппарат, а затем установить структуру механизма обеспечения прав и систематизировать процессуальные гарантии.

Построение системы гарантий предполагает предварительное разграничение смежных категорий — реализация, соблюдение, охрана, защита, обеспечение, — поскольку в юридической методологии подчеркивается необходимость согласования терминов как условие корректного научного анализа[336].

Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026).

[335] Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 30–31.

[336] Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 9–10.

В теории права реализация определяется как воплощение предписаний юридических норм в правомерном поведении субъектов и проявляется в различных формах — использовании, исполнении, применении[337]. Соблюдение же фиксирует преимущественно пассивный аспект правомерности: оно имеет место тогда, когда субъекты воздерживаются от запрещенных законом действий, тем самым, не нарушая установленный правопорядок[338].

Категории «охрана» и «защита» традиционно разграничиваются по функциональному критерию. Права и законные интересы охраняются постоянно — посредством поддержания ненарушенного состояния, тогда как защищаются лишь при их нарушении, в режиме реагирования на посягательство[339]. Правовая защита при этом раскрывается как совокупность мер государственно-принудительного и организационно-правового характера, направленных на восстановление нарушенного состояния и устранение препятствий к осуществлению права[340].

В указанном ряду «обеспечение» выступает наиболее широкой и интегративной категорией. Применительно к уголовному судопроизводству обеспечение прав и свобод связывается с гарантированностью их реализации: субъектами обеспечения выступают суд и органы уголовного преследования, а содержание обеспечения включает обязанность не ограничиваться разъяснением прав, но и создавать реальные условия для их осуществления[341]. Именно поэтому в уголовно-процессуальном регулировании каждому процессуальному праву участника корреспондирует юридическая обязанность должностного лица содействовать его осуществлению[342].

---

[337] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 313.
[338] Там же. С. 314.
[339] Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 130–131
[340] Амагыров А. В. Правовая защита прав и законных интересов: понятие и классификация // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 118.
[341] Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.]; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко и А. Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 50–51.
[342] Там же. С. 51.

Для целей настоящего исследования существенно, что разграничение указанных категорий позволяет обозначить функциональные уровни системы гарантий: охрана описывает превентивный уровень (поддержание ненарушенного состояния прав), защита — реактивный уровень (восстановление нарушенных прав), а обеспечение охватывает оба уровня и дополняет их элементом позитивного содействия реализации прав. Соответственно, система гарантий для лиц с неопределенным процессуальным статусом должна включать средства всех трех уровней: превентивные (информирование, процессуальная форма), реактивные (обжалование, компенсация) и средства позитивного содействия (обязанности должностных лиц по созданию условий реализации прав).

Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства представляет собой целостный уголовно-процессуальный механизм, посредством которого предусмотренные законом возможности приобретают реальную исполнимость (далее — механизм обеспечения прав). Исходным уровнем такого механизма выступает совокупность правовых средств, закрепленных государством в юридических нормах: именно через нормативное закрепление устанавливаются пределы осуществления прав и свобод и одновременно задаются барьеры против их необоснованного ограничения[343]. Однако указанная нормативная рамка приобретает прикладное значение лишь при условии институционального и процессуального закрепления: процессуальные гарантии характеризуются, с одной стороны, нормативным выражением, а с другой — специальной сферой реализации в уголовно-процессуальных правоотношениях[344].

В структурном отношении механизм обеспечения прав включает пять взаимосвязанных блоков: 1) нормативный — принципы, права, корреспонди-

---

[343] Лукьянова А. А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2024. С. 62.
[344] Там же. С. 63.

рующие обязанности и запреты; 2) субъектный — круг носителей прав и должностных лиц, на которых возложены обязанности по обеспечению; 3) процессуально-формальный — порядок действий, сроки, процессуальная форма, требования к мотивировке решений; 4) контрольный — ведомственный процессуальный контроль, прокурорский надзор и судебный контроль; 5) восстановительно-компенсационный — обжалование незаконных действий (бездействия) и решений, устранение допущенных нарушений, юридические последствия их неустранения, возмещение вреда[345]. Действенность каждого блока определяется корреспонденцией субъективного права и обязанности: право на заявление ходатайства приобретает реальное значение лишь при наличии обязанности уполномоченного лица рассмотреть его и принять мотивированное решение (ст. 119, 159 УПК РФ); право на обжалование предполагает обязанность компетентного органа принять жалобу, рассмотреть ее в предусмотренный срок и обеспечить возможность проверки принятого решения (ст. 124–125 УПК РФ).

При этом процессуальная форма выполняет не техническую, а гарантийную функцию. В доктрине подчеркивается, что процессуальная форма обусловлена надлежащими юридическими гарантиями доброкачественности процессуальных результатов и должна обеспечивать законность и обоснованность принимаемых решений[346]. Особую значимость указанная конструкция приобретает применительно к лицам, вовлеченным в процесс с неопределенным процессуальным статусом. В научной литературе обращается внимание на то, что общие конституционно-правовые гарантии прав личности не способны полноценно заменить конкретный уголовно-процессуальный статус, а подмена статуса неизбежно ведет к ограничению соответствующих гарантий[347].

---

[345] Рыжкова И. А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 10–11.

[346] Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 131.

[347] Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022. С. 42–43.

Без процессуального закрепления и надлежащего контроля за действиями должностных лиц обеспечение прав лиц с неопределенным процессуальным статусом фактически приобретает декларативный характер и оказывается поставленным в зависимость от усмотрения правоприменителя.

Ранее в работе на основании триалектики критериев (наличие личного законного интереса, положение слабой стороны, соотнесенность частного интереса с публичным интересом уголовного судопроизводства) был определен круг лиц, нуждающихся в обеспечении прав, и показано, что участники с неопределенным процессуальным статусом неоднородны и различаются по доминирующим законным интересам — имущественному, информационному, компенсационному и интересу в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ, проявляющимся в зависимости от процессуальной ситуации и стадии производства. Далее обоснован стандарт минимальных привилегий, выведенный из соотнесения типов интересов с необходимыми правами. В научной литературе отмечается, что процессуальные гарантии должны соответствовать характеру охраняемого интереса[348]. Исходя из данного подхода, система гарантий для участников с неопределенным процессуальным статусом строится на основе последовательного соотнесения трех элементов: сначала определяется доминирующий законный интерес соответствующей группы участников; затем устанавливается минимально необходимый объем прав, позволяющий этому интересу приобрести реальное процессуальное выражение; после чего формируется комплекс гарантий, обеспечивающих осуществление данных прав.

Применяя указанную цепочку, можно установить следующие соответствия. Информационный интерес, доминирующий на ранней стадии вовлечения в процесс, требует, прежде всего, прав на разъяснение существа оснований

---

[348] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. С. 56–59; Смирнов В.Е. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. С. 27–28; Лапутина Е.А., Дядькин О.Н. Общие положения уголовно-процессуального права: учеб. нагляд. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. С. 12.

проведения процессуального действия, на извещение о принимаемых решениях, на получение копий процессуальных документов, затрагивающих права лица. Без реализации этих прав участник не способен воспользоваться никакими иными правами, поскольку не осведомлен ни о своем положении, ни о доступных средствах защиты. Имущественный интерес, актуализирующийся при ограничении прав собственности, неприкосновенности жилища и иных имущественных прав, требует прав на регламентированные законом юридические основания, процессуальную форму ограничений, получение копий соответствующих документов, обжалование арестов имущества, обысков и иных ограничительных мер, а также на заявление ходатайств и участие в процессуальных действиях, затрагивающих права лица, а равно на судебную проверку оснований ограничения прав. Реализация компенсационного интереса предполагает наличие прав на устранение последствий допущенных нарушений, на возмещение причиненного вреда и доступ к компенсационным механизмам, включая реабилитационные. Интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ требует права на применение мер государственной защиты, а также на защиту чести, достоинства и деловой репутации от негативных последствий вовлечения в уголовное судопроизводство. Именно обеспеченность перечисленных прав и составляет содержание системы процессуальных гарантий, к классификации которых необходимо перейти.

Центральное место в механизме обеспечения прав и законных интересов лиц с неопределенным процессуальным статусом в уголовном судопроизводстве занимают процессуальные гарантии, поскольку именно через них достигается практическая реализуемость предоставленных участникам прав. Процессуальные гарантии представляют собой комплекс правовых средств, посредством которых в ходе осуществления уголовного судопроизводства обеспечиваются соблюдение и реализация прав и свобод участников процесса[349].

---

[349] Абраменко А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 68–69.

При этом нормативность является важнейшим свойством средств обеспечения прав: гарантия существует лишь тогда, когда право поддержано обязанностью должностного лица действовать определенным образом, и предусмотрена ответственность за невыполнение этой обязанности[350].

Многообразие процессуальных гарантий целесообразно систематизировать по характеру обеспечительной функции, соотносимой с выявленными типами законных интересов, что одновременно позволяет соотнести классификацию гарантий со структурными блоками механизма обеспечения прав.

Информационные гарантии обеспечивают осведомленность лица о принадлежащих ему правах и о процессуальных решениях или действиях, затрагивающих его законные интересы. Они корреспондируют информационному интересу и выступают базовым условием реализации всех иных прав: отсутствие сведений о принятом решении или о способе его обжалования придает правам сугубо формально-нормативный характер[351]. В структуре механизма обеспечения прав информационные гарантии относятся к нормативному и процессуально-формальному блокам.

Гарантии процессуальной формы выражаются в установленных законом порядке, условиях и сроках совершения процессуальных действий и принятия решений, а также в требованиях к их мотивировке. Они корреспондируют, прежде всего, имущественному интересу, поскольку именно при ограничениях имущественных прав процессуальная форма приобретает характер ключевой гарантии, однако служат обеспечению всех типов законных интересов, связывая усмотрение должностного лица пределами и процедурой, подлежащими последующей проверке[352]. В структуре механизма они составляют ядро процессуально-формального блока.

---

[350] Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 160 с.

[351] Абраменко А.А. Указ. соч. С. 67.

[352] Там же. С. 67–69.

Контрольные гарантии реализуются через ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор за законностью и обоснованностью действий (бездействия) и решений органов расследования. Они обслуживают, прежде всего, имущественный и компенсационный интересы, обеспечивая оперативное выявление и устранение нарушений без перенесения всей нагрузки на судебную стадию.

Судебные гарантии проявляются в формах проверки судом законности действий (бездействия) и решений должностных лиц, выраженных, в частности, в постановлениях о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения (обыск, выемка, наложение ареста на имущество и др.), а также иных решений и действий, способных затронуть конституционные права и свободы лиц на досудебных стадиях (ст. 125, ст. 165 УПК РФ), и являются ключевым механизмом обеспечения прав всех типов законных интересов уязвимых лиц с неопределенным процессуальным статусом[353]. Судебные гарантии дополняют контрольный блок механизма обеспечения прав, придавая ему свойство независимости.

Применительно к лицам, вовлеченным в процедуры международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, реализация указанных гарантий сопряжена с дополнительными трудностями. Нормативный блок гарантий ослаблен тем, что положения о правах таких лиц разрознены по различным главам УПК РФ и международным договорам, а контрольный блок —

[353] Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Практика судебного контроля за решениями и действиями (бездействием) публичных процессуальных органов, ограничивающих права и законные интересы личности в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., изм. и доп. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2008. С. 2–4; Адильшаев Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2011. С. 11.

тем, что судебный контроль при экстрадиции должен осуществляться в сжатые сроки (48 часов для избрания меры пресечения), что объективно ограничивает полноту проверки[354].

Компенсационные гарантии направлены на устранение последствий незаконных процессуальных решений и действий, включая отмену решений, устранение последствий нарушений, возмещение вреда, а также иные процессуальные последствия нарушений, в т.ч. признание доказательств недопустимыми. Они корреспондируют компенсационному интересу, а в части устранения последствий незаконных ограничений права собственности — также имущественному интересу, и образуют восстановительно-компенсационный блок-механизма.

Тем самым системность обеспечительных средств определяется не перечислением гарантий как таковых, а их функциональной связью с типами законных интересов конкретных групп участников и со структурными блоками механизма обеспечения прав.

Выполнение процессуальных гарантий возлагается на конкретных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, формируя систему процессуального комплаенса, которую образуют обязательные требования к поведению должностных лиц, порядок их исполнения и контроль за его соблюдением, направленные на обеспечение прав участников с неопределенным процессуальным статусом. К первичным субъектам обеспечения прав относятся должностные лица, осуществляющие уголовное преследование и отправление правосудия: суд, прокурор, следователь, руководитель следственного отдела, дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания которым закон прямо вменяет обязанность разъяснять участникам их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления

---

[354] Лятифов Р.Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2019. С. 98; Клевцов К.К. Теоретико-правовые основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 307, 320.

этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Руководитель следственного органа осуществляет внутриведомственный процессуальный контроль. Прокурор занимает особое место как надзирающий субъект (ст. 37 УПК РФ). Суд выступает ключевым субъектом в рамках судебного контроля (ст. 125, ст. 165 УПК РФ). Наряду с указанными выше субъектами в механизме обеспечения прав участвуют адвокаты, чья роль состоит в снижении уязвимости лиц с неопределенным процессуальным статусом посредством получения информации, заявления ходатайств, подачи жалоб, участия в процессуальных действиях и обращения к судебному контролю; при этом адвокат не подменяет обязанностей государственных органов, а обеспечивает фактическую реализуемость прав[355].

Введение в научный оборот понятия процессуального комплаенса требует обоснования — как с точки зрения его соотношения с классической конструкцией уголовно-процессуального правоотношения, так и с точки зрения обоснованности самого термина. Межотраслевое происхождение понятия само по себе не исключает возможности его использования в уголовно-процессуальной науке, однако предполагает смысловую и функциональную адаптацию. Сформулированные А.А. Тарасовым применительно к сравнительно-правовым исследованиям методологические требования применимы, как представляется, и к заимствованию понятий из иных отраслей знания: действительный смысл исследуемого материала подлежит установлению по оригинальным источникам, лексическое значение слова и его контекстное окружение имеют самостоятельное значение для понимания заложенного в него юридического смысла, а закон должен содержать единственную и по возможности однозначно толкуемую формулировку, допускающую усмотрение

[355] Шаповал А.Б. Обеспечение адвокатом-защитником прав доверителя при производстве неотложных следственных действий: монография. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2023. С. 121–123; Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 143–144.

властвующего субъекта при недопущении неконтролируемого извне властного произвола[356]. Названным требованиям предлагаемое понятие отвечает постольку, поскольку сохраняет смысловое ядро соответствия фактического поведения нормативно установленной модели, имеет самостоятельное отраслевое назначение, отграничено от законности и от системы процессуальных гарантий в целом и влечет проверяемые юридические последствия.

Предлагаемая конструкция исходит из положения о соответствии субъективного права юридической обязанности и не заменяет его. Как отмечает Л.Н. Масленникова, субъективные права представляют собой меру возможного поведения, а юридические обязанности — меру должного, при этом «нельзя признать субъективное право обеспеченным, если ему не корреспондирует юридическая обязанность», а «отсутствие в УПК РФ указаний на юридические обязанности превращает отдельные субъективные права в декларации»[357]. Именно правами и обязанностями закрепляются образцы и стандарты поведения, которые государство считает обязательными для нормального функционирования системы уголовного судопроизводства[358].

В отраслевой доктрине юридическая обязанность определяется как предусмотренная нормами права мера необходимого и должного поведения, исполнять которое надлежит даже против собственного желания, а под процессуальными гарантиями обеспечения публичных интересов понимаются в том числе обязанность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, прокурора и суда надлежащим образом исполнять свои должностные полномочия и использовать правовые средства, которые обеспечивают их выполнение[359].

---

[356] Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная компаративистика — территория открытий и заблуждений // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1 (75). С. 133, 135, 137, 140.
[357] Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности — внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 42–43.
[358] Там же. С. 39.
[359] Химичева О.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. Указ. соч. С. 161–162, 165.

Применительно к лицам, не наделенным процессуальным статусом, названная проблема проявляется наиболее остро. Так, Л.Н. Масленниковой было констатировано, что в стадии возбуждения уголовного дела не определены субъективные права и юридические обязанности лиц, вовлеченных в фактические отношения[360]. Следствием этого выступает невозможность не только реализовать право, но и поставить вопрос об ответственности должностного лица, поскольку упрекнуть его в неисполнении обязанностей, которые на него не возложены, нельзя[361]. Причина состоит в том, что классическая корреспонденция субъективного права и юридической обязанности связывает стороны конкретного правоотношения и предполагает закрепление права за определенной процессуальной фигурой. В отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом такая связь не образуется — благо лица затрагивается, однако лицо, перед которым должностное лицо несло бы корреспондирующую обязанность, законом не определено, а ее исполнение зависит от усмотрения правоприменителя.

Обоснование избранного термина предполагает обращение к его содержанию. Английский глагол «to comply» означает не статичное соответствие, а приведение поведения в соответствие с требованиями по мере необходимости, тогда как русское слово «соответствие» обозначает отношение между двумя явлениями, но не деятельность по его обеспечению и не образуемую ею систему[362]. Равнозначными указанные термины поэтому не являются.

Не сводится комплаенс и к корпоративной сфере. В международном праве теория комплаенса, основы которой заложены работой Л. Хенкина, исследует соблюдение государствами норм международного права, а ее осново-

---

[360] Масленникова Л.Н. Субъективные права и юридические обязанности — внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 41.
[361] Там же. С. 46.
[362] Compliance // Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/compliance (дата обращения: 08.07.2026)

полагающим признаком признается сосредоточенность на поведении государств, в том числе их руководителей[363]. Применение данной конструкции к деятельности носителей публичной власти сложилось тем самым в науке задолго до настоящего исследования.

В общей теории права юридический комплаенс определяется как совокупность явлений, отражающих требования к степени контроля и соответствия поведения участников правоотношений установленному в обществе порядку, объективированному в виде властных предписаний, а механизм юридического комплаенса — как совокупность правовых средств, при помощи которых снижается правовая неопределенность и минимизируется правовой риск. К основополагающим признакам данного явления относят волевой характер, системность действий, формализацию активного соблюдения требований законодательства и применение в ответ на возникающие неопределенность и риски[364]. Комплаенс-система охватывает при этом не только комплаенс-регулирование, но и комплаенс-контроль, а в качестве самостоятельных видов выделяются комплаенс публичного права и комплаенс государственных и муниципальных органов[365].

Признак добровольности, характеризующий комплаенс в частной сфере, применительно к публичному праву получает иное выражение. Публичное право характеризуется защитой общественно значимых интересов, вследствие чего комплаенс в данной сфере должен быть обязательным, а комплаенс-система формируется на основании обязательных требований и стандартов[366]. Государственные органы при этом прямо отнесены к числу субъектов обязательной комплаенс-системы[367]. Изложенным и объясняется нормативно уста-

---

[363] Henkin L. How Nations Behave: Law and Foreign Policy. 2nd ed. New York: Columbia University Press, 1979. P. 400; Peat D., Fikfak V., van der Zee E. Behavioural Compliance Theory // Journal of International Dispute Settlement. 2022. Vol. 13. No. 2. P. 167–178.
[364] Манохин В.С. Юридический комплаенс (теория, техника, практика) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2024. С. 13.
[365] Там же. С. 14, 15
[366] Там же. С. 136, 181.
[367] Там же. С. 251.

новленный, а не добровольный характер предлагаемого процессуального комплаенса, отвечающий публично-правовой природе уголовного судопроизводства.

Тем самым на вопрос о том, что и чему должно соответствовать, предлагаемое понятие дает определенный ответ: фактическое поведение дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда должно соответствовать нормативно установленной модели должного поведения, а само это соответствие подлежит контролю. Применительно к уголовному судопроизводству понятие наполняется собственным содержанием, поскольку правовая неопределенность положения лиц, фактически вовлеченных в производство, составляет существо рассматриваемой проблемы, а юридический комплаенс по своему назначению выступает средством ее снижения. Процессуальный комплаенс определяет должное поведение властного субъекта через факт вовлечения лица в производство, а не через его процессуальный статус, и включает порядок исполнения соответствующих обязанностей и контроль за их соблюдением. Таким образом, отвечая не на вопрос о том, какие обязанности несет должностное лицо, а на вопрос о том, чем обеспечено их исполнение в отношении лица, процессуальный статус которого не определен.

Предлагаемая конструкция не вносит изменений в теорию уголовно-процессуальных правоотношений. Она не создает новых субъективных прав, поскольку права, образующие стандарт минимальных привилегий, вытекают из Конституции Российской Федерации и действующего уголовно-процессуального закона, и не предполагает их перечисления применительно к каждой категории вовлекаемых лиц, что означало бы создание новых процессуальных фигур и вело бы к тому самому расширению круга участников, от которого настоящее исследование отказывается. Она не закрепляет за такими лицами процессуального статуса и не затрагивает положения о соответствии субъективного права юридической обязанности властного субъекта. Существо пред-

лагаемого решения состоит в систематизации — в приведении разрозненно закрепленных прав и корреспондирующих им обязанностей должностных лиц к единой модели, действующей в силу факта вовлечения лица в производство.

Проведенный анализ показывает, что стадийная природа уголовного судопроизводства обусловливает различный состав доступных прав для лиц с неопределенным процессуальным статусом на разных этапах производства. Практика свидетельствует, что разрозненное закрепление отдельных прав — возможность подать жалобу в порядке ст. 124 УПК РФ, присутствовать при производстве следственного действия по усмотрению следователя — не гарантирует их эффективного использования. Стандарт минимальных привилегий предполагает системный подход: законодательное перечисление ключевых прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, и корреспондирующих этим правам обязанностей должностных лиц. Такие обязанности вместе с порядком их исполнения и контролем за его соблюдением образуют процессуальный комплаенс — нормативно установленную модель должного поведения властных субъектов. Стандарт и процессуальный комплаенс в совокупности составляют нормативную основу обеспечения прав тех категорий лиц с неопределенным процессуальным статусом, которые отвечают выделенным ранее критериям. Значение такого подхода не исчерпывается обеспечением возможности реализации прав указанными лицами, так как нормативное закрепление минимально необходимого объема привилегий одновременно устанавливает пределы их осуществления, тем самым сохраняя устойчивость процессуальной системы и препятствуя злоупотреблению своими правами.

Следует учитывать, что установление новой нормы само по себе не является достаточным средством преодоления сложившихся правоприменительных стереотипов. А.А. Тарасов обоснованно указывает, что при фатальном противоречии процессуальной формы социально-психологическим закономерностям межличностных отношений фактические отношения между участниками процесса развиваются самостоятельно, взламывая процессуальную

форму или игнорируя ее, а предписание ст. 17 УПК РФ об оценке доказательств по внутреннему убеждению не означает, что правоприменитель абстрагируется от сложившейся практики, мнения более опытных коллег и позиции руководства, вследствие чего процессуальная форма подлежит изучению во взаимосвязи с той реальной деятельностью, для регулирования которой она создана[368]. Приведенное методологическое требование имеет, как представляется, и нормотворческое значение, поскольку конструкция предлагаемой нормы должна учитывать выявленное расхождение. По этой причине она включает наряду с перечнем прав корреспондирующие обязанности с определенным носителем, порядок их исполнения, процессуальную форму фиксации исполнения и контроль за соблюдением, соединяя нормативное предписание с контрольной и правовосстановительной процедурами.

Вместе с тем, необходимо обосновать, почему избранный подход — нормативное закрепление стандарта минимальных привилегий — предпочтительнее альтернативного пути, широко обсуждаемого в доктрине, а именно расширения понятийного блока участников уголовного судопроизводства за счет введения новых процессуальных фигур. В научной литературе неоднократно предлагалось решить проблему неопределенности процессуального положения иным путем — формализацией статуса соответствующих лиц: законодательным определением понятий «заявитель», «очевидец», «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» и других категорий участников, не получивших нормативного закрепления в УПК РФ[369].

---

[368] Тарасов А.А. О негативных последствиях разделения научных специальностей 12.00.09 — уголовный процесс и 12.00.12 — криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 381–382.

[369] Бажанов С.В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации / С.В. Бажанов // Российский следователь. 2007. № 1. С. 6 – 7; Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 287–290; Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 95–100; Миронова А. В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2015. №9. С. 87; Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» //

Общая логика указанных предложений состоит в том, что формулирование нормативной дефиниции участника и включение соответствующей статьи в раздел II УПК РФ устранит неопределенность процессуального положения и обеспечит защиту прав данного лица.

Признавая обоснованность отмечаемой указанными авторами проблемы, следует, однако, обратить внимание на то, что законодательное определение (дефиниция) участника само по себе не способно решить проблему обеспечения его прав и законных интересов[370]. Определение описывает правовую природу участника — его место в системе процессуальных отношений, основания приобретения и прекращения статуса, — но не устанавливает механизм реализации и обеспечения его прав. Иными словами, дефиниция отвечает на вопрос, кем является данное лицо в процессе, но не на вопрос, каким образом обеспечиваются его права.

Показательным примером служит залогодатель, процессуальное положение которого фрагментарно регламентировано ст. 106 УПК РФ. Тем не менее, ряд его прав (право на получение информации о движении дела, право на обжалование решений, затрагивающих предмет залога, право на возврат залогового имущества в случаях, предусмотренных законом) остаются не в полной мере урегулированными, поскольку определение не содержит системного перечня прав, корреспондирующих обязанностей должностных лиц и процессуальных механизмов их реализации. Аналогичная ситуация наблюдается и у иных участников, чей статус формально закреплен. Само по себе указание на то, кем лицо является в процессе, не предоставляет ему действенный комплекс прав для защиты своих законных интересов.

Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23.

[370] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 132.

В научной литературе данное наблюдение подтверждается указанием на то, что расширение понятийного аппарата участников уголовного судопроизводства не тождественно расширению гарантий их прав. Так, ученые, анализируя права участников с неопределенным процессуальным статусом, справедливо отмечают, что фрагментарность гарантий обусловлена не столько отсутствием определения в УПК РФ, сколько несистемностью закрепления прав и отсутствием корреспондирующих обязанностей и контрольных механизмов[371]. Так, И. Г. Смирнова, обращаясь к проблеме баланса конституционных ценностей в уголовном судопроизводстве, обосновывает позицию, согласно которой акцент должен быть перенесен с формализации процессуальных статусов на совершенствование системы гарантий, обеспечивающих реальную защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, вне зависимости от их процессуального статуса[372]. Схожую позицию занимает А.А. Давлетов, подчеркивая значение процессуального статуса для определения объема прав и обязанностей, одновременно указывает, что сам по себе статус выполняет идентификационную функцию, тогда как содержательное наполнение прав и механизм их реализации определяются нормами, устанавливающими конкретные права, обязанности и процедуры[373].

Данное наблюдение имеет принципиальное значение для настоящего исследования. Если бы решение проблемы сводилось к формулированию определений участников с неопределенным процессуальным статусом, достаточно было бы законодательно закрепить соответствующие дефиниции. Однако, как показывает проведенный анализ, обеспечение прав представляет собой целостный механизм, включающий нормативное закрепление стандарта минимальных привилегий, установление корреспондирующих обязанностей долж-

---

[371] Там же, С. 132.

[372] Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2012. С. 21.

[373] Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61–67.

ностных лиц, регламентацию процедурных правил реализации прав и закрепление механизмов контроля и последствий нарушения[374]. Определение — лишь один элемент нормативного блока, тогда как действенность обеспечения прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом определяется работоспособностью всех пяти блоков механизма в их совокупности. В уголовно-процессуальной науке обоснованно подчеркивается, что совокупность гарантий систематизируется через такие элементы, как процессуальный статус, судебный контроль и прокурорский надзор, право на информацию, право на обжалование, право на реабилитацию[375] и, следовательно, определение статуса является лишь одним из элементов целостной системы, но не ее заменой[376].

Результаты анкетирования по вопросу об оптимальной форме нормативной регламентации процессуального положения лиц с неопределенным статусом подтверждают обоснованность избранного подхода. Так, 29,2 % респондентов полагают, что вопрос не нуждается в дополнительной регламентации (50,6 % судей, 41,3 % прокуроров, но лишь 5,7 % адвокатов и 9,1 % следователей). Введение общей нормы (универсальной статьи) о минимальных правах фактически вовлеченных лиц поддержали 20,8 % (39,1 % адвокатов, 22,4 % судей). Закрепление процессуального статуса каждой категории в разделе II УПК РФ предложили 19,2 % (34,5 % адвокатов). Расширение понятийного аппарата в ст. 5 УПК РФ поддержали 16,2 % (45,5 % следователей). Точечное закрепление дополнительных гарантий отметили 14 % (19,6 % прокуроров). Таким образом, 70,8 % респондентов выступают за ту или иную форму нормативного закрепления прав рассматриваемых лиц, что подтверждает обоснованность и востребованность разрабатываемых в настоящем исследовании за-

---

[374] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 17.
[375] Рыжкова И. А. Указ. соч. С. 63–64.
[376] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. С. 81, 92, 98, 291, 452.

конодательных предложений. При этом наибольшую поддержку получил подход, предполагающий введение общей нормы, что непосредственно корреспондирует предлагаемой в настоящей работе статье 60.1 УПК РФ[377].

Следовательно, для тех категорий лиц с неопределенным процессуальным статусом, которые преследуют личный законный интерес и наиболее уязвимы перед процессуальным воздействием, необходимо не столько определение их статуса, сколько нормативное закрепление стандарта минимальных привилегий с корреспондирующими обязанностями и процессуальными механизмами реализации. Вместе с тем, при нормативном закреплении стандарта минимальных привилегий возникает вопрос о том, каким образом определить круг лиц, на которых распространяется действие предлагаемой нормы. Используемый в настоящем исследовании термин «участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом» отражает доктринальную оценку правового положения данных лиц — неполноту или отсутствие законодательного закрепления структурных элементов их статуса. Однако нормативное регулирование призвано вносить определенность в складывающиеся уголовно-процессуальные отношения, а не закреплять их пробелы. Уголовно-процессуальный закон не может оперировать категорией «неопределенности» статуса как нормативным понятием, поскольку это противоречило бы самой природе правового регулирования, направленного на устранение такой неопределенности. В связи с этим в предлагаемой норме круг управомоченных лиц определяется через объективный признак — факт вовлечения лица в уголовно-процессуальные отношения при отсутствии закрепленного процессуального статуса участника. Таким образом, права участников с неопределенным процессуальным статусом, обоснованные в ходе проведенного исследования, получают нормативное выражение через категорию фактической вовлеченности в уголовное судопроизводство, что обеспечивает соответствие предлагаемой нормы требованиям правовой определенности. В связи с

[377] Лебин В.В. Стандарт минимальных привилегий лиц с неопределенным процессуальным статусом // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 261.

изложенным предлагается дополнить УПК РФ статьей 60.1 следующего содержания:

«Статья 60.1. Права лица, фактически вовлеченного в уголовное судопроизводство

1. Лицо, фактически вовлеченное в уголовное судопроизводство в связи с проверкой сообщения о преступлении или производством по уголовному делу, но не наделенное процессуальным статусом участника, предусмотренным настоящим Кодексом, и обладающее личным законным интересом, который затрагивается процессуальными действиями (бездействием) или решениями, имеет право:

1) получать информацию о принятых процессуальных решениях, затрагивающих его права и законные интересы, путем вручения или направления копий таких решений;

2) участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением его прав или свобод, либо представлять по таким вопросам письменные возражения и пояснения, за исключением случаев, когда участие лица несовместимо с целью процессуального действия, в том числе при рассмотрении судом ходатайства о производстве следственного действия, характер которого исключает предварительное уведомление лица о его проведении;

3) обжаловать в порядке, установленном статьями 124 и 125 настоящего Кодекса, действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, если такие действия (бездействие) и решения способны причинить ущерб его правам и законным интересам, создать препятствия для их реализации либо иным образом нарушить его права и свободы;

4) пользоваться помощью адвоката в связи с проверкой сообщения о преступлении или с момента фактического вовлечения в производство по уголовному делу в случаях, когда его права и законные интересы затрагиваются процессуальными действиями (бездействием) и решениями должностных лиц,

выраженными, в частности, в постановлениях о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения, а также иных решений и действий, способных затронуть конституционные права и свободы лиц;

5) требовать возмещения вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями или решениями, в порядке, предусмотренном главой 18 настоящего Кодекса.

2. Дознаватель, начальник подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, суд обязаны разъяснять лицу, указанному в части первой настоящей статьи, его права и обеспечивать возможность их осуществления.

3. Лицо, указанное в части первой настоящей статьи, вправе отказаться от реализации прав, предусмотренных пунктами 2 и 4 части первой настоящей статьи. Разъяснение такому лицу права пользоваться помощью адвоката и принятое им решение относительно реализации этого права закрепляются в письменном виде и приобщаются к материалам проверки сообщения о преступлении или к уголовному делу. Отказ от реализации указанных прав не лишает лицо возможности воспользоваться ими в дальнейшем.».

Такая редакция части третьей отражает то, что оформление в предлагаемой норме выполняет иную функцию, нежели отказ от защитника по статье 52 УПК РФ. Если отказ подозреваемого или обвиняемого от защитника корреспондирует обязанности государства при необходимости обеспечить его участие за счет средств федерального бюджета (часть 2 статьи 49 УПК РФ), то применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом такой обязанности не возникает: государство не обязано предоставлять им защитника безвозмездно, как обвиняемому. Поэтому предусмотренное частью третьей оформление протоколом означает не волеизъявление, порождающее обязанность государства предоставить защитника, а процессуальное закрепление

того, что лицу разъяснено право на квалифицированную юридическую помощь и что им принято решение относительно его реализации; это служит гарантией от последующего довода о том, что право не было разъяснено. В случае же, когда лицо не отказывается от помощи адвоката, но не располагает средствами для ее оплаты, обязанность должностного лица носит негативный и процедурный характер — разъяснить право, предоставить реальную возможность пригласить адвоката (в том числе достаточное время и средства связи) и не препятствовать его допуску, — тогда как вопрос о распространении на отдельные категории таких лиц гарантий обязательного участия защитника за счет государства составляет самостоятельное направление дальнейших исследований.

Сам по себе перечень прав не устраняет риск их формальности, так как реальная обеспеченность достигается через корреспондирующие обязанности должностных лиц, закрепленные в ч. 2 статьи 60.1 УПК РФ, процессуальные процедуры реализации, контроль и юридические последствия нарушения.

В силу стадийной природы уголовного судопроизводства указанные элементы механизма обеспечения подлежат раскрытию применительно к конкретным стадиям — от проверки сообщения о преступлении до судебного рассмотрения жалоб и восстановительных процедур.

Таким образом, система процессуальных гарантий прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом представляет собой целостный механизм, включающий взаимосвязанные нормативный, субъектный, процессуально-формальный, контрольный и восстановительно-компенсационные элементы. Обеспечение прав указанных лиц не может быть сведено ни к формальному разъяснению прав по ст. 11 УПК РФ, ни к законодательному определению соответствующих участников: определение описывает правовую природу участника, но не создает механизм реализации и защиты его прав. Расширение понятийного блока участников уголовного судопроизводства за счет введения новых процессуальных фигур — заявителя, очевидца, лица, в отношении которого проводится проверка, — само по себе

не решает проблему обеспечения прав и законных интересов и не создает системы гарантий, поскольку дефиниция выполняет идентификационную функцию, но не устанавливает корреспондирующих обязанностей, процессуальных процедур и контрольных механизмов. Действенность обеспечения прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом определяется работоспособностью всех элементов механизма — от нормативного закрепления минимально необходимого комплекса прав до корреспондирующих обязанностей должностных лиц, процессуальных форм реализации, прокурорского надзора, судебного контроля и компенсационных механизмов.

Функциональным ядром системы гарантий для наиболее уязвимых участников с неопределенным процессуальным статусом, преследующих личный законный интерес, призвана стать предлагаемая статья 60.1 УПК РФ, закрепляющая стандарт минимальных привилегий, выведенный из оптимального соотношения типов доминирующих законных интересов с необходимыми правами. Содержание каждого из закрепленных прав подкрепляется корреспондирующими обязанностями следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, прокурора и суда, а их реализуемость обеспечивается через систему информационных, формально-регламентированных, контрольных, судебных, компенсационных гарантий и гарантий безопасности. Действенность механизма обеспечения прав определяется тем, насколько полно указанные элементы функционируют на каждой стадии уголовного судопроизводства — от проверки сообщения о преступлении до судебного рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и восстановительных процедур, что составляет предмет последующего исследования.

§ 2. Процессуальный механизм обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом

Обеспечение прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом представляет собой целостную систему, включающую четыре взаимосвязанных элемента: стандарт минимальных привилегий, корреспондирующие обязанности должностных лиц, процедурные правила реализации, а также контроль и юридические последствия нарушения. Было прямо указано, что функциональность механизма обеспечения прав определяется тем, как именно гарантии реализуются на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Необходимость перехода от описания механизма обеспечения прав к раскрытию процессуального порядка его реализации обусловлена рядом причин. Прежде всего, механизм обеспечения прав фиксирует статическую конструкцию: из каких элементов он состоит, но не показывает, в какой последовательности и каким образом эти элементы приводятся в действие. Между тем для лиц, наделенных процессуальным статусом потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, уголовно-процессуальный закон прямо устанавливает последовательность действий, обязанностей и гарантий, момент признания лица участником определен, права разъяснены, порядок их осуществления регламентирован, контрольные механизмы закреплены. Для лиц с неопределенным процессуальным статусом такая модель реализации гарантий отсутствует[378]. Как справедливо отмечает А.А. Давлетов, «процессуальный статус лица определяет объем его прав и обязанностей и тем самым очерчивает границы его возможного поведения в уголовном судопроизводстве»[379], и, следовательно,

---

[378] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 127–128.

[379] Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. Екатеринбург: ИРА УТК, 2010. С. 70.

отсутствие формализованного статуса означает отсутствие формализованного порядка реализации прав.

Кроме того, в научной литературе обоснованно подчеркивается, что провозглашение права без определения порядка его осуществления существенно снижает эффективность правового регулирования[380]. Так, О.В. Волколуп и Ю.Б. Чупилкин указывают, что «гарантии прав участников уголовного судопроизводства представляют собой совокупность норм, закрепляющих права участников и предусматривающих меры процессуального воздействия на случай их нарушения»[381], однако нормативное закрепление без процессуального порядка реализации, без определения последовательности действий, сроков и форм фиксации оставляет право в декларативной форме[382]. В этом смысле динамическое измерение механизма обеспечения прав не менее значимо, чем его нормативная структура.

Изложенное позволяет поставить вопрос о необходимости формирования процессуального механизма обеспечения прав лиц с неопределенным процессуальным статусом, который бы определял последовательность этапов реализации гарантий от момента возникновения юридического факта, затрагивающего законный интерес, до восстановления нарушенных прав. Понятие механизма применительно к правовой деятельности не является новым для юридической науки. В теории государства и права механизм рассматривается как последовательность логически связанных действий, направленных на достижение определенного правового результата[383]. В уголовно-процессуальном

---

[380] Акчурин А.Р. Процедуры формирования органов государственной власти в Российской Федерации: современная проблематика // Lex Russica. 2017. № 10 (131). С. 187.

[381] Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. С. 14.

[382] Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 300; Сухарев А.Н. Метод дихотомии в конструкции права // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 4 (72). С. 70.

[383] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 316.

праве подобный подход проявляется в нормативном закреплении последовательности действий на каждой стадии производства, однако для лиц, вовлеченных в процесс без процессуального статуса, он до настоящего времени не был сформулирован в систематизированном виде.

Таким образом, под процессуальным механизмом обеспечения прав участников с неопределенным процессуальным статусом предлагается понимать нормативно определенную последовательность этапов, каждый из которых включает конкретное право участника, корреспондирующую обязанность должностного лица, процедурную форму реализации и контрольный механизм. Данный механизм призван выполнить функцию процессуального порядка, компенсируя дефицит процессуального статуса определенностью процедуры. Последовательность звеньев механизма выстраивается следующим образом: юридический факт, затрагивающий законный интерес; информирование и процессуальное оформление; допуск к юридической помощи; реализация права на обжалование; принятие решения по жалобе и его последствия; восстановление нарушенных прав. Каждое из указанных звеньев подлежит последовательному раскрытию с позиции процессуального содержания, субъектного состава и проблемных аспектов применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом.

Исходным звеном процессуального механизма обеспечения прав является юридический факт, с наступлением которого законный интерес лица оказывается затронутым процессуальной деятельностью. Именно этот момент обуславливает начало функционирования механизма обеспечения прав, порождая у должностного лица обеспечительные обязанности, а у лица процессуальные права.

В теории уголовного процесса юридическими фактами признаются обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных правоотношений[384]. Применительно к участникам с неопределенным процессуальным статусом таким юридическим фактом выступает процессуальное действие, решение или бездействие должностного лица, которое объективно ограничивает права лица, затрагивает его имущественные, личные или иные охраняемые законом интересы, создает для него неблагоприятные правовые последствия[385]. При этом принципиальное значение имеет не процессуальный статус лица, а факт вовлечения его в сферу уголовно-процессуальных отношений и реальное ущемление его законного интереса.

Данный подход согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что конституционные гарантии распространяются на всех лиц, чьи права и законные интересы затронуты в ходе уголовного судопроизводства, независимо от их формального процессуального статуса. В частности, в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П Конституционный Суд РФ подчеркнул, что обеспечение гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не процессуальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права[386]. Эта позиция была

---

[384] Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 47.

[385] Морозова О.С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1(101). С. 129–130.

[386] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

развита в Постановлении от 01 октября 2024 г. № 42-П, в котором Конституционный Суд РФ указал, что оставление потерпевшего без надлежащего статуса неоправданно ограничивает его доступ к правосудию[387]. Подобный подход также можно применить в отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом.

На основании анализа типовых процессуальных ситуаций, в которых оказываются лица с неопределенным процессуальным статусом, можно выделить наиболее распространенные юридические факты, на основе которых запускается механизм обеспечения прав. Во-первых, это подача заявления о преступлении и проведение доследственной проверки в порядке ст. 144–ст. 145 УПК РФ, в ходе которой заявитель и лицо, в отношении которого проводится проверка, фактически вовлекаются в уголовно-процессуальные отношения, однако формального процессуального статуса не приобретают. Как отмечает Н.А. Логинов, «на стадии возбуждения уголовного дела лица, вовлекаемые в проверочные мероприятия, фактически подвергаются процессуальному воздействию, однако их процессуальные права остаются неопределенными»[388].

Наряду с указанными юридическими фактами особую группу составляют ситуации, связанные с международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства. К таковым относятся: поступление запроса иностранного государства о выдаче (экстрадиции) лица; поступление из-за рубежа материалов проверки или уголовного дела в порядке передачи уголовного преследования (ст. 459 УПК РФ); возбуждение производства по признанию и исполнению иностранного приговора о конфискации (глава 55[1] УПК РФ). В каждом из этих случаев лицо оказывается вовлеченным в уголовно-процессуальные отношения, однако его процессуальный статус определяется не только

---

[387] По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Ткаченко : Постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 42. Ст. 5971.

[388] Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 143.

УПК РФ, но и нормами международных договоров, что порождает дополнительную неопределенность[389].

Во-вторых, значительную группу юридических фактов составляют следственные действия, затрагивающие права третьих лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или потерпевшими, например, обыск в жилище лица, не являющегося участником дела по ч. 5 ст. 182 УПК РФ, выемка документов и предметов у третьих лиц, наложение ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым или обвиняемым по части 3 ст. 115 УПК РФ. В каждом из этих случаев лицо утрачивает фактическое владение имуществом, ограничивается в правах, однако не приобретает процессуального статуса, позволяющего полноценно защитить свои интересы. В научной литературе справедливо указывается, что «при наложении ареста на имущество третьих лиц возникает конфликт между публичным интересом в обеспечении возможной конфискации и частным интересом собственника в сохранении имущества, причем собственник, не будучи стороной по делу, оказывается в заведомо уязвимом положении»[390].

В-третьих, юридическим фактом могут выступать процессуальные решения, порождающие правовые последствия для лица, не являющегося участником процесса (например, отказ в возбуждении уголовного дела по заявлению согласно ст. 148 УПК РФ).

Принципиальное значение имеет определение момента, с которого начинает действовать механизм обеспечения прав. Исходя из приведенной модели «интерес, права, гарантии», исходным моментом действия механизма обеспечения прав является не момент приобретения процессуального статуса, которого у данных лиц может не быть, а момент фактического ущемления законного интереса. Именно с этого момента у должностного лица возникает обя-

---

[389] Клевцов К.К. Указ. соч. С. 316–317.

[390] Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. С. 192–193.

занность реализовать обеспечительные функции, заключающиеся в разъяснении лицу его права, уведомить о принятом решении, обеспечить возможность юридической помощи, а у самого лица появляется возможность воспользоваться правами, предусмотренными предлагаемой статьей 60.1 УПК РФ. В доктрине обоснованно подчеркивается, что «действие процессуальных гарантий должно начинаться с момента фактического вовлечения лица в сферу уголовного судопроизводства, а не с момента формального признания его участником»[391]. Соответственно, юридический факт — это процессуально значимое обстоятельство, объективно затрагивающее законный интерес лица и порождающее необходимость обеспечения его прав посредством приведения в действие системы гарантий.

Вторым звеном процессуального механизма обеспечения прав выступает информирование лица об ограничении его права принятым решением и проведенным процессуальным действием, разъяснение принадлежащих ему прав и процессуальное оформление данного факта. Информирование является исходным условием реализации всех последующих прав, поскольку лицо, не осведомленное о принятом решении, о своих правах и способах их защиты, объективно лишено возможности ими воспользоваться.

Нормативной основой данного звена выступает ч. 1 ст. 11 УПК РФ, закрепляющая обязанность суда, прокурора, следователя и дознавателя разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Существенным является то, что законодатель использует формулировку «другим участникам уголовного судопроизводства»,

[391] Абраменко А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2020. С. 56–57.

что позволяет распространить данную обязанность и на лиц, фактически вовлеченных в процесс без определенного процессуального статуса[392]. Однако на практике данная норма реализуется преимущественно в отношении лиц, прямо поименованных в законе, тогда как лица с неопределенным процессуальным статусом нередко остаются за пределами информационного обеспечения.

Содержание информирования применительно к участникам с неопределенным процессуальным статусом может быть раскрыто через несколько взаимосвязанных элементов. Первый элемент – это уведомление лица о процессуальном действии или решении, затрагивающем его интересы. Данное уведомление должно быть своевременным, то есть предшествовать совершению действия, если это возможно без ущерба для целей расследования, либо следовать непосредственно за ним. Применительно к различным процессуальным ситуациям своевременность проявляется по-разному. При проведении обыска в жилище третьего лица уведомление осуществляется непосредственно при предъявлении судебного решения в соответствии с ч. 4 ст. 182 УПК РФ, а при наложении ареста на имущество – в момент исполнения постановления, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела – путем направления копии постановления заявителю в соответствии с ч. 2 ст. 145 УПК РФ. Однако в тех случаях, когда закон прямо не предусматривает обязанность уведомления, лицо может узнать о решении, затрагивающем его интерес, лишь спустя значительное время, что существенно ограничивает возможность своевременного обжалования[393].

Второй элемент – это разъяснение прав, принадлежащих лицу в связи с совершением, ограничивающего его права процессуальным действием или

---

[392] Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 52–53.

[393] Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 296.

принятым решением. Именно разъяснение прав является первичной обеспечительной обязанностью должностного лица, без выполнения которой иные гарантии утрачивают практическое значение. В доктрине уголовного процесса подчеркивается, что «обязанность разъяснить права носит не формальный, а содержательный характер. Она предполагает доведение до сведения лица информации о конкретных правах и способах их реализации в доступной форме»[394]. Для лица с неопределенным процессуальным статусом это означает необходимость разъяснения не только конституционного права на защиту его прав и свобод, права на квалифицированную юридическую помощь, но и конкретного порядка реализации принадлежащих ему прав, в том числе: порядка обжалования действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (ст. 124, ст. 125 УПК РФ); порядка ознакомления с протоколами следственных действий, в которых лицо участвовало (ст. 166 УПК РФ); порядка получения копий процессуальных решений, затрагивающих его права и интересы; а также порядка обращения за квалифицированной юридической помощью, включая допуск адвоката к участию в процессуальных действиях.

Третий элемент – это вручение или направление копий процессуальных решений, затрагивающих права и интересы лица. Данный элемент имеет принципиальное значение для обеспечения права на обжалование, поскольку без ознакомления с содержанием решения лицо не может сформулировать мотивированную жалобу. Уголовно-процессуальный закон предусматривает обязанность вручения копий отдельных решений, например, копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 145 УПК РФ), копии постановления о наложении ареста на имущество (ч. 8 ст. 115 УПК РФ). Однако, в отношении ряда решений, затрагивающих интересы лиц без определенного процессуального статуса, такая обязанность прямо не установлена. Предлагаемая статья 60.1 УПК РФ восполняет данный пробел, закрепляя

[394] Лапаев И.С., Алейникова А.Б. Общие положения уголовного процесса: учебное пособие. Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2021. С. 157.

право лица получать информацию о принимаемых процессуальных решениях, затрагивающих его права и интересы, с вручением либо направлением копий решения.

Четвертый элемент – это процессуальная фиксация факта информирования и разъяснения прав. Фиксация может осуществляться различными способами, такими как отражение факта разъяснения прав в протоколе следственного действия, получение расписки лица, отметка в материалах дела. Значение процессуальной фиксации состоит в том, что она превращает обязанность информирования из декларативной в проверяемую. При последующем контроле можно установить, было ли лицо фактически проинформировано о своих правах и о принятом решении. Отсутствие фиксации создает презумпцию неисполнения обязанности и может влечь процессуальные последствия, вплоть до признания результатов следственного действия недопустимыми[395].

Применительно к информационному звену механизма реализации прав роль адвоката проявляется в разъяснении лицу значения совершаемых процессуальных действий и принимаемых решений, в оказании содействия в ознакомлении с материалами дела в допустимых пределах, в формулировании запросов на получение копий процессуальных решений, а также в выработке правовой и процессуальной позиции по делу. Так, А.Б. Шаповал справедливо отмечает, что «профессиональная юридическая помощь начинается именно с информирования доверителя о его правовом положении и возможностях защиты, что определяет эффективность всех дальнейших процессуальных действий»[396].

Проблемные аспекты информационного звена механизма для участников с неопределенным статусом сводятся к нескольким ключевым моментам. Прежде всего, действующий уголовно-процессуальный закон не содержит об-

---

[395] Россинский С.Б. Указ. соч. С. 131.

[396] Шаповал А.Б. Обеспечение адвокатом-защитником прав доверителя при производстве неотложных следственных действий: монография. М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2023. С. 121–122.

щей нормы, прямо обязывающей должностных лиц информировать и разъяснять права лицам, не имеющим процессуального статуса. Так, ч. 1 ст. 11 УПК РФ, распространяя обязанность разъяснения прав на других участников уголовного судопроизводства, допускает расширительное толкование, однако на практике оно применяется не всегда[397]. Кроме того, отсутствует единообразный порядок фиксации факта разъяснения прав лицам с неопределенным статусом, что затрудняет последующий контроль. Наконец, отсутствие регулируемых сроков уведомления о процессуальных решениях, затрагивающих интересы таких лиц, приводит к тому, что информация поступает несвоевременно, а право на обжалование реализуется с существенным опозданием.

Результаты анкетирования следователей позволяют оценить практику взаимодействия с лицами, без определенного процессуального статуса на этапе досудебного производства. Так, 90,9 % следователей указали, что сталкивались с обращениями лиц без определенного процессуального статуса (52,3 % — иногда, 38,6 % — регулярно). При поступлении обращения 61,4 % опрошенных рассматривают его по существу и принимают процессуальное решение, 20,5 % авторов указали, что направляют руководителю следственного органа, а 18,2 % разъясняют порядок обращения к прокурору или в суд. При этом 77,3 % следователей разъясняют права вовлеченным лицам в отдельных случаях, а 2,3 % из опрошенных не разъясняют, ссылаясь на отсутствие законодательной обязанности. Среди затруднений при взаимодействии с лицами с неопределенным процессуальным статусом следователи выделяют отсутствие четких нормативных ориентиров.

Приведенные данные подтверждают, что большинство следователей фактически применяют информационные гарантии в отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом, однако делают это по собственному

---

[397] Таова Л.Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России и стран Ближнего Зарубежья // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2008 г.): в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В.Л. Кудрявцева. Челябинск: филиал МПГУ в г. Челябинске, ЮУПИ, 2008. С. 452–453.

усмотрению, а не на основании прямого законодательного предписания, что обосновывает необходимость нормативного закрепления соответствующей обязанности.

Дефекты информационного звена наиболее заметны при осуществлении международного сотрудничества. Так, при рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу лица, запрашиваемого к выдаче, уведомление потерпевшего, как правило, не осуществляется ввиду его нахождения за пределами Российской Федерации и сжатого срока принятия решения. При передаче уголовного преследования иностранному государству следователь обязан уведомить подозреваемого (обвиняемого) о возбуждении уголовного дела и предъявить обвинение, однако фактическое информирование лица, находящегося за рубежом, сводится к формальному направлению уведомлений по адресу регистрации или вручению документов родственникам, что не обеспечивает реального ознакомления лица с принятыми решениями[398].

Судебная практика судов первой инстанции подтверждает, что дефекты информационного звена проявляются не только в неисполнении обязанности направления копий процессуальных решений, но и в отсутствии процессуального реагирования на обращения лица, фактически вовлеченного в проверочную или следственную деятельность. Так, постановлением Измайловского районного суда г. Москвы от 27 июня 2025 г. по делу № 3/12-135/25 признано незаконным бездействие органа дознания, выразившееся в отсутствии рассмотрения ходатайства заявителя и отсутствии уведомления о принятом по нему решении. Суд указал, что право заявлять ходатайства и получать процессуальный ответ распространяется не только исключительно на участников, у которых четко закреплен процессуальный статус, а должно обеспечиваться и иным лицам, чьи права и законные интересы затронуты, поскольку отсутствие

[398] Клевцов К.К. Указ. соч. С. 307, 317; О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

решения и уведомления объективно затрудняет реализацию последующих средств защиты, включая судебное обжалование[399].

Судебная практика наглядно подтверждает, что ненадлежащее информирование лиц о принятых процессуальных решениях является распространенным нарушением, непосредственно затрудняющим доступ к правосудию. Показательным является кассационное постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 года № 77-1992/2024, где заявитель обратился в суд с жалобой на бездействие сотрудников полиции, выразившееся в отсутствии направленной ему копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в нарушение требований ч. 4 ст. 148 УПК РФ[400]. Районный суд отказал в принятии жалобы, сославшись на то, что заявителю было направлено уведомление начальника отдела полиции о принятом решении с разъяснением права обжалования, и, следовательно, ущерб его конституционным правам не причинен, доступ к правосудию не затрудняется. Кассационный суд отменил данное решение, подчеркнув, что уведомление о факте принятия решения не заменяет обязанности, установленной ч. 4 ст. 148 УПК РФ вручить либо направить заявителю копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а отсутствие копии постановления затрудняет доступ заявителя к правосудию. Суд также указал, что районный суд, отказывая в принятии жалобы, фактически приступил к проверке и оценке доводов заявителя без проведения судебного заседания в форме состязательного судопроизводства, чем нарушил процессуальный порядок рассмотрения жалоб.

Еще более выраженное нарушение информационного звена механизма обеспечения прав зафиксировано в кассационном постановлении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 года № 77-557/2024[401].

---

[399] Постановление Измайловского районного суда г. Москвы от 27 июня 2025 г. по делу № 3/12-135/25 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lw4nSXTgVtJ1/ (дата обращения: 22.03.2026).

[400] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции судебная практика от 19 июня 2024 г. № 77-1992/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026).

[401] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 г. № 77-557/2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2026).

Заявитель обжаловал бездействие должностных лиц, не сообщивших ему о результатах проверки его заявления о совершении преступления в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. Суды первой и апелляционной инстанций оставили жалобу без удовлетворения, указав, что заявления направлены на проверку по подследственности, и заявитель вправе самостоятельно получить информацию о результатах. Кассационный суд признал такой подход незаконным, указав, что доводы жалобы заявителя остались по существу без судебной проверки и оценки, что привело к нарушению конституционных прав и свобод заявителя и затруднению его доступа к правосудию. Данные примеры подтверждают, что несвоевременное и ненадлежащее информирование не является лишь техническим нарушением, а влечет реальное ограничение возможности лица защитить свои права и законные интересы.

Для устранения указанных пробелов, наряду с предлагаемой статьей 60.1 УПК РФ, представляется целесообразным закрепить обязанность должностных лиц в каждом случае совершения процессуального действия или принятия решения, затрагивающего права и интересы лица, не являющегося участником процесса с процессуальным статусом, разъяснять ему права, предусмотренные указанной статьей, и фиксировать факт разъяснения в протоколе следственного действия либо в отдельном процессуальном документе. Данное предложение корреспондирует информационным гарантиям, и обеспечивает информационный интерес участников с неопределенным статусом.

Целесообразность законодательного закрепления указанной обязанности подтверждена результатами анкетирования: 56,5 % опрошенных респондентов считают необходимым закрепить в УПК РФ обязанность должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным процессуальным статусом. Примечательно, что наибольшую поддержку данная мера получила у адвокатов (90,8 %) и следователей (86,4 %), то есть у тех профессиональных групп, которые непосредственно сталкиваются с последствиями неинформированности вовлеченных лиц. Среди прокуроров положительно ответили 38 %, среди судей — 25,9 %.

Третьим звеном процессуального механизма обеспечения прав лиц с неопределенным процессуальным статусом выступает реализация права лица на юридическую помощь. Право на получение квалифицированной юридической помощи гарантировано ст. 48 Конституции РФ и имеет универсальный характер, распространяясь на все случаи, когда лицо нуждается в защите своих прав и свобод. В уголовном судопроизводстве данное право конкретизируется применительно к различным категориям участников: подозреваемый и обвиняемый реализуют право на получение квалифицированной юридической помощи путем предоставления им права на защитника в соответствии со ст. 49–53 УПК РФ, потерпевший вправе воспользоваться помощью представителя в порядке, предусмотренном ст. 45 УПК РФ, а свидетель вправе являться на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи в порядке ч. 4 ст. 56 УПК РФ. Для лиц с неопределенным процессуальным статусом вопрос о формах реализации права на юридическую помощь приобретает особую остроту, поскольку отсутствие статуса порождает неопределенность относительно процессуального основания и порядка допуска адвоката.

Право на получение квалифицированной юридической помощи является одним из ключевых прав, входящих в стандарт минимальных привилегий, предусмотренный предлагаемой статьей 60.1 УПК РФ. Данное право обеспечивает реализацию всех типов законных интересов, выступая процессуальной гарантией фактической осуществимости прав лиц с неопределенным процессуальным статусом. Вместе с тем, реальная осуществимость этого права определяется не только его нормативным закреплением, но и наличием процедуры допуска адвоката, обязанностей должностных лиц не препятствовать его участию и контрольных механизмов на случай нарушения.

Процедура допуска адвоката к участию в деле для оказания юридической помощи лицу с неопределенным процессуальным статусом имеет ряд особенностей, отличающих ее от допуска защитника, подозреваемого (обвиняемого) или представителя потерпевшего. Прежде всего, основанием допуска

является не процессуальный статус доверителя, а факт ущемления его законных интересов процессуальными действиями (бездействиями) или решениями. В юридической литературе обоснованно отмечается, что «конституционное право на квалифицированную юридическую помощь не может быть обусловлено приобретением процессуального статуса[402]. Оно возникает у лица с момента, когда его права и свободы оказываются затронутыми деятельностью органов уголовного преследования»[403]. Этот подход находит подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего на недопустимость ограничения права на юридическую помощь формальными процессуальными условиями[404].

На стадии проверки сообщения о преступлении по ст. 144–ст. 145 УПК РФ допуск адвоката приобретает специфику, обусловленную особенностями данной стадии. Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, формально не является ни подозреваемым, ни обвиняемым, однако фактически может подвергаться значительным процессуальным воздействиям, таким как дача объяснений, освидетельствование, истребование документов, осмотр места происшествия с его участием. В научной литературе справед-

---

[402] Логинов Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах - членах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. Москва. 2019. С. 20.

[403] Там же. С. 144.

[404] См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурьянова Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.03.2026).

ливо указывается на необходимость обеспечения права на юридическую помощь уже на данной стадии[405]. Так, ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусматривает, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Эта норма, по существу, является законодательным признанием того, что обеспечение прав не обусловлено процессуальным статусом.

На стадии предварительного расследования допуск адвоката к участию в деле для оказания юридической помощи лицу с неопределенным процессуальным статусом осуществляется на основании ордера адвокатского образования или доверенности. Вместе с тем, на практике встречаются ситуации, когда должностные лица органов расследования создают препятствия участию адвоката, ссылаясь на отсутствие у его доверителя процессуального статуса, дающего право на адвоката. В частности, И.В. Смолькова указывает, что «на практике следователи нередко отказывают в допуске адвоката к участию в следственных действиях, если лицо, интересы которого он представляет, не является подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим по делу»[406]. Подобная практика противоречит конституционному праву на юридическую помощь и подлежит устранению как путем нормативного закрепления соответствующих гарантий, так и посредством надлежащего контроля за действиями должностных лиц.

Показательным в этом отношении является апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 11 сентября 2023 г. по делу № 22-6325/2023, которым была оставлена без удовлетворения жалоба адвоката, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ в интересах лица, в отношении которого

---

[405] Абраменко А.А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины): дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2020. С. 67.

[406] Смолькова И.В. Тайна и уголовно-процессуальный закон. М.: Луч, 1997. С. 67.

проводилась доследственная проверка. Как следовало из материалов дела, после получения у данного лица образцов для сравнительного исследования орган дознания назначил судебную почерковедческую экспертизу, однако адвокату было отказано в ознакомлении с постановлением о ее назначении по мотиву отсутствия у доверителя статуса подозреваемого либо обвиняемого. Суд апелляционной инстанции согласился с таким подходом, указав, что права, предусмотренные ст. 195 и ст. 198 УПК РФ, распространяются лишь на прямо названных в законе участников процесса, а при проведении проверки сообщения о преступлении должностные лица не обязаны знакомить лицо, в отношении которого проводится проверка, с постановлением о назначении экспертизы. Тем самым суд фактически придал определяющее значение не реальному ограничения прав лица, уже вовлеченного в процессуальную деятельность, а отсутствию у него закрепленного процессуального статуса, что наглядно демонстрирует сохранение ограничительного подхода к допуску адвоката и объему предоставляемой им юридической помощи на стадии доследственной проверки[407].

Практика кассационных судов общей юрисдикции подтверждает, что ограничительный подход нижестоящих судов к правам лиц на стадии доследственной проверки носит системный характер. Второй кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 1 апреля 2021 г. по делу № 7У-438/2021 отменил решения Ленинского районного суда г. Владимира и Владимирского областного суда, которые отказали в удовлетворении жалобы заявителя на бездействие при проверке: за пять месяцев постановления об отказе в возбуждении дела трижды выносились и трижды отменялись прокурором, однако суды не усмотрели в этом предмета судебного контроля[408]. Девятый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 25 мая 2021 г. по делу № 77-

---

[407] Апелляционное постановление № 22-2286/2024, 22К-2286/2024 от 17 июля 2024 г. по делу № 3/6-23/2024 / Иркутский областной суд // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/7z6ZLd8ruax8/ (дата обращения: 22.03.2026)

[408] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01 апреля 2021 г. по делу № 7У-438/2021 [77-824/2021] // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

693/2021 указал, что бездействие при проверке сообщения о преступлении затрудняет доступ к правосудию и является предметом обжалования по ст. 125 УПК РФ[409]. Первый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 17 июля 2024 г. по делу № 77-2690/2024 подчеркнул, что принятие прокурором мер контроля не исключает судебную проверку жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ[410]. Приведенные решения свидетельствуют о том, что кассационная инстанция последовательно расширяет возможности судебного контроля за стадией доследственной проверки, компенсируя отсутствие в законе самостоятельного процессуального статуса проверяемого лица.

Данные анкетирования адвокатов подтверждают практическую востребованность квалифицированной юридической помощи для лиц с неопределенным процессуальным статусом. Так, 83,9 % опрошенных адвокатов указали, что им приходилось представлять интересы лиц с неопределенным процессуальным статусом (50,6 % — единично, 33,3 % — неоднократно). Доступ адвоката к материалам оценивают как затруднительный: 42,5 % опрошенных ответили «скорее затруднителен», и 36,8 % респондентов — «очень затруднителен». В отношении формы защиты, наиболее часто приводящей к результату, 65,5 % адвокатов указали, что это зависит от конкретной ситуации, 18,4 % предпочитают судебный порядок обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ, 12,6 % — обращение к прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ. Полученные данные свидетельствуют о том, что существующий порядок допуска адвоката к участию в деле при защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом создает значительные практические препятствия.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что для участников с неопределенным процессуальным статусом, в отличие от подозреваемых и обвиняемых, законом не предусмотрено обязательное участие адвоката. Это обстоятельство

---

[409] Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2021 г. по делу № 77-693/2021 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

[410] Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июля 2024 г. по делу № 77-2690/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.03.2026).

снижает реальную доступность юридической помощи для малоимущих лиц. Вопрос о целесообразности распространения гарантий обязательного участия защитника на отдельные категории лиц с неопределенным процессуальным статусом, например, на лиц, подвергнутых обыску, заслуживает самостоятельного исследования и выходит за рамки настоящей работы, однако представляется перспективным направлением развития процессуального законодательства.

Мнения респондентов по вопросу о целесообразности закрепления права на квалифицированную юридическую помощь (адвоката) для лиц с неопределенным статусом распределились практически поровну: 47,4 % — за, 52,6 % — против. Однако структура ответов по профессиональным группам выявляет значительные расхождения: следователи поддержали данную меру в 72,7 % случаев, адвокаты — в 58,6 %, прокуроры — в 44,6 %. Таким образом, профессиональные группы, наиболее близкие к досудебному производству, признают потребность в квалифицированной юридической помощи для лиц с неопределенным процессуальным статусом, что подтверждает обоснованность включения данного права в стандарт минимальных привилегий.

Четвертым звеном процессуального механизма обеспечения прав является реализация права на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Право на обжалование выступает центральным процессуальным средством защиты прав участников, поскольку именно через механизм жалобы инициируется проверка законности и обоснованности процессуальных решений и действий, а также обеспечивается возможность устранения допущенных нарушений.

Уголовно-процессуальный закон закрепляет право на обжалование в качестве принципа уголовного судопроизводства, предусматривая, что действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ. Так, ст. 123 УПК РФ конкретизирует круг субъектов права на обжалование, указывая, что правом обжалования наделены «участники уголовного

судопроизводства, а также иные лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». Данная норма имеет ключевое значение для лиц с неопределенным процессуальным статусом, поскольку именно она предоставляет им доступ к механизму обжалования. Как отмечает О.А. Максимов, «право на обжалование выступает гарантией против произвола и средством восстановления нарушенных прав, его эффективная реализация предполагает многосубъектность»[411].

Механизм обжалования в уголовном судопроизводстве реализуется на трех уровнях — ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля, — которые не являются взаимоисключающими, а выступают взаимодополняющими средствами контроля[412].

Жалоба в порядке ст. 123–124 УПК РФ на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа может быть подана прокурору или руководителю следственного органа. Прокурор или руководитель следственного органа обязан рассмотреть жалобу в течение трех суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до десяти суток, о чем извещается заявитель. По результатам рассмотрения жалобы прокурор или руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. Заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и о дальнейшем порядке его обжалования.

Для участников с неопределенным процессуальным статусом ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор представляют

---

[411] Максимов О.А. Указ. соч. С. 41–42.

[412] Абрамов А.Б. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2013. С. 3

наиболее оперативную форму защиты прав, не требующую обращения в суд. Вместе с тем, эффективность данного уровня контроля зависит от нескольких факторов. Прежде всего, существенное значение имеет доступность механизма подачи жалобы. Лицо должно знать о праве на обжалование, о конкретном адресате жалобы и о порядке ее подачи. Данная задача решается на предыдущих звеньях механизма при информировании и разъяснении прав. Кроме того, важна полнота проверки по жалобе. Прокурор или руководитель следственного органа при рассмотрении жалобы не ограничены доводами заявителя и вправе проверить законность и обоснованность обжалуемых действий и решений в полном объеме. Так, И.В. Стуконог справедливо указывает, что «прокурорский надзор за исполнением законов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства имеет характер постоянного наблюдения, обеспечивающего оперативное выявление и устранение нарушений»[413]. Данное свойство прокурорского надзора делает его особенно значимым для лиц с неопределенным статусом, поскольку позволяет обеспечить защиту их прав без необходимости длительного судебного разбирательства.

Таблица №1

Динамика рассмотрения судами ходатайств о производстве обыска (выемки) в жилище (п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)				
Год	**Рассмотрено**	**Удовлетворено**	**Отказано**	**% удовлетворения**
2018	126 938	120 772	4 183	95.14 %
2019	127 825	121 232	4 322	94.84 %
2020	130 855	124 080	4 023	94.82 %
2021	138 075	131 423	3 793	95.18 %
2022	129 401	123 473	3 107	95.42 %
2023	125 437	119 714	2 707	95.44 %
2024	125 763	120 270	2 333	95.63 %
1 полугодие 2025	65 037	62 420	1 118	95.98 %

[413] Стуконог И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 37–38.

Таблица №2

Динамика рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ)				
Год	**Рассмотрено**	**Удовлетворено**	**Отказано**	**% удовлетворения**
2018	41 322	35 830	3 792	86.71 %
2019	40 505	34 945	3 730	86.27 %
2020	43 912	37 979	3 549	86.49 %
2021	45 440	38 684	3 895	85.13 %
2022	46 601	39 555	4 128	84.88 %
2023	71 951	62 062	5 583	86.26 %
2024	85 911	75 957	5 417	88.41 %
1 полугодие 2025	49 916	44 358	3 021	88.87 %

В соответствии с Таблицей № 1 эмпирические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ в динамике за 2018–2024 годы показывают устойчиво высокий уровень удовлетворения ходатайств органов расследования о производстве обыска (выемки) в жилище по п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Доля их удовлетворения на протяжении всего рассматриваемого периода сохранялась на уровне около 95 %: от 94,82 % в 2020 году до 95,98 % в первом полугодии 2025 года. При этом число отказов последовательно сокращалось — с 4 322 в 2019 году до 2 333 в 2024 году[414].

Не менее показательной является динамика, отраженная в таблице № 2, по ходатайствам о наложении ареста на имущество по п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Несмотря на определенные колебания доли удовлетворенных ходатайств, она во все исследуемые годы оставалась преобладающей и составляла от 84,88 % в 2022 году до 88,87 % в первом полугодии 2025 года. Одновременно обращает

[414] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018—2025 годы : форма № 1 (свод) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://cdep.ru (дата обращения: 29.03.2026).

на себя внимание значительный рост общего числа рассмотренных ходатайств данной категории: с 41 322 в 2018 году до 85 911 в 2024 году, то есть более чем в два раза[415].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что суды санкционируют подавляющее большинство ходатайств органов расследования, предусматривающих ограничение конституционных прав, что порождает значительный массив процессуальных ситуаций, в которых лица, как собственники жилища, владельцы арестованного имущества оказываются затронутыми в своих правах без приобретения процессуального статуса. Оценка обеспеченности прав указанных лиц предполагает при этом учет не только наличия судебного контроля, но и момента его осуществления. В доктрине судебный контроль за расследованием разделяется на предварительный, то есть разрешительный, предусмотренный ч. 2 ст. 29 УПК РФ, и последующий, предусмотренный ч. 3 той же статьи, причем предварительный контроль установлен законодателем в качестве важнейшей гарантии применительно к наиболее существенным ограничениям конституционных прав, тогда как в остальных случаях за законностью и обоснованностью осуществляется только последующий контроль[416]. Приведенное разграничение, сформулированное применительно к мерам пресечения, сохраняет значение и для процессуальных действий в отношении лиц с неопределенным процессуальным статусом, поскольку опирается на общий критерий значимости и степени ограничения права.

Таблица №3

Динамика рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ					
Год	**Общее количество поступивших жалоб**	**Удовлетворено**	**Отказано в удовлетворении**	**% удовлетворенных от числа оконченных**	**% отказов в удовлетворении от числа оконченных**
2020	107 473	4 468	19 571	4.19 %	18.33 %

[415] Там же.
[416] Химичева О.В., Бондаренко И.П. Указ. соч. С. 122.

2021	113 732	4 533	20 755	4.01 %	18.34 %
2022	111 637	4 242	19 411	3.80 %	17.40 %
2023	103 051	4 588	19 371	4.46 %	18.82 %
2024	139 829	4 315	19 712	3.15 %	14.40 %
1 полугодие 2025	58 666	1 966	8 944	3.40 %	15.47 %

Между тем в соответствии с таблицей № 3 динамика рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ за последние годы свидетельствует об ограниченной эффективности данного механизма. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 году в суды поступило 107 473 жалобы, из которых удовлетворено 4 468, или 4,19 %, отказано в удовлетворении 19 571, или 18,33 %. В 2021 году поступило 113 732 жалобы, удовлетворено 4 533, или 4,01 %, отказано в удовлетворении 20 755, или 18,34 %. В 2022 году удовлетворено 4 242, или 3,80 %, в 2023 году — 4 588, или 4,46 %, в 2024 году — лишь 4 315, или 3,15 %, а в первом полугодии 2025 года — 1 966, или 3,40 %. Таким образом, доля удовлетворенных жалоб на протяжении всего рассматриваемого периода не превышала 4,46 % и имела тенденцию к снижению — до 3,15 % в 2024 году. Одновременно доля отказов в удовлетворении сократилась с 18,33–18,34 % в 2020–2021 годах до 14,40 % в 2024 году, что при росте общего числа поступивших жалоб со 107 473 в 2020 году до 139 829 в 2024 году свидетельствует о том, что подавляющее большинство жалоб не получает разрешения по существу ни в форме удовлетворения, ни в форме отказа[417]. Приведенные данные подтверждают, что право на судебное обжалование для лиц, чьи интересы затрагиваются уголовным судопроизводством, в том числе участников с неопределенным процессуальным статусом, на практике нередко

[417] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018—2025 годы : форма № 1 (свод) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://cdep.ru (дата обращения: 29.03.2026).

реализуется в условиях существенных процессуальных затруднений, что обусловливает необходимость дальнейшего совершенствования механизма обеспечения их прав.

В научной литературе также подчеркивается правообеспечительная природа прокурорского надзора. Так, Ш.М. Абдул-Кадыров отмечает, что «содержание прокурорского надзора связывается с предупреждением, выявлением и устранением нарушений законности и, как следствие, с обеспечением соблюдения прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве»[418]. Применительно к участникам с неопределенным процессуальным статусом данная функция прокуратуры приобретает особое значение, поскольку именно прокурор, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, способен выявить нарушения прав лиц, которые в силу отсутствия процессуального статуса не имеют иных эффективных средств защиты.

Данные анкетирования прокуроров позволяют оценить практику прокурорского реагирования при нарушении прав лиц с неопределенным процессуальным статусом. Так, 42,4 % прокуроров оценивают эффективность прокурорского реагирования как высокую, 15,2 % — как скорее высокую, 40,2 % — как скорее низкую, 2,2 % — как низкую. В качестве наиболее частых мер прокурорского реагирования названы: разъяснение порядка защиты прав и восстановления нарушенного права (65,2 %), инициирование судебного контроля — направление материалов в суд, участие в рассмотрении жалоб (26,1 %), внесение требования (представления) об устранении нарушений (5,4 %), отмена незаконного (необоснованного) решения (3,3 %). Преобладание разъяснительной функции (65,2 %) над непосредственным процессуальным реагированием свидетельствует о том, что в отсутствие четкой нормативной базы прокуроры вынуждены прибегать к наименее формализованным средствам.

---

[418] Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 14.

Следующий затронутый нами уровень – это судебный контроль. Так, ст. 125 УПК РФ предусматривает право обжалования в районный суд постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 10 февраля 2009 № 1 разъяснил, что правом на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ наделены не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, чьи интересы затронуты обжалуемым действием или решением[419]. Это разъяснение прямо подтверждает право лиц с неопределенным процессуальным статусом обращаться в суд с жалобами на действия и решения должностных лиц, затрагивающие их права и законные интересы.

Судебный контроль обладает рядом преимуществ по сравнению с ведомственным процессуальным контролем, что делает его ключевым элементом механизма обеспечения прав лиц с неопределенным статусом[420]. Во-первых, судебный контроль осуществляется независимым органом, не связанным ведомственными интересами, что обеспечивает объективность проверки. Во-вторых, рассмотрение жалобы в судебном заседании осуществляется с соблюдением принципов состязательности и равноправия сторон, что создает для заявителя более благоприятные условия для обоснования своей позиции. В-третьих, решение суда обязательно для исполнения, что повышает реальность защиты. Как подчеркивают Н.Н. Ковтун и Р.В. Ярцев «рассмотрение жалоб в

[419] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

[420] Хроменков И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 191;.

порядке ст. 125 УПК РФ осуществляется судом как форма правосудия по правилам состязательного судопроизводства, при этом судья проверяет законность обжалуемых действий либо бездействия и решений»[421].

Вместе с тем, для участников с неопределенным процессуальным статусом реализация права на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ сопряжена с рядом специфических затруднений. Первое затруднение связано с определением предмета проверки. При отсутствии у заявителя процессуального статуса возникает вопрос о том, какие именно права могут быть нарушены и подлежат судебной защите. Судебная практика свидетельствует о том, что суды в целом признают за лицами, чьи интересы затронуты, право на обжалование, однако в отдельных случаях возвращают жалобы со ссылкой на отсутствие у заявителя надлежащего процессуального статуса.

Показательным примером указанного затруднения является апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04 марта 2025 г. по делу № 22-1439/2025. Геленджикский городской суд Краснодарского края постановлением от 28 января 2025 г. возвратил заявителю Ш. жалобу, поданную в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие следователя, мотивируя тем, что в жалобе не указан процессуальный статус заявителя, в связи с чем невозможно установить, подана ли жалоба надлежащим процессуальным лицом. Суд апелляционной инстанции отменил данное постановление, указав, что отсутствие указания на процессуальный статус заявителя не является основанием для возврата жалобы, предусмотренным п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1, а суд первой инстанции фактически уклонился от рассмотрения доводов жалобы по существу[422]. Данное дело наглядно демонстрирует выявленную закономерность, что суд первой инстанции отож-

---

[421] Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2007. С. 28–29.

[422] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04 марта 2025 г. по делу № 22-1439/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/DLzOBrEUECbw/ (дата обращения: 21.04.2026).

дествил допустимость обжалования с наличием процессуального статуса, тогда как вышестоящий суд подтвердил, что критерием допустимости жалобы является фактическое затрагивание прав и законных интересов лица, а не его процессуальный статус.

Практика рассмотрения жалоб на постановления о возбуждении уголовного дела демонстрирует устойчивый подход судов к пределам проверки в порядке ст. 125 УПК РФ. Данный подход основан на разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому судья при рассмотрении жалобы не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела, в частности делать выводы об обоснованности обвинения, оценке доказательств и о квалификации деяния[423]. В доктрине такой предел объясняется исключительным положением суда, вследствие чего в ходе судебного контроля усмотрение следователя не должно ограничиваться судом, с тем чтобы следователь не утратил свойственную ему процессуальную самостоятельность, а суд не стал причастным к расследованию и не приобрел зависимость от собственного решения, принятого на досудебном производстве[424]. Суд оценивает, прежде всего, компетенцию должностного лица, наличие повода и достаточных данных, а также соблюдение процессуальной формы, не подменяя собой расследование и разрешение вопроса о виновности. Так, постановлением Перовского районного суда г. Москвы от 06 июня 2025 г. по делу № 3/12-0048/2025 в удовлетворении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела отказано, при этом суд отдельно подчеркнул, что доводы, направленные на опровержение подозрения

[423] О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

[424] Земскова А.В., Химичева О.В., Мотякова О.А. Некоторые замечания о влиянии контроля суда на усмотрение следователя // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 99–100.

по существу, не относятся к предмету судебного контроля на данной стадии и подлежат проверке в ходе предварительного расследования[425].

Одновременно судебная практика фиксирует и ситуации, когда контрольное и восстановительное звенья механизма оказываются фактически заблокированными по причинам, не зависящим от заявителя. Показательным является постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 июля 2025 г. по делу № 3/12-260/2025, которым производство по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ прекращено ввиду отсутствия предмета проверки, поскольку материал проверки сообщения о преступлении был уничтожен по истечении срока хранения. Подобные решения наглядно демонстрируют, что утрата материалов, необходимых для судебной оценки, превращает право на обжалование в формально декларированное и лишенное практической эффективности средство защиты, что особенно критично для лиц без формализованного статуса, не имеющих иных процессуальных средств доступа к защите[426].

Анализ судебной практики подтверждает, что проблема отказа в принятии жалобы от лица, не обладающего процессуальным статусом, не является гипотетической, а носит систематический характер. Так, кассационным постановлением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 года № 77-2312/2023 были отменены решения нижестоящих судов, отказавших в принятии жалобы собственника недвижимого имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу[427]. Заявитель был допрошен лишь в качестве свидетеля, и суд первой инстанции мотивировал отказ тем, что статус заявителя как заинтересованного лица ничем не подтвержден. Кассационная инстанция констатировала, что данный вывод противоречит

---

[425] Постановление Перовского районного суда г. Москвы от 06 июня 2025 г. по делу № 3/12-0048/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/e823g8U0rro/ (дата обращения: 22.03.2026).

[426] Постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 июля 2025 г. по делу № 3/12-260/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal-materials/details/d1b86f70-63ae-11f0-9a5a-0b727480b8e9 (дата обращения: 22.03.2026).

[427] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 77-2312/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

имеющимся в материалах дела правоустанавливающим документам, подтверждающим право собственности, и указала на необходимость рассмотрения жалобы по существу.

Аналогичная ситуация сложилась в деле, рассмотренном Четвертым кассационным судом общей юрисдикции в постановлении от 18 июля 2024 года № 77-1891/2024: суд первой инстанции отказал в принятии жалобы лица на постановление о возбуждении уголовного дела, указав, что заявитель не является субъектом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ и не представил данных о том, чем постановление затрагивает его права[428]. Кассационный суд отменил данное решение, подчеркнув, что суд первой инстанции обосновал отказ исключительно формальными мотивами, оставив без учета процессуальное положение заявителя в рамках уголовного судопроизводства и не оценив, затрагивает ли фактически постановление его права и законные интересы. Показательно, что в данном деле заявитель фактически имел статус подозреваемого, и ему была избрана мера пресечения, однако суд первой инстанции эти обстоятельства проигнорировал.

Московский городской суд апелляционным постановлением от 21 декабря 2016 года по делу № 10-20106/2016 также отменил решение районного суда, отказавшего в принятии жалобы матери обвиняемого, которая обжаловала постановление следователя об отводе ее в качестве законного представителя[429]. Суд первой инстанции указал, что заявитель не является участником уголовного судопроизводства по уголовному делу, однако апелляционная инстанция подчеркнула, что правом обжалования наделены иные лица, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением, и признала, что постановление об отводе непосредственно затрагивает права заявителя.

---

[428] Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

[429] Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2016 г. по делу № 10-20106/2016 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

Приведенные примеры демонстрируют устойчивую проблему: суды первой инстанции нередко отказывают в принятии или рассмотрении жалоб лиц, не имеющих формального процессуального статуса, руководствуясь формальными критериями, тогда как кассационные и апелляционные суды последовательно корректируют данную практику, указывая на необходимость оценки фактического затрагивания прав и законных интересов заявителя. Именно эта непоследовательность правоприменения подтверждает необходимость нормативного закрепления стандарта минимальных привилегий в предлагаемой статье 60.1 УПК РФ, которая устранит неопределенность в вопросе о процессуальной правосубъектности данных лиц[430].

Показательны данные анкетирования по вопросу о допустимости принятия к рассмотрению жалоб лица без процессуального статуса в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ: 75 % респондентов высказались за принятие таких жалоб. При этом единодушие продемонстрировали адвокаты (98,9 %) и следователи (97,7 %), тогда как среди судей положительно ответили 60 %, а среди прокуроров — 55,4 %. Данные результаты подтверждают, что формальный отказ в принятии жалобы со ссылкой на отсутствие процессуального статуса противоречит представлениям большинства практикующих юристов о надлежащем стандарте обеспечения права на обжалование.

Второе затруднение касается круга заявителей. Хотя ст. 123 УПК РФ предоставляет право обжалования иным лицам в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, на практике установление факта ограничения интересов требует дополнительного обоснования. Заявитель вынужден доказывать наличие у него законного интереса, затронутого обжалуемым действием или решением, что создает дополнительный барьер для доступа к правосудию. Предлагаемый процессуальный механизм предполагает, что факт ограничения

---

[430] Лебин В.В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом // Вопросы российского и международного права. 2026. Т. 16. № 2А. С. 641–642.

законного интереса лица устанавливается и фиксируется в процессуальных документах уже в момент совершения процессуального действия или принятия решения, что облегчает последующее обращение с жалобой.

Соотношение трех уровней контроля — ведомственного процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля — применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом характеризуется взаимодополнением, а не взаимоисключением. Ведомственный процессуальный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа (ст. 39 УПК РФ) или начальником подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ), обеспечивает первичную проверку законности и обоснованности действий и решений подчиненных должностных лиц. Руководитель следственного органа уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела, давать следователю указания о направлении расследования, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя. Данный уровень контроля является наиболее оперативным, поскольку осуществляется в рамках ведомственной подчиненности и не требует обращения лица к внешним контрольным инстанциям. Прокурорский надзор обеспечивает оперативное реагирование на нарушения. Так, предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения жалоб, возможность принятия мер по устранению нарушений без судебного разбирательства, постоянный характер надзора за законностью расследования. Судебный контроль обеспечивает независимость проверки, состязательность процедуры и обязательность исполнения решения. Лицо вправе самостоятельно избрать тот или иной уровень контроля либо последовательно обратиться к каждому из них. Сначала к руководителю следственного органа, затем к прокурору в порядке статьи 124 УПК РФ, а в случае неудовлетворительного результата — в суд в порядке статьи 125 УПК РФ. Данная конструкция обеспечивает многоуровневую защиту прав и снижает риск того, что нарушение останется без надлежащего реагирования.

Пятым звеном процессуального механизма обеспечения прав является принятие компетентным органом решения по жалобе и наступление правовых

последствий такого решения. Данное звено имеет ключевое значение для работоспособности всего механизма обеспечения прав, поскольку именно юридические последствия удовлетворения жалобы придают обжалованию реальный правозащитный эффект[431]. Обязанность без последствий ее нарушения утрачивает функцию гарантии, аналогично, обжалование без действенных юридических последствий превращается в формальную процедуру, не способную обеспечить защиту нарушенных прав.

Виды решений, принимаемых по результатам рассмотрения жалобы, различаются в зависимости от уровня контроля. При рассмотрении жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ прокурор или руководитель следственного органа выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. При этом закон требует мотивировки решения, что обеспечивает его проверяемость и создает основу для возможного последующего обжалования в суд. При рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ суд выносит одно из следующих решений: о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения. В случае удовлетворения жалобы суд обязывает соответствующее должностное лицо устранить допущенное нарушение.

Существенным элементом данного звена является обязанность уведомления заявителя о принятом решении. При рассмотрении жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении и о дальнейшем порядке его обжалования. При рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ решение объявляется в судебном заседании. Уведомление заявителя о результатах рассмотрения жалобы замыкает информационный контур механизма обеспечения прав. Лицо получает информацию не только о

[431] Миргородская Э.Р. Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. С. 65, 122, 205.

принятом в отношении него процессуальном решении или проведенном действии, но и о результатах контроля за их законностью[432]. Тем самым информационные гарантии сопровождают механизм обеспечения прав на протяжении всех его этапов[433].

Юридические последствия удовлетворения жалобы выступают центральным элементом правозащитного эффекта обжалования[434]. Применительно к участникам с неопределенным процессуальным статусом эти последствия могут быть систематизированы следующим образом.

Во-первых, признание действий (бездействия) или решений должностных лиц незаконными или необоснованными влечет обязанность устранения допущенного нарушения, что означает отмену незаконного решения, прекращение незаконного действия, совершение действия, которое было незаконно не совершено (бездействие).

Во-вторых, суд при рассмотрении жалобы вправе вынести частное постановление, обращающее внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Для лиц с неопределенным процессуальным статусом юридические последствия удовлетворения жалобы имеют не только правовосстановительное, но и правоустанавливающее значение[435]. Признание незаконности действий или решений, затронувших интересы лица, фиксирует факт нарушения и создает основу для последующего восстановления прав, включая возмещение причиненного вреда. Тем самым пятое звено механизма органически связано с шестым.

---

[432] Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 158.
[433] Миргородская Э.Р. Указ. соч. С. 59.
[434] Герасимова Т.Ю. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 85, 88.
[435] Кузнецова А.Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 43–44.

Завершающим звеном процессуального механизма обеспечения прав выступает восстановление нарушенных прав и устранение негативных последствий незаконных процессуальных действий или решений. Данное звено корреспондирует компенсационным гарантиям, и непосредственно обслуживает компенсационный и имущественный интересы участников с неопределенным процессуальным статусом.

Восстановление нарушенных прав реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов. Первый механизм реализует устранение процессуальных последствий незаконных действий или решений. Если по результатам рассмотрения жалобы действие или решение признано незаконным, должностное лицо обязано устранить допущенное нарушение: отменить незаконное постановление, возвратить изъятое в ходе обыска или выемки имущество, снять арест с имущества, прекратить иные ограничения прав. Недостаточно лишь формально отменить постановление, если его фактические последствия продолжают действовать.

Второй механизм, затрагивающий возмещение вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями, предусмотрен гл. 18 УПК РФ. Вместе с тем, институт реабилитации, как он закреплен в действующем законодательстве, имеет ограниченную применимость к участникам с неопределенным процессуальным статусом, поскольку ст. 133 УПК РФ связывает право на реабилитацию преимущественно с лицами, незаконно подвергнутыми мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. Для лиц, чьи права нарушены вне рамок уголовного преследования, например, собственников имущества, подвергнутого аресту, или лиц, в жилище которых проведен обыск, возмещение вреда осуществляется преимущественно в порядке гражданского судопроизводства на основании ст. 1069–ст. 1070 Гражданского кодекса РФ.

Представляется, что механизм возмещения вреда лицам с неопределенным процессуальным статусом нуждается в совершенствовании. В числе пре-

пятствий для законного и своевременного применения обеспечительных правовых мер в литературе называется непрозрачность процедуры привлечения правоприменителей к материальной ответственности за допускаемые нарушения уголовно-процессуального закона, причем указывается, что данная проблема способна стать самостоятельным объектом научного исследования[436]. Применительно к лицам с неопределенным процессуальным статусом названное препятствие проявляется в наиболее острой форме, поскольку отсутствие у лица статуса затрудняет как фиксацию самого нарушения, так и установление причинной связи между ним и наступившими для лица последствиями. Как указывалось ранее, интерес данных лиц к компенсации причиненного вреда является одним из доминирующих, и его необеспеченность существенно подрывает доверие к системе уголовного судопроизводства в целом. Предлагаемая статья 60.1 УПК РФ закрепляет право лица на «возмещения вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями или решениями, в порядке, предусмотренном главой 18 настоящего Кодекса», что создает нормативную основу для реализации компенсационного интереса. Однако эффективность данной нормы будет определяться наличием процедурного механизма, позволяющего лицу без процессуального статуса реализовать право на возмещение ущерба, причиненного незаконными процессуальными действиями, без необходимости инициировать самостоятельное гражданское судопроизводство.

Таким образом, шестое звено процессуального механизма завершает механизм обеспечения прав, гарантируя не только устранение нарушений, но и восстановление нарушенного правового состояния лица. Отсутствие работающего восстановительного звена обесценивает все предшествующие этапы ме-

[436] Химичева О.В., Тутынин И.Б. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: отдельные аспекты совершенствования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 69–70.

ханизма: даже если жалоба удовлетворена и нарушение признано, без реального устранения его последствий обеспечение прав и законных интересов лица остается незавершенным[437].

Описанный выше процессуальный механизм обеспечения прав участников с неопределенным процессуальным статусом имеет универсальный характер, однако его реализация приобретает специфику в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой ограничиваются права и законные интересы лица с неопределенным процессуальным статусом. Раскрытие стадийной специфики механизма позволяет показать его практическую применимость и выявить проблемные аспекты, требующие нормативного урегулирования.

Стадия проверки сообщения о преступлении характеризуется наибольшей неопределенностью процессуального положения лиц, вовлеченных в проверочную деятельность. На данной стадии еще не определены процессуальные роли участников, отсутствуют решения о признании лиц подозреваемыми, обвиняемыми или потерпевшими, однако проводимые проверочные мероприятия могут существенно затрагивать их права и интересы[438].

Юридическим фактом на данной стадии выступает, как правило, подача заявления о преступлении и начало проверочных мероприятий[439]. Для заявителя основанием возникновения процессуальных прав является отказ в возбуждении уголовного дела, затрагивающий его интерес в привлечении виновного к ответственности. Для лица, в отношении которого проводится проверка, проведение проверочных мероприятий с его участием, затрагивающих его личные и имущественные интересы[440].

---

[437] Хроменков И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 178.
[438] Тарзиманов Р.Б. Порядок производства проверки сообщения о преступлении: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 81–82.
[439] Там же. С. 81–82.
[440] Зебницкая Л.С. Ходатайства и жалобы в досудебном производстве уголовного процесса России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 69–70.

Информирование на данной стадии обеспечивается нормой ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающей разъяснение прав и обеспечение возможности их осуществления для лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Заявителю, кроме того, должна быть направлена копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с разъяснением права на обжалование. Вместе с тем, на практике разъяснение прав на стадии проверки нередко носит формальный характер, а лица, вовлеченные в проверку, не всегда осведомлены о конкретных способах защиты своих интересов.

Допуск к юридической помощи на данной стадии реализуется на основании конституционного права по статье 48 Конституции РФ и нормы части 1.1 статьи 144 УПК РФ. Лицо вправе пригласить адвоката для оказания юридической помощи при участии в проверочных мероприятиях. Адвокат вправе присутствовать при даче объяснений, делать заявления и замечания, знакомиться с материалами проверки в предусмотренных законом пределах. Существенным проблемным аспектом является то, что на стадии доследственной проверки полномочия адвоката нормативно менее определены, чем на стадии предварительного расследования, что создает условия для фактического ограничения юридической помощи[441].

Обжалование на стадии проверки сообщения о преступлении осуществляется преимущественно в порядке ст. 124 и ст. 125 УПК РФ. Наиболее типичным предметом обжалования является постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, право на обжалование которого прямо предусмотрено ч. 5 ст. 148 УПК РФ. Кроме того, обжалованию подлежат иные действия и бездействие должностных лиц на данной стадии: нарушение сроков проверки, незаконные ограничения прав лиц, вовлеченных в проверку, отказ в приеме заявления о преступлении и другие.

---

[441] Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Барнаул, 2024. С. 82.

Судебной практикой подтверждается, что на стадии проверки сообщения о преступлении право заявителя на обжалование отказа в возбуждении уголовного дела нередко ограничивается вследствие формального подхода судов к определению круга заявителей. Показательным является кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2024 года № 77-4107/2024, где заявитель обратился с жалобой на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по его заявлению, однако суд первой инстанции прекратил производство по жалобе, указав, что заявитель не является адвокатом и, следовательно, не вправе обжаловать постановление[442]. Кассационный суд отменил данное решение, подчеркнув, что заявитель обладал правом на обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 5 ст. 148 и ч. 2 ст. 125 УПК РФ, и указал на существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Суд первой инстанции прекратил производство по жалобе, а суд апелляционной инстанции оставил данное решение без изменения. Кассационный суд, отменяя оба решения, указал, что постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению данного лица неоднократно отменялись прокурором, что указывает на неправомерное бездействие органов, осуществлявших проверку сообщения о преступлении, чему суд надлежащей оценки не дал, прекратив производство по жалобе заявителя.

Приведенные примеры иллюстрируют, что на стадии проверки сообщения о преступлении звенья механизма обеспечения таких прав, как информирование, обжалование, принятие решения функционируют с существенными сбоями. Заявители, являющиеся инициаторами проверки и объективно заинтересованные в ее результатах, сталкиваются как с ненадлежащим информированием о принятых решениях, так и с необоснованными отказами в принятии жалоб, что подтверждает необходимость формализации механизма обеспечения прав именно для данной стадии.

---

[442] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2024 г. № 77-4043/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

Восстановление нарушенных прав на стадии проверки сообщения о преступлении включает отмену незаконного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с направлением материала для дополнительной проверки, устранение последствий незаконных проверочных мероприятий, возмещение вреда, причиненного незаконными действиями. Следует отметить, что на данной стадии восстановительные механизмы ограничены, поскольку большинство проверочных мероприятий носят временный характер и их последствия не всегда обратимы[443].

На стадии предварительного расследования круг лиц с неопределенным процессуальным статусом расширяется за счет третьих лиц, затрагиваемых следственными действиями и процессуальными решениями.

Юридический факт на данной стадии определяется конкретной процессуальной ситуацией. Для собственника имущества, в отношении имущества которого вынесено постановление о наложении ареста, таким основанием выступает вынесение соответствующего постановления; для лица, в жилище которого проведен обыск, — предъявление судебного постановления о производстве обыска.

Применительно к предварительному расследованию отдельного внимания заслуживают случаи, когда ограничение имущественных прав затрагивает лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, и потому выступающих типичными субъектами с неопределенным статусом. Так, постановлением Басманного районного суда г. Москвы от 25 июня 2025 г. по делу № 3/6-1179/2025 продлен срок ареста имущества при рассмотрении вопроса в порядке ст. 115.1 УПК РФ. При этом суд прямо указал на обязанность обеспечить разумный срок применения данной меры в отношении имущества лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, что подчеркивает необходимость особых гарантий информирования и доступности средств контроля для

[443] Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учебн.-практ. пособие. 2-е изд. Н. Новгород, 2008. С. 108.

собственников имущества, фактически затронутых уголовно-процессуальными решениями без приобретения классического статуса[444].

Информирование на данной стадии осуществляется в рамках конкретных процессуальных действий: при обыске путем предъявления постановления суда, вручение копии протокола обыска, при наложении ареста на имущество путем вручения копии протокола наложения ареста, при принятии решений путем направления копий постановлений. Вместе с тем, разъяснение комплекса прав, принадлежащих лицу в связи с затрагиванием его интересов, не всегда осуществляется в полном объеме, что обусловлено отсутствием специальной нормы, обязывающей должностное лицо разъяснить весь перечень прав.

Допуск к юридической помощи на стадии предварительного расследования реализуется более определенно, чем на стадии проверки[445]. Лицо вправе пригласить адвоката для участия в следственных действиях, затрагивающих его интересы. Адвокат вправе присутствовать при производстве следственного действия, делать заявления, задавать вопросы, подлежащие занесению в протокол, приносить жалобы на действия (бездействие) должностных лиц.

Обжалование на стадии предварительного расследования представляет наиболее развитый элемент механизма обеспечения прав третьих лиц. Так, ряд ученных справедливо указывают, что «при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ суд проверяет, не были ли нарушены конституционные права и свободы заявителя, включая лиц, не являющихся участниками уголовного

---

[444] Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 25 июня 2025 г. по делу № 3/6-1179/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/FLk0RiGj4zba/ (дата обращения: 22.03.2026).

[445] Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ): учебн.-практ. пособие. 2-е изд. Н. Новгород, 2008. С. 3; Амельков Н.С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 470.

судопроизводства с процессуальным статусом, но чьи интересы затронуты обжалуемым действием»[446].

Восстановление нарушенных прав на стадии предварительного расследования включает в себя отмену незаконного постановления, возврат изъятого имущества, снятие ареста, возмещение причиненного вреда. Существенной проблемой является то, что ряд последствий незаконных следственных действий носит необратимый характер: проведенный обыск нельзя отменить, а конфиденциальность изъятых и скопированных документов нельзя восстановить. В таких случаях восстановление нарушенных прав реализуется через компенсационные механизмы: возмещение имущественного и морального вреда.

Судебная практика последних лет содержит многочисленные примеры, иллюстрирующие трудности реализации механизма обеспечения прав на стадии предварительного расследования. В первую очередь применительно к собственникам имущества, изъятого в ходе обыска или подвергнутого аресту.

Кассационным постановлением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 года по делу № 77-1433/2024 были отменены решения нижестоящих судов, отказавших в рассмотрении жалобы лица, чьи личные вещи, документы и банковская карта были изъяты в ходе осмотра места происшествия и удерживались сотрудниками полиции на протяжении длительного времени, причем часть вещей не возвращена до настоящего времени[447]. Заявитель не являлся участником уголовного судопроизводства, а уголовное дело было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. Суды первой и апелляцион-

---

[446] Кузьмина Е.А., Ларинков А.А., Севастьяник И.К. [и др.] Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. С. 18–19.

[447] Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04 июня 2024 г. по делу № 77-1433/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

ной инстанций пришли к выводу, что требования жалобы не образуют предмета судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ. Кассационный суд признал этот вывод необоснованным, указав, что изъятие личных вещей лица, не являющегося участником судопроизводства, с учетом длительного их удержания, затрагивает его конституционные права и образует предмет судебного контроля.

Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 октября 2021 года по делу № 10-19354/2021 выявило существенные нарушения при отказе в возврате денежных средств и ювелирных украшений, изъятых в ходе обыска в жилище свидетеля Р. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении жалобы, сославшись на то, что денежные средства могли быть добыты преступным путем[448]. Апелляционный суд отменил данное решение, указав, что ссылка на «подозрения» следствия «не основана на исследованных в ходе судебного заседания доказательствах и противоречит представленным следователем материалам дела, в которых зафиксирован процессуальный статус Р. как свидетеля, а подозреваемым является иное, неустановленное лицо, в связи с чем производство по делу приостановлено. Суд подчеркнул, что Р., не являющийся подозреваемым или обвиняемым, лишен возможности распоряжаться изъятыми у него денежными средствами на неопределенный период времени.

Аналогичная проблема отражена в апелляционном постановлении Московского городского суда от 31 января 2022 года по делу № 10-685/2022, где адвокат обжаловал отказ следователя в выдаче предметов и документов, изъятых в ходе обыска в жилище, проведенного в случаях, не терпящих отлагательства[449]. Суд первой инстанции вернул жалобу заявителю для устранения недостатков, фактически уклонившись от ее рассмотрения. Апелляционный

---

[448] Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 октября 2021 г. по делу № 10-19354/2021 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

[449] Апелляционное постановление Московсковского городского суда от 31 января 2022 г. по делу № 10-685/2022 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

суд отменил данное решение, подчеркнув, что жалоба на действия следователя, выразившиеся в отказе в возвращении изъятых в ходе обыска предметов и документов, образует предмет обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ.

Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 года № 77-1807/2021 также демонстрирует характерную ситуацию: ООО «ТД РУСАВТОМАШ» обжаловало отказ следователя в снятии ареста с денежных средств[450], суд первой инстанции отказал в принятии жалобы, указав, что заявитель фактически обжалует законность наложения ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ, и что суд не вправе давать указания следователю о принятии процессуальных решений. Кассационный суд отменил это решение, указав, что заявителем оспаривалась не законность наложения ареста, а отказ в его снятии по мотиву отпадения необходимости, и что вывод суда о невозможности давать оценку действиям следователя противоречит положениям ст. 125 УПК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что на стадии предварительного расследования механизм обеспечения прав лиц с неопределенным статусом наталкивается на существенные препятствия. Суды первой инстанции нередко отказывают в рассмотрении жалоб по формальным основаниям, не давая оценки фактическому нарушению прав собственников имущества; следователи длительное время удерживают изъятое имущество без достаточных правовых оснований; восстановительное звено механизма оказывается заблокированным. Именно системность данных проблем подтверждает необходимость формализации процессуального механизма обеспечения прав как целостного механизма, в котором каждое звено обеспечено корреспондирующей обязанностью и контрольным средством.

---

[450] Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. № 77-1807/2021 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 08.02.2026).

Судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ занимает особое место в процессуальном механизме обеспечения прав лиц с неопределенным процессуальным статусом. Для данной категории участников судебный контроль нередко является единственным эффективным средством защиты, поскольку ведомственный процессуальный контроль может оказаться недостаточным в силу ведомственной заинтересованности.

Процедура судебного контроля включает подачу жалобы в районный суд по месту совершения деяния или по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело. Жалоба рассматривается в судебном заседании с участием заявителя и его адвоката, а также прокурора и должностного лица, чьи действия обжалуются. По результатам рассмотрения суд выносит одно из решений, предусмотренных частью 5 статьи 125 УПК РФ.

Для участников с неопределенным процессуальным статусом судебный контроль выполняет несколько функций, выходящих за рамки разрешения конкретной жалобы. Во-первых, судебный контроль подтверждает процессуальную правосубъектность лица, не имеющего формального статуса: принимая жалобу к рассмотрению, суд тем самым признает, что лицо является субъектом права на обжалование[451]. Во-вторых, судебный контроль фиксирует факт нарушения прав, создавая правовую основу для последующего восстановления[452]. В-третьих, судебный контроль формирует правоприменительную практику, конкретизирующую объем прав лиц с неопределенным процессуальным статусом и границы обеспечительных обязанностей должностных лиц[453]. Тем самым судебный контроль не только защищает права конкретного

---

[451] Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Практика судебного контроля за решениями и действиями (бездействием) публичных процессуальных органов, ограничивающих права и законные интересы личности в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., изм. и доп. Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2008. С. 3.

[452] Семенцов В.А., Гладышева О.В. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2012. № 7. С. 62.

[453] Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Практика судебного контроля за решениями и действиями (бездействием) публичных процессуальных органов, ограничивающих права и законные интересы личности в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., изм. и доп. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2008. С. 1.

лица, но и способствует формированию общих стандартов обеспечения прав данной категории участников.

Проведенный анализ процессуального порядка реализации гарантий прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, обеспечение прав участников с неопределенным процессуальным статусом реализуется не как единичное процессуальное действие, а как целостный процессуальный механизм, включающий шесть последовательных и взаимосвязанных звеньев: юридический факт, затрагивающий права и законные интересы, информирование и процессуальное оформление, допуск к юридической помощи, реализация права на обжалование; принятие решения по жалобе и восстановление нарушенных прав. Каждое звено механизма включает конкретное право участника, корреспондирующую обязанность должностного лица, процедурную форму реализации и контрольный механизм. Данная конструкция обеспечивает модель поэтапной реализации гарантий, компенсирующую отсутствие формального статуса определенностью процедуры обеспечения прав.

Во-вторых, процессуальный механизм обеспечения прав имеет универсальный характер, однако приобретает стадийную специфику в зависимости от этапа уголовного судопроизводства, на котором затрагивается права и законные интересы лица. На стадии проверки сообщения о преступлении механизм реализуется с опорой на нормы части 1.1 статьи 144 УПК РФ и характеризуется наибольшей неопределенностью процессуального положения участников. На стадии предварительного расследования механизм приобретает более развитый характер благодаря наличию институтов обыска, ареста имущества, допроса и соответствующих механизмов обжалования. Судебный контроль в порядке статьи 125 УПК РФ выступает ключевым этапом механизма на досудебных стадиях, обеспечивая независимую проверку законности действий и решений должностных лиц.

Обусловленность механизма обеспечения прав лица с неопределенным процессуальным статусом стадией уголовного судопроизводства проявляется и в контексте международного сотрудничества, где процессуальный статус лица может быть, по существу, двухуровневым: до передачи уголовного дела иностранному государству он определяется российским уголовно-процессуальным законом, а после принятия дела компетентными органами иностранного государства — законодательством принимающей стороны. Между этими уровнями возникает ситуация правовой неопределенности, при которой реализация всех звеньев механизма — от информирования до восстановления нарушенных прав — существенно затруднена[454].

В-третьих, работоспособность механизма обеспечения прав определяется целостностью связки и корреспондеции между правами, обязанностями, процедурами, контролем и последствиями. Отсутствие любого из указанных элементов лишает механизм практической эффективности. Для участников с неопределенным процессуальным статусом, не защищенных институциональными гарантиями процессуального статуса, целостность данной связки приобретает решающее значение.

Данный вывод подтверждается и эмпирическими данными. Сопоставление статистики санкционирования ограничения конституционных прав граждан и последующего контроля обнаруживает значительную асимметрию: при доле удовлетворения ходатайств о производстве обыска в жилище 95,63 % и ходатайств о наложении ареста на имущество 88,41 %, по данным Судебного департамента за 2024 год, доля удовлетворенных жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ составляет лишь 3,15 %, а более 82 % жалоб не получают рассмотрения по существу[455]. Судебная практика кассационных и апелляционных инстанций свидетельствует о том, что суды первой инстанции систематически

---

[454] Клевцов К.К. Указ. соч. С. 316–318; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.
[455] Лебин В.В. Стандарт минимальных привилегий лиц с неопределенным процессуальным статусом // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 258.

отказывают в принятии или рассмотрении жалоб лиц, не обладающих процессуальным статусом, что блокирует контрольное и восстановительное звенья механизма обеспечения прав. Именно разрыв между масштабом вмешательства в права и эффективностью последующего контроля обосновывает необходимость нормативного закрепления целостного процессуального механизма, в котором каждое звено обеспечено корреспондирующей обязанностью и процессуальными последствиями ее нарушения.

В-четвертых, предложенный процессуальный механизм является универсальной конструкцией, применимой ко всем ранее выделенным группам участников с неопределенным процессуальным статусом — от заявителей и лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка, до собственников арестованного имущества, лиц, подвергнутых обыску, и фактически подозреваемых. При этом конкретное содержание каждого звена механизма варьируется в зависимости от характера затронутого интереса и стадии производства.

В-пятых, реализация предложенного механизма предполагает нормативное закрепление стандарта минимальных привилегий и последовательное обеспечение каждого его элемента корреспондирующими обязанностями, процедурами и контрольными механизмами. При этом законодательное закрепление является необходимым, но не достаточным условием, в равной мере требуется корректировка правоприменительной практики, направленная на формирование у должностных лиц ориентация на обеспечение прав любого лица, затронутого процессуальной деятельностью, независимо от его формального статуса.

Изложенное позволяет сформулировать следующий вывод: механизм обеспечения прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом представляет собой нормативно определенную систему взаимосвязанных элементов стандарта минимальных привилегий, корреспондирующих обязанностей должностных лиц, процедурных правил реализации, контрольных средств и правовых последствий нарушения, функционирующих

как единый процессуальный механизм. Отсутствие любого из названных элементов лишает обеспечение системного характера и превращает права в формально-декларативные. Для участников с неопределенным процессуальным статусом именно целостность и определенность механизма обеспечения компенсирует дефицит процессуального статуса, позволяя трансформировать законный интерес в реально защищаемое субъективное право.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило сделать ряд теоретических выводов и сформулировать предложения по совершенствованию действующего правового регулирования.

В результате историко-правового анализа установлено, что проблема участия в уголовном процессе лиц с неопределенным процессуальным статусом не является порождением современного законодательства, а имеет глубокие исторические корни. Уже в дореволюционный период, после принятия Судебных уставов 1864 года, существовала категория лиц, фактически участвовавших в следственных действиях, но не признанных полноправными участниками процесса. В советский период, несмотря на интенсивные научные дискуссии о критериях определения участников процесса (М.С. Строгович, Р.Д. Рахунов, В.Н. Шпилев, И.Д. Перлов), единой позиции по данному вопросу выработано не было. Действующий УПК РФ, вобрав в себя многие нерешенные ранее проблемы, расширил понятие участника уголовного судопроизводства до любого лица, принимающего участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ), однако не обеспечил данное широкое определение нормативным регулированием процессуального положения всех таких лиц.

В работе сформулировано авторское определение неопределенного процессуального статуса как особого правового состояния участника уголовного процесса, характеризующегося неполнотой либо отсутствием законодательного закрепления структурных элементов его статуса – правосубъектности, процессуальных прав, обязанностей, ответственности или гарантий, – что препятствует данному лицу в полной мере реализовывать и защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе. Выявлены структурные элементы неопределенного процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, включающие дефицит правосубъектности, отсутствие или неполноту процессуальных прав и обязанностей, ответственности, а также отсутствие четких гарантий защиты прав.

Разработана авторская классификация участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом по характеру их вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность, включающая четыре группы: 1) лица, инициирующие уголовное преследование (заявитель, очевидец); 2) лица, фактически подвергающиеся уголовному преследованию без надлежащего статуса (уголовно-преследуемое лицо, экстрадируемый, передаваемый); 3) лица, чьи права ограничиваются в ходе расследования (собственники или законные владельцы арестованного имущества, лица, чьи конституционные права ограничиваются при производстве следственных действий); 4) лица, добровольно вовлекаемые в уголовный процесс (поручитель, залогодатель, реабилитируемый). Данная классификация, в отличие от ранее предложенных, основана не на системе УПК РФ, а на фактической роли участников и причинах их вовлечения, что позволяет определить наиболее уязвимые категории лиц и дифференцировать подходы к обеспечению их прав.

Впервые в науке уголовно-процессуального права проведен системный анализ законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Установлено, что именно категория законного интереса, а не субъективного права, является исходной для понимания правового положения данных лиц, поскольку их процессуальные права зачастую нормативно не закреплены. По характеру затрагиваемого блага к числу таких интересов отнесены: имущественный, информационный, компенсационный, а также интерес в обеспечении личной безопасности и защите нематериальных благ. Сформулирована триалектика критериев — система из трех взаимосвязанных оснований (наличие личного законного интереса, положение слабой стороны, соотнесенность частного интереса с публичным интересом уголовного судопроизводства), определенная в качестве критерия выделения тех участников с неопределенным процессуальным статусом, которые нуждаются в специальных гарантиях.

На основе соотнесения типов доминирующих законных интересов с необходимыми правами обоснован стандарт минимальных привилегий участников с неопределенным процессуальным статусом, включающий: право на информирование о принятых процессуальных решениях, затрагивающих права и законные интересы лица; право на участие в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав или свобод; право на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц в порядке статей 124 и 125 УПК РФ; право на помощь адвоката с момента фактического вовлечения в производство; право на возмещение вреда, причиненного незаконными процессуальными действиями.

Исследование системы процессуальных гарантий позволило установить, что обеспечение прав участников с неопределенным процессуальным статусом не может быть сведено ни к формальному разъяснению прав по статье 11 УПК РФ, ни к законодательному определению соответствующих участников. Определение описывает правовую природу участника, но не создает механизм реализации и защиты его прав. Расширение понятийного блока участников за счет введения новых процессуальных фигур само по себе не решает проблему обеспечения прав и не создает системы гарантий, поскольку дефиниция выполняет идентификационную функцию, но не устанавливает корреспондирующих обязанностей, процессуальных процедур и контрольных механизмов. Система гарантий представляет собой целостный механизм, включающий нормативный, субъектный, процессуально-формальный, контрольный и восстановительно-компенсационный элементы.

Центральным результатом исследования является разработка процессуального механизма реализации гарантий прав и законных интересов участников с неопределенным процессуальным статусом, включающего шесть последовательных и взаимосвязанных звеньев: 1) юридический факт, затрагивающий законный интерес лица; 2) информирование и процессуальное оформление; 3) допуск к юридической помощи; 4) реализация права на обжалование посредством прокурорского надзора (ст. 124 УПК РФ) и судебного контроля

(ст. 125 УПК РФ); 5) принятие компетентным органом решения по жалобе и наступление правовых последствий; 6) восстановление нарушенных прав и устранение негативных последствий незаконных процессуальных действий. Каждое звено включает конкретное право участника, корреспондирующую обязанность должностного лица, процедурную форму реализации и контрольный механизм. Данная конструкция обеспечивает модель поэтапной реализации гарантий, компенсирующую отсутствие формального статуса определенностью процедуры обеспечения прав.

Установлено, что разработанный процессуальный механизм имеет универсальный характер, однако приобретает стадийную специфику. На стадии проверки сообщения о преступлении механизм характеризуется наибольшей неопределенностью процессуального положения участников, а его реализация опирается на нормы части 1.1 статьи 144 УПК РФ. На стадии предварительного расследования механизм приобретает более развитый характер благодаря наличию институтов обыска, ареста имущества и соответствующих механизмов обжалования. Судебный контроль в порядке статьи 125 УПК РФ выступает ключевым этапом механизма на досудебных стадиях, выполняя функции подтверждения процессуальной правосубъектности лица, фиксации факта нарушения прав и формирования правоприменительной практики.

Эмпирическое исследование подтвердило наличие значительной асимметрии между масштабом вмешательства в права лиц с неопределенным статусом и эффективностью последующего контроля. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год, при доле удовлетворения ходатайств о производстве обыска в жилище 95,63 % и ходатайств о наложении ареста на имущество 88,41 % доля удовлетворенных жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ составила лишь 3,15 %, а более 82 % жалоб не получили рассмотрения по существу. Анализ 362 судебных решений судов первой, апелляционной и кассационной инстанций выявил системную проблему: суды первой инстанции нередко отказывают в принятии или рассмот-

рении жалоб лиц, не обладающих формальным процессуальным статусом, тогда как вышестоящие суды последовательно корректируют данную практику, указывая на необходимость оценки фактического затрагивания прав и законных интересов заявителя. Проведенное анкетирование 308 практикующих юристов (85 судей, 92 прокуроров, 87 адвокатов, 44 следователей) подтвердило теоретические выводы исследования: 58,2 % респондентов констатировали недостаточность существующих гарантий УПК РФ для защиты прав лиц с неопределенным процессуальным статусом; 75 % высказались за принятие к рассмотрению жалоб таких лиц в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ; 56,5 % поддержали закрепление обязанности должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным статусом; 70,8 % выступили за ту или иную форму нормативного закрепления прав рассматриваемых лиц, что непосредственно подтверждает обоснованность и востребованность предлагаемых в работе законодательных решений.

В результате проведенного исследования разработан и обоснован проект статьи 60.1 УПК РФ «Права лица, фактически вовлеченного в уголовное судопроизводство», которая закрепляет стандарт минимальных привилегий лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом участника. Часть первая предлагаемой статьи определяет пять основных прав: получать информацию о затрагивающих решениях; участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с ограничением прав; обжаловать действия и решения должностных лиц в порядке статей 124 и 125 УПК РФ; пользоваться помощью адвоката; требовать возмещения вреда. Часть вторая устанавливает корреспондирующую обязанность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда разъяснять лицу его права и обеспечивать возможность их осуществления. Часть третья предусматривает право лица на отказ от реализации предоставленных прав с обязательным письменным оформлением отказа от помощи адвоката.

Полагаем, что предложенные законодательные изменения будут способствовать устранению системного пробела в правовом регулировании, повышению эффективности обеспечения прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, укреплению конституционных гарантий доступа к правосудию и возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти. Введение нормативного стандарта минимальных привилегий создаст для судов и правоприменительных органов четкий ориентир при определении объема прав лиц с неопределенным процессуальным статусом, что позволит преодолеть непоследовательность правоприменительной практики и обеспечить единообразное применение закона. В конечном счете, предлагаемые изменения формируют основу процессуального комплаенса — системы нормативных требований, обязывающих должностных лиц соблюдать установленный стандарт обращения с лицами, фактически вовлеченными в уголовное судопроизводство, независимо от наличия у них формального процессуального статуса.

Проведенное исследование подтверждает, что обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом представляет собой самостоятельную научную и практическую проблему, требующую комплексного решения на нормативном, теоретическом и правоприменительном уровнях. Механизм обеспечения прав указанных лиц представляет собой нормативно определенную систему взаимосвязанных элементов – стандарта минимальных привилегий, корреспондирующих обязанностей должностных лиц, процедурных правил их исполнения и контрольных средств, образующих в совокупности процессуальный комплаенс, а также правовых последствий нарушения, — функционирующих как единый процессуальный механизм. Отсутствие любого из названных элементов лишает обеспечение системного характера и превращает права в формально-декларативные. Для участников с неопределенным процессуальным статусом именно целостность и определенность механизма обеспечения компенсирует

дефицит процессуального статуса, позволяя трансформировать законный интерес в реально защищаемое субъективное право.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 04.07.2020).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

6. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

7. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

8. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 34. — Ст. 3534.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 24. — Ст. 3943.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 41. — Ст. 6945.

11. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 10. — Ст. 1566.

12. О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 27 октября 2025 г. № 392-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата опубликования: 27.10.2025).

Нормативные правовые акты, утратившие силу

13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. — 1922. — Отд. 1. — № 20–21.

14. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. — 1923. — Отд. 1. — № 7.

15. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1 (933).

16. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40.

17. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8 : Судебная реформа. — Москва : Юрид. лит., 1991. — С. 120–253.

Проекты законов

18. Сводный проект УПК РФ, разработанный на базе проекта Минюста РФ, объединенного с проектом НИИ Ген. Прокуратуры РФ // Юридический Вестник. — 1995. — № 31.

Международные правовые акты

19. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : заключена в г. Минске 22 января 1993 г. (ред. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 17. — Ст. 1472.

20. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам : заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г. (с изм. от 08.11.2001) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 23. — Ст. 2349.

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 октября 2007 г. «Дело «Насруллоев (Nasrulloyev) против Российской Федерации»» (жалоба № 656/06) // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. — 2008. — № 3. — С. 101–115.

Книги. Монографии. Комментарии законодательства.

Учебники и учебные пособия

22. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев ; науч. ред. Н. С. Алексеев. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1980. — 252 с.

23. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : БЕК, 1995. — 320 с.

24. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В. Д. Арсеньев. — Москва : Юрид. лит., 1964. — 179 с.

25. Баркалова, Е. В. Экстрадиция. Передача лица для отбывания наказания. Признание и исполнение приговоров судов иностранных государств : учебное пособие / Е. В. Баркалова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский

юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. — 88 с.

26. Большой юридический словарь. — Москва : ИНФРА-М, 1998. — 789 с.

27. Брусницын, Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование) : монография / Л. В. Брусницын. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 464 с.

28. Ветрова, Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г. Н. Ветрова. — Москва : Наука, 1987. — 111 с.

29. Волколуп, О. В. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации : учебное пособие / О. В. Волколуп, Ю. Б. Чупилкин. — 2-е изд., испр. и доп. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2005. — 160 с.

30. Володина, Л. М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту / Л. М. Володина, А. Н. Володина. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 230 с.

31. Гладышева, О. В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография / О. В. Гладышева. — Краснодар : ЭДВИ, 2008. — 300 с.

32. Гродзинский, М. М. Государственный обвинитель в советском суде / М. М. Гродзинский. — Москва : Госюриздат, 1954. — 234 с.

33. Давлетов, А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Общая часть : курс лекций / А. А. Давлетов. — Екатеринбург : ИРА УТК, 2010. — 250 с.

34. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. — 4-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1996. — 846 с.

35. Дегтярев, А. Д. Баланс интересов личности, общества и государства в правовой сфере / А. Д. Дегтярев (сост.). — Москва : МГИМО-Университет,

2010. — URL: https://mgimo.ru/files2/2013_05/up24/file_59082ae315107afb4191f31a25971edd.pdf.

36. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / А. Ю. Епихин. — Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 2004. — 167 с.

37. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса : курс лекций / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. — Казань, 2025. — 156 с.

38. Козявин, А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства / А. А. Козявин. — Москва : Юрлитинформ, 2010. — 267 с.

39. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России : (глава 16 УПК РФ) : учебно-практическое пособие / Н. Н. Ковтун, Р. В. Ярцев. — 2-е изд., доп. и изм. — Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. — 152 с.

40. Кузьмина, Е. А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Е. А. Кузьмина, А. А. Ларинков, И. К. Севастьяник [и др.]. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 79 с.

41. Курс советского уголовного процесса : общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — Москва : Юрид. лит., 1989. — 638 с.

42. Лапаев, И. С. Общие положения уголовного процесса : учебное пособие / И. С. Лапаев, А. Б. Алейникова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. — 151 с.

43. Лапутина, Е. А. Общие положения уголовно-процессуального права : учебное наглядное пособие / Е. А. Лапутина, О. Н. Дядькин. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. — 92 с.

44. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. — Москва : Терра-Книжный клуб, 2009. — 2078 с.

45. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. — Москва : Проспект, 2008. — 418 с.

46. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. — 294 с.

47. Михайлов, С. В. Категория интереса в российском гражданском праве / С. В. Михайлов. — Москва : Статут, 2002. — 205 с.

48. Морозова, Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Эксмо, 2010. — 510 с.

49. Николаева, Т. Г. Потерпевший и обеспечение его прав в досудебном производстве : конспект лекции / Т. Г. Николаева. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2008. — 20 с.

50. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : около 53 000 слов / С. И. Ожегов. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : ГИС, 1960. — 900 с.

51. Перлов, И. Д. Уголовное судопроизводство в СССР / И. Д. Перлов. — Москва : Госюриздат, 1959. — 102 с.

52. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. — Москва : Г. А. Леман, 1913. — 328 с.

53. Поляков, М. П. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография / М. П. Поляков, А. Ю. Смолин. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. — 152 с.

54. Права личности в социалистическом обществе / М. С. Строгович, В. А. Патюлин, Н. В. Витрук [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. — Москва : Наука, 1981. — 272 с.

55. Потапов, В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография / В. Д. Потапов ; под ред. О. А. Зайцева. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 372 с.

56. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : углубленный курс : учебник / Л. П. Рассказов. — Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2015. — 559 с.

57. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов. — Москва : Госюриздат, 1961. — 277 с.

58. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. — Москва : Наука, 1971. — 342 с.

59. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : КНОРУС, 2008. — 704 с.

60. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под ред. А. В. Смирнова. — 5-е изд., доп. и перераб. — Москва : Проспект, 2009. — 992 с.

61. Смирнова, И. Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства : монография / И. Г. Смирнова. — Москва : Юрлитинформ, 2011. — 352 с.

62. Смолькова, И. В. Тайна и уголовно-процессуальный закон / И. В. Смолькова. — Москва : Луч, 1997. — 100 с.

63. Строгович, М. С. Советский уголовный процесс / М. С. Строгович ; под ред. Д. С. Карева. — М. : Госюриздат, 1956. — 416 с.

64. Строгович, М. С. Избранные труды : Проблемы общей теории права : в 3 т. Т. 1 / М. С. Строгович. — Москва : Наука, 1990. — 304 с.

65. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / М. С. Строгович. — Москва : Наука, 1968. — 470 с.

66. Субочев, В. В. Законные интересы / В. В. Субочев // Проблемы теории государства и права : учебник / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. А. В. Малько. — Москва : Юрлитинформ, 2012. — 591 с.

67. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юристъ, 2001. — 776 с.

68. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2009. — 1071 с.

69. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. — Москва : Издательство Юрайт, 2013. — 799 с.

70. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата юридических вузов / О. И. Андреева [и др.] ; под ред. О. И. Андреевой, А. Д. Назарова, Н. Г. Стойко, А. Г. Тузова. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. — 446 с.

71. Уголовный процесс : проблемы теории и практики : учебник / М. Ю. Бекетов [и др.] ; под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. — 799 с.

72. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И. Я. Фойницкий ; под ред. А. В. Смирнова. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — 607 с.

73. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. — 607 с.

74. Шаповал, А. Б. Обеспечение адвокатом-защитником прав доверителя при производстве неотложных следственных действий / А. Б. Шаповал. — Москва : Федеральная палата адвокатов РФ, 2023. — 336 с.

75. Шестакова, С. Д. Состязательность уголовного процесса / С. Д. Шестакова. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. — 220 с.

76. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. — Минск : Изд-во Белорусского университета, 1970. — 176 с.

77. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1976. — 143 с.

78. Якимович, Ю. К. Участники уголовного процесса / Ю. К. Якимович. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2015. — 176 с.

Статьи, тезисы, научные сообщения

79. Абаканова, В. А. Судебный контроль за неотложным обыском в хостеле: проблемы теории и практики / В. А. Абаканова, Е. Г. Шадрина // Криминалистъ. — 2022. — № 2 (39). — С. 116–121.

80. Азаренок, Н. В. Определение понятия «назначения уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке / Н. В. Азаренок // Судебная власть и уголовный процесс. — 2020. — № 1. — С. 31–36.

81. Азаренок, Н. В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования / Н. В. Азаренок // Российский следователь. — 2011. — № 23. — С. 14–18.

82. Акчурин, А. Р. Процедуры формирования органов государственной власти в Российской Федерации: современная проблематика / А. Р. Акчурин // Lex Russica. — 2017. — № 10 (131). — С. 187–195.

83. Александров, А. С. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» / А. С. Александров, М. В. Лапатников // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 23–28.

84. Алонцева, Е. Ю. Осмотр и обыск в жилище без решения суда / Е. Ю. Алонцева // Уголовный процесс. — 2017. — № 1. — С. 76–81.

85. Алонцева, Е. Ю. Проблема процессуального статуса некоторых участников следственных действий, производимых по судебному решению / Е. Ю. Алонцева // Полицейская деятельность. — 2020. — № 3. — С. 49–60.

86. Амагыров, А. В. К вопросу о понятии «правовая защита» / А. В. Амагыров // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 118–128.

87. Амельков, Н. С. Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю в уголовном судопроизводстве / Н. С. Амельков // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 469–474.

88. Ахматов, И. И. Процессуальный интерес субъекта как атрибут уголовно-процессуального правоотношения / И. И. Ахматов // Государство и

право : теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). — Чита : Молодой ученый, 2014. — С. 53–57.

89. Багирян, Е. П. Способы возмещения морального вреда лицам, подвергшимся незаконному уголовному преследованию / Е. П. Багирян // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 33. — С. 343–348.

90. Баженова, О. И. Правосубъектность как конституционно-правовая форма свободы личности: к постановке проблемы / О. И. Баженова // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. — Москва : Статут, 2017. — С. 42–53.

91. Бажанов, С. В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации / С. В. Бажанов // Российский следователь. — 2007. — № 1. — С. 6–7.

92. Баландюк, О. В. Исполнение обязательств залогодателем при реализации ст. 106 УПК РФ / О. В. Баландюк // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2014. — № 1 (52). — С. 54–59.

93. Баркалова, Е. В. Выдача лица для уголовного преследования и (или) исполнения приговора: реалии и перспективы / Е. В. Баркалова // КриминалистЪ. — 2025. — № 2 (51). — С. 12–19.

94. Берова, Д. М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве / Д. М. Берова // Общество и право. — 2010. — № 4. — С. 224–225.

95. Боруленков, Ю. П. Доследственная проверка: за и против / Ю. П. Боруленков // Российский следователь. — 2013. — № 19. — С. 48.

96. Булатов, Б. Б. Наложение ареста на имущество других лиц в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска / Б. Б. Булатов, А. В. Борбат, А. С. Дежнев // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 26.

97. Великая, Е. В. Судебное разбирательство в отношении умершего подсудимого / Е. В. Великая. — Минск : РИВШ, 2023. — С. 222–231.

98. Войстрикова, Д. С. Проблема уголовно-процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / Д. С. Войстрикова // Вестник экономики, управления и права. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 103–109.

99. Витрук, Н. В. О категориях правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук // Советское государство и право. — 1974. — № 12. — С. 11–19.

100. Володина, Л. М. Проблемы гарантий в уголовном процессе / Л. М. Володина // Вестник ОГУ. — 2006. — № 3. — С. 42–47.

101. Володина, Л. М. Уголовный процесс: проблемы правового регулирования досудебного производства / Л. М. Володина // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 195–214.

102. Глухова, К. С. Понятие обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами / К. С. Глухова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 4 (28). — С. 83–97.

103. Грачев, С. А. Судебные правовые позиции в контексте коллизий, связанных с формированием процессуального статуса лиц, в отношении которых фактически реализуются акты уголовного преследования / С. А. Грачев // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 4 (48). — С. 114–116.

104. Губина, Е. Н. Экстрадиция и права человека: проблемы и пробелы правового регулирования / Е. Н. Губина, И. В. Очкасова // Современное международное право: проблемы и вызовы : сб. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 17 нояб. 2023 г.) / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева (Самар. ун-т) ; под общ. ред. А. Б. Прокофьева ; отв. ред. А. Г. Безверхов ; науч. ред. Б. Д. Кривокапич, А. В. Юдин. — Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2024. — С. 96—105.

105. Давлетов, А. А. Адвокат-консультант в уголовном процессе / А. А. Давлетов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2014. — № 1. — С. 15–20.

106. Давлетов, А. А. Проблема статуса уголовно-преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Давлетов // Российский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 61–67.

107. Давлетов, А. А. Уведомление о подозрении — процессуальная форма признания лица подозреваемым в стадии возбуждения уголовного дела / А. А. Давлетов, И. А. Федорова // Российская юстиция. — 2016. — № 12. — С. 31–33.

108. Дилбандян, С. А. Законный или любой интерес подлежит защите в уголовном судопроизводстве: сравнительно-правовое исследование уголовного процесса России и Армении / С. А. Дилбандян // Российский судья. — 2010. — № 11. — С. 31–34.

109. Доржиева, И. Б. О некоторых вопросах защиты публичных интересов в российском уголовном судопроизводстве / И. Б. Доржиева // Криминалистъ. — 2024. — № 1 (46). — С. 37-42.

110. Закомолдин, А. В. Личное поручительство в системе мер пресечения: проблемы правоприменения / А. В. Закомолдин // Jus strictum. — 2018. — № 4. — С. 98–102.

111. Закомолдин, А. В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России / А. В. Закомолдин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2018. — № 4 (35). — С. 10–14.

112. Зеленина, О. А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства / О. А. Зеленина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — С. 81–29.

113. Зеленина, О. А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация / О. А. Зеленина // Журнал российского права. — 2012. — № 5 (185). — С. 67–75.

114. Зеленина, О. А. Соотношение категорий правоспособности и дееспособности в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства / О. А. Зеленина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2011. — № 6. — С. 30–34.

115. Зеленина, О. А. Сущность категории «участник уголовного судопроизводства» в науке уголовно-процессуального права / О. А. Зеленина // Общество и право. — 2010. — № 4 (31). — С. 238–245.

116. Земскова, А. В. Некоторые замечания о влиянии контроля суда на усмотрение следователя / А. В. Земскова, О. В. Химичева, О. А. Мотякова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 3 (97). — С. 96–101.

117. Зиновьев, К. О. Правовые механизмы обеспечения процессуальных гарантий третьих лиц при наложении ареста на имущество / К. О. Зиновьев // Юридическая наука. — 2019. — № 5. — С. 60–64.

118. Зникин, В. К. Частный сыскной процесс в уголовном процессе / В. К. Зникин, Д. Н. Карпович // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 4. — С. 30–36.

119. Казарина, М. И. К вопросу о системе уголовно-процессуальных гарантий реализации принципа независимости судей / М. И. Казарина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 4 (22). — С. 72–82.

120. Каминский, Э. С. К вопросу о публичном интересе в уголовном процессе / Э. С. Каминский // Российский судья. — 2021. — № 1. — С. 26–30.

121. Карпов, Е. Н. Некоторые направления решения проблемы недостаточно определенного процессуального положения субъектов уголовного процесса / Е. Н. Карпов // Бизнес в законе. — 2009. — № 4. — С. 87–90.

122. Качалова, О. В. Частные и публичные интересы при производстве по уголовным делам и цифровизация уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1 (79). — С. 69–77.

123. Клевцов, К. К. Заочное привлечение лиц, скрывающихся за рубежом, в качестве обвиняемых: современное состояние и перспективы развития / К. К. Клевцов, А. М. Новиков // Библиотека криминалиста. — 2017. — № 6. — С. 261–271.

124. Кокорев, Л. Д. Участники уголовного процесса / Л. Д. Кокорев // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. — Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. — С. 47–54.

125. Коновалова, М. А. К вопросу избрания и применения меры пресечения в виде личного поручительства / М. А. Коновалова // Вестник экономики и права. — 2022. — № 74. — С. 91–99.

126. Коротких, М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования) / М. Г. Коротких // Судебная власть и уголовный процесс. — 2014. — № 3. — С. 43–45.

127. Кузьмина, О. Л. Права, законные интересы и обязанности несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства / О. Л. Кузьмина, Д. В. Кузнецов // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — Т. 15. — № 4 (58). — С. 113–114.

128. Латыпов, В. С. К вопросу о процессуальном статусе «иных участников уголовного судопроизводства» в законодательстве Германии / В. С. Латыпов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2015. — № 3. — С. 22–25.

129. Лебин, В. В. Законные интересы участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом : понятие, критерии отбора и типология / В. В. Лебин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 2. — С. 55–69.

130. Лебин, В. В. Понятие неопределенного процессуального статуса участников уголовного судопроизводства в контексте структурного анализа процессуального статуса / В. В. Лебин // Закон и Власть. — 2026. — № 8. — С. 261–265.

131. Лебин, В. В. Роль Конституционного Суда РФ в формировании правовых позиций по защите прав лиц с неопределенным процессуальным статусом / В. В. Лебин // Вопросы российского и международного права. — 2026. — Т. 16. — № 2А. — С. 635–645.

132. Лебин, В. В. Стандарт минимальных привилегий лиц с неопределенным процессуальным статусом / В. В. Лебин // Юридическая наука. — 2026. — № 4. — С. 258–262.

133. Лебин, В. В. Участники уголовного процесса с неопределенным процессуальным статусом в дореволюционном и советском периоде / В. В. Лебин // Юридические исследования. — 2026. — № 4. — С. 1–11.

134. Лысенко, В. В. Институт amicus curiae в теории и практике неправительственных организаций и Европейского Суда по правам человека / В. В. Лысенко // Российский судья. — 2008. — № 9. — С. 38–42.

135. Мазюк, Р. В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства / Р. В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4 (18). — С. 76–83.

136. Майоров, В. И. К вопросу о порядке рассмотрения сообщения о преступлении / В. И. Майоров // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2013. — Т. 13. — № 2. — С. 31–33.

137. Малин, П. М. О категории «законный интерес» в уголовном судопроизводстве / П. М. Малин // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 117. — С. 2–4.

138. Малько, А. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики / А. В. Малько, В. В. Субочев // Правоведение. — 2014. — № 2 (313). — С. 84–98.

139. Мамонтова, Д. О. К вопросу о правовой природе процессуального интереса в уголовном судопроизводстве / Д. О. Мамонтова // Криминологический журнал. — 2018. — № 3. — С. 15–18.

140. Марфицин, П. Г. Участники уголовного процесса с неопределенным правовым положением / П. Г. Марфицин // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы правоприменительной деятельности : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Азаров. — Омск : Омская высшая школа милиции МВД России, 1993. — С. 21–27.

141. Масленникова, Л. Н. Субъективные права и юридические обязанности — внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства / Л. Н. Масленникова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2 (42). — С. 38–46.

142. Миллерова, Е. А. К вопросу о конституционных гарантиях неприкосновенности жилища при производстве обыска в жилище / Е. А. Миллерова, И. П. Напханенко, С. М. Сергеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 4 (99). — С. 114.

143. Миронова, А. В. Заявитель и очевидец как участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / А. В. Миронова // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 9. — С. 84–87.

144. Морозова, О. С. Заявитель о преступлении в уголовно-процессуальном праве России / О. С. Морозова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2024. — Т. 24. — № 4. — С. 26–27.

145. Морозова, О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства / О. С. Морозова // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — Т. 21. — № 2. — С. 263–273.

146. Морозова, О. С. Участники стадии предварительного расследования с неопределенным процессуальным статусом / О. С. Морозова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2024. — № 1 (101). — С. 127–134.

147. Мурылева-Казак, В. В. Преступное происхождение имущества третьих лиц как основание его ареста в уголовном процессе / В. В. Мурылева-Казак // Адвокатская практика. — 2022. — № 3. — С. 41–45.

148. Овчинников, Ю. Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий / Ю. Г. Овчинников // Вестник ЮУрГУ. — 2011. — № 19. — С. 42–44.

149. Овчинников, Ю. Г. Система уголовно-процессуальных гарантий / Ю. Г. Овчинников // Вестник ЮУрГУ. — 2010. — № 25. — С. 54–58.

150. Олченов, А. Ф. Правовое положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ / А. Ф. Олченов // Российско-азиатский правовой журнал. — 2019. — № 3. — С. 51–54.

151. Патрушева, Т. Ю. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего / Т. Ю. Патрушева // Сибирское юридическое обозрение. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 234–239.

152. Поляков, М. П. Идея процессуальной свободы как принцип уголовного судопроизводства / М. П. Поляков, Э. Ф. Лугинец // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 4. — С. 75–77.

153. Пономаренко, С. И. Общетеоретические основы процессуального статуса подозреваемого / С. И. Пономаренко, А. С. Пономаренко // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-1. — С. 1–8.

154. Пустовая, И. Н. Наложение ареста на имущество как средство обеспечения гражданского иска / И. Н. Пустовая // Социум и власть. — 2012. — № 6 (38). — С. 73–74.

155. Родевич, Л. И. Субъекты и участники уголовного процесса / Л. И. Родевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2007. — № 10. — С. 209–215.

156. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С. Б. Россинский // Труды Института государства и права РАН. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 116–135.

157. Руденко, А. Н. Обыск как средство принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением / А. Н. Руденко // Научный журнал. — 2016. — № 10 (11). — С. 45–47.

158. Рябоконев, С. И. «Законный интерес» как научная проблема уголовного судопроизводства: вопросы терминологии / С. И. Рябоконев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. — № 3 (18). — С. 43–47.

159. Самохвалов, А. А. Субъективное право и законный интерес в уголовном судопроизводстве: вопросы соотношения и реализации / А. А. Самохвалов // Вестник экономики, управления и права. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 110–118.

160. Самсонова, Т. А. Уведомление о подозрении в совершении преступления как способ придания статуса подозреваемого / Т. А. Самсонова // Международный научный журнал «Вестник науки». — 2020. — № 10 (31). — Т. 1. — С. 76–78.

161. Семенцов, В. А. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве / В. А. Семенцов, О. В. Гладышева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2012. — № 7. — С. 61–66.

162. Смирнов, А. В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная полития / А. В. Смирнов // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1 (79). — С. 117–126.

163. Смирнова, И. Г. Интерес — понятие уголовно-процессуальное / И. Г. Смирнова // Государство и право. — 2008. — № 8. — С. 14–18.

164. Смирнова, И. Г. К вопросу о публичном и диспозитивном началах российского уголовного судопроизводства (через призму научных взглядов профессора Л. Н. Масленниковой) / И. Г. Смирнова // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1. — С. 127–133.

165. Смолькова, И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И. В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27. — № 2. — С. 205–210.

166. Соромотина, В. А. Проблемы определения процессуального статуса некоторых участников стадии возбуждения уголовного дела / В. А. Соромотина, П. М. Титов // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 25. — С. 343–348.

167. Стройкова, А. С. К вопросу о роли и значении гарантий прав обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / А. С. Стройкова // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 2. — С. 303–306.

168. Сухарев, А. Н. Метод дихотомии в конструкции права / А. Н. Сухарев // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». — 2022. — № 4 (72). — С. 67–74.

169. Таова, Л. Ю. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России и стран Ближнего Зарубежья / Л. Ю. Таова // Актуальные проблемы совершенствования законодательства, правоприменения и правовых теорий в России и за рубежом : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 ноября 2008 г.) : в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. Л. Кудрявцева. — Челябинск : ЮУПИ, 2008. — 532 с.

170. Тарасов, А. А. К вопросу о публичности «частного обвинения» / А. А. Тарасов // Вестник Самарского государственного университета. — 2012. — № 5 (96). — С. 178–183.

171. Тарасов, А. А. О негативных последствиях разделения научных специальностей 12.00.09 — уголовный процесс и 12.00.12 — криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность / А. А. Тарасов // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 4 (48). — С. 381–385.

172. Тарасов, А. А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А. А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. — 2025. — № 1. — С. 152–160.

173. Тарасов, А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — Т. 9. — № 1. — С. 46–53.

174. Тарасов, А. А. Уголовно-процессуальная компаративистика — территория открытий и заблуждений / А. А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 1 (75). — С. 133–141.

175. Трубникова, Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т. В. Трубникова // Российский судья. — 2015. — С. 65–78.

176. Федюнин, А. Е. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном процессе / А. Е. Федюнин, Н. М. Перетятько // Актуальные проблемы государства и права. — 2020. — Т. 4. — № 14. — С. 278–286.

177. Химичева, О. В. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: отдельные аспекты совершенствования / О. В. Химичева, И. Б. Тутынин // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2025. — № 1 (21). — С. 66–70.

178. Химичева, О. В. Обязанности как элемент содержания уголовно-процессуальных отношений в контексте обеспечения надлежащего их исполнения участниками уголовного судопроизводства / О. В. Химичева, О. В. Мичурина, И. Б. Тутынин // Криминологический журнал. — 2025. — № 1. — С. 160–167.

179. Химичева, О. В. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при их применении / О. В. Химичева, И. П. Бондаренко // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 8. — С. 118–122.

180. Хроменков, И. Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам : теоретические основы и проблема детерминированности / И. Р. Хроменков // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 1 (134). — С. 131–144.

181. Червонюк, В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека / В. И. Червонюк // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2022. — № 2 (58). — С. 12–23.

182. Чечина, Н. А. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности / Н. А. Чечина, П. С. Элькинд // Советское государство и право. — 1973. — № 9. — С. 33–39.

183. Шарипова, А. Р. «Третьи лица» в уголовном судопроизводстве : аналогии и перспективы / А. Р. Шарипова // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — Т. 20. — № 1 (75). — С. 161–166.

Диссертации и авторефераты диссертаций

184. Абдул-Кадыров, Ш. М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абдул-Кадыров Шарпудди Муайдович. — Москва, 2015. — 27 с.

185. Абраменко, А. А. Процессуальные гарантии участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела (по уголовно-процессуальному законодательству России и Украины) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абраменко Анатолий Александрович. — Москва, 2020. — 233 с.

186. Абрамов, А. Б. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Абрамов Александр Борисович. — Москва, 2013. — 33 с.

187. Адильшаев, Э. А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Адильшаев Эмиль Айдерович. — Челябинск, 2011. — 29 с.

188. Анучина, О. В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Анучина Ольга Владимировна. — Москва, 2020. — 27 с.

189. Вершинина, С. И. Залог в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Вершинина Светлана Ивановна. — Самара, 1998. — 25 с.

190. Галкин, В. М. Принцип состязательности в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Галкин В. М. — Москва, 1951. — 23 с.

191. Герасимова, Т. Ю. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Герасимова Татьяна Юрьевна. — Краснодар, 2017. — 195 с.

192. Гладышева, О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Гладышева Ольга Владимировна. — Москва, 2013. — 64 с.

193. Горак, Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Горак Нелли Викторовна. — Краснодар, 2017. — 253 с.

194. Григорьев, Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Григорьев Дмитрий Александрович. — Москва, 2018. — 201 с.

195. Дмитриева, А. А. Теоретическая модель безопасности участия личности в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Дмитриева Анна Александровна. — Москва, 2017. — 476 с.

196. Зебницкая, А. К. Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Зебницкая Анна Константиновна. — Москва, 2018. — 215 с.

197. Ильницкая, Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ильницкая Любовь Игоревна. — Краснодар, 2002. — 201 с.

198. Качалов, Е. В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Качалов Егор Викторович. — Москва, 2025. — 259 с.

199. Клевцов, К. К. Теоретико-правовые основы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Клевцов Кирилл Константинович. — Екатеринбург, 2025. — 504 с.

200. Корнуков, В. М. Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Корнуков Владимир Михайлович. — Харьков, 1987. — 35 с.

201. Косарева, А. Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Косарева Алла Евгеньевна. — Санкт-Петербург, 2005. — 254 с.

202. Кузнецова, А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Кузнецова Анастасия Дмитриевна. — Екатеринбург, 2022. — 176 с.

203. Логинов, Н. А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах — членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Логинов Николай Александрович. — Москва, 2019. — 207 с.

204. Лукьянова, А. А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Лукьянова Алина Александровна. — Барнаул, 2024. — 267 с.

205. Лятифов, Р. Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук / Лятифов Р. Г. — Рязань, 2019. — 202 с.

206. Максимов, О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Максимов Олег Александрович. — Ульяновск, 2022. — 62 с.

207. Манохин, В. С. Юридический комплаенс (теория, техника, практика) : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / Манохин Виталий Сергеевич. — Владимир, 2024. — 255 с.

208. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Масленникова Лариса Николаевна. — Москва, 2000. — 555 с.

209. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Мизулина Елена Борисовна. — Москва, 1993. — 32 с.

210. Миргородская, Э. Р. Судебный порядок рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Миргородская Эльвира Руслановна. — Челябинск, 2024. — 287 с.

211. Морозова, О. С. Оптимизация состава и процессуального положения участников уголовного досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Морозова Ольга Сергеевна. — Омск, 2024. — 253 с.

212. Муравьев, К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Муравьев Кирилл Владимирович. — Омск, 2017. — 505 с.

213. Мурылева-Казак, В. В. Процессуальные средства защиты имущественных прав лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Мурылева-Казак Виталия Владимировна. — Москва, 2023. — 221 с.

214. Насонов, А. А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Насонов Александр Александрович. — Воронеж, 2018. — 248 с.

215. Панокин, А. М. Концептуальные основы апелляционного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Панокин Александр Михайлович. — Москва, 2025. — 59 с.

216. Рудакова, С. В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Рудакова Светлана Викторовна. — Краснодар, 2023. — 564 с.

217. Рыжкова, И. А. Механизм реализации принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий в России и за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Рыжкова Инна Александровна. — Красноярск, 2024. — 288 с.

218. Смирнов, В. Е. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Смирнов Владимир Евгеньевич. — Москва, 2025. — 273 с.

219. Смирнова, И. Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Смирнова Ирина Георгиевна. — Томск, 2012. — 50 с.

220. Стуконог, И. В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Стуконог Игорь Валериевич. — Краснодар, 2020. — 238 с.

221. Тарзиманов, В. М. Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тарзиманов Вадим Мухтарович. — Челябинск, 2014. — 227 с.

222. Хроменков, И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Хроменков Игорь Романович. — Москва, 2022. — 266 с.

223. Шестакова, С. Д. Проблемы состязательности в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Шестакова Софья Дмитриевна. — Санкт-Петербург, 1998. — 184 с.

Источники на иностранных языках

224. Compliance // Oxford Learner’s Dictionaries : [сайт]. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/compliance.

225. Henkin, L. How Nations Behave : Law and Foreign Policy / L. Henkin. — 2nd ed. — New York : Columbia University Press, 1979. — 400 p.

226. Peat, D. Behavioural Compliance Theory / D. Peat, V. Fikfak, E. van der Zee // Journal of International Dispute Settlement. — 2022. — Vol. 13. — No. 2. — P. 167–178.

Решения и аналитические материалы Конституционного Суда Российской Федерации

227. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 27. — Ст. 2882.

228. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева : Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 48 (ч. 2). — Ст. 6030.

229. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 28. — Ст. 3881.

230. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 44. — Ст. 6128.

231. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : Постановление Конституционного Суда РФ от 13 мая 2021 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 21. — Ст. 3673.

232. По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № 29-П // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 26. — Ст. 5044.

233. По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова : Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 30. — Ст. 4442.

234. По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко : Постановление Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 41. — Ст. 6205.

235. По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 46. — Ст. 7029.

236. По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пункта 7 части 1 статьи

47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», части третьей статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и второй статьи 31, частей второй и третьей статьи 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2025 г. № 46-П // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (ч. II). — Ст. 8741.

237. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Нойзидлер Сыктывкар» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 186-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2005. — № 6.

238. По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 327-О // СПС «КонсультантПлюс».

239. По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 101-О // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 28. — Ст. 3118.

240. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анохина Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 323-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

241. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Радовской Екатерины Александровны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1551-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

242. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гурьянова Артема Владимировича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» : Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О // СПС «КонсультантПлюс».

243. По жалобе гражданина Абдулхалимова Магомедшапи Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2020 г. № 1107-О // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: https://www.ksrf.ru/Decision/generalization/documents/Information_2020.pdf (дата опубликования: 19.06.2020).

244. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «РЕСО-Лизинг» на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 115 и частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 3-О // СПС «КонсультантПлюс».

245. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саркисяна Андрея Ашотовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 115, частями первой, пятой — седьмой статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2586-О // СПС «КонсультантПлюс».

Постановления Пленума и Обзоры практики Верховного Суда Российской Федерации

246. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 4. — С. 2–7.

247. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2010. — № 9.

248. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2014. — № 2.

249. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 (в ред. от 09.12.2025) // Российская газета. — 2015. — 10 июля.

250. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 7.

Интернет-ресурсы. Судебная практика

251. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2018/F1svod_vse_sudy-2018.xls.

252. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1svod_vse_sudy-2019.xls.

253. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/F1-svod_vse_sudy-2020.xls.

254. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F1-svod_vse_sudy-2021.xls.

255. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F1-svod_vse_sudy-2022.xls.

256. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2023/F1-svod_vse_sudy-2023.xls.

257. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls.

258. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года : форма № 1 (свод) [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/ 2025/F1-svod_vse_sudy-1-2025.xls.

259. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году [Электронный ресурс]. — URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf.

260. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://fparf.ru/practicalinformation/ugolovnoesudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-porassmotreniyu-materialov-v-por/.

261. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению судебных материалов [Электронный ресурс]. — URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-rassmotreniyu-sudebnykh-materi/.

262. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 декабря 2015 г. по делу № 57-АПУ15-16 // СПС «КонсультантПлюс».

263. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 14-КГ20-7-К1 // СПС «ГАРАНТ».

264. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 октября 2022 г. № 46-УД22-30-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

265. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2020 г. № 77-999/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

266. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 77-2312/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

267. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 г. № 77-557/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

268. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. № 77-1807/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

269. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2020 г. по делу № 77-1025/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

270. Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2021 г. по делу № 77-693/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

271. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 г. по делу № 77-1433/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

272. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

273. Кассационное постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июля 2024 г. по делу № 77-2690/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

274. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2024 г. № 77-4043/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

275. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июня 2024 г. № 77-1992/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

276. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Мордовия от 1 декабря 2021 г. № 22-1828/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

277. Постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 апреля 2015 г. по делу № 3/12-1/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

278. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 4 марта 2025 г. по делу № 22-1439/2025 // СудАкт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/DLzOBrEUECbw/.

279. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 25 июля 2023 г. № 22К-3077/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

280. Апелляционное постановление Московского городского суда от 21 декабря 2016 г. по делу № 10-20106/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

281. Апелляционное постановление Московского городского суда от 6 октября 2021 г. по делу № 10-19354/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

282. Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 января 2022 г. по делу № 10-685/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

283. Постановление Балашихинского городского суда Московской области от 1 декабря 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

284. Постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 11 сентября 2023 г. по делу № 1-55/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. — URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/criminal/details/9ebb6460-e8d2-11ec-955f-71b01f9eeee5.

285. Постановление Перовского районного суда г. Москвы от 6 июня 2025 г. по делу № 3/12-0048/2025 // СудАкт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/e823g8U0rro/.

286. Постановление Басманного районного суда г. Москвы от 25 июня 2025 г. по делу № 3/6-1179/2025 // СудАкт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/FLk0RiGj4zba/.

287. Постановление Измайловского районного суда г. Москвы от 27 июня 2025 г. по делу № 3/12-135/25 // СудАкт. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/lw4nSXTgVtJ1/.

288. Постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 июля 2025 г. по делу № 3/12-260/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. — URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal-materials/details/d1b86f70-63ae-11f0-9a5a-0b727480b8e9.

289. Решение Вахитовского районного суда г. Казани по делу № 2-7600/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Результаты анкетирования практических работников

С января 2024 г. по март 2026 г. на территории Республики Бурятия, Приморского края, Астраханской области, Брянской области, Воронежской области, Иркутской области, Ленинградской области, Московской области, Ростовской области, Смоленской области, Тамбовской области, Тверской области, Ульяновской области, г. Москвы, г. Санкт-Петербурга было проведено анкетирование, в котором приняли участие 308 респондентов: 85 судей, 92 работника прокуратуры, 87 адвокатов и 44 следователя (дознавателя). Анкетирование являлось анонимным, что позволило получить достоверные результаты. Анкета предоставила большую вариативность ответов, в том числе вариант «Другое» с возможностью дать свой ответ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Результаты анкетирования судей

Общее количество судей, прошедших анкетирование: 85			
№	**Вариант ответа**	**Кол.**	**%**
1	**С какими категориями лиц, чей процессуальный статус в УПК РФ не урегулирован, Вы сталкиваетесь в практике? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка	51	60.0
	Собственник имущества, изъятого при обыске/выемке	57	67.1
	Заявитель	24	28.2
	Близкие родственники умершего (погибшего)	23	27.1
	Собственник имущества, на которое наложен арест (ст. 115 УПК)	48	56.5
	Лицо с ограниченным правом на неприкосновенность жилища	44	51.8
	Лицо с ограниченным правом на тайну переписки/переговоров	20	23.5
	Лицо, чье дело прекращено по нереабилитирующим основаниям	13	15.3
	Залогодатель	17	20.0
	Реабилитируемый	11	12.9
	Поручитель	6	7.1
	Другое	0	0.0
2	**Какими правами лицо не может воспользоваться ввиду неопределенности своего процессуального статуса? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение копий процессуальных решений	54	63.5
	Право на участие при рассмотрении затрагивающего вопроса	46	54.1
	Право на разъяснение прав	44	51.8
	Право на соблюдение сроков рассмотрения обращений	25	29.4
	Право на квалифицированную юридическую помощь	37	43.5

	Право на подачу жалоб и ходатайств	27	31.8
	Право на обжалование действий должностных лиц	12	14.1
	Другое	0	0.0
3	**В какой из ситуаций неопределенность процессуального статуса создает наибольшие затруднения для защиты прав лица? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Непредоставление информации при доследственной проверке	50	58.8
	Обыск/выемка в жилище без обеспечения права на оспаривание	55	64.7
	Отказ в принятии жалобы заявителя (нет статуса потерпевшего)	41	48.2
	Наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование	46	54.1
	Необеспечение прав близких родственников погибшего	16	18.8
	Другое: затрудняюсь ответить	0	0.0
4	**Достаточны ли имеющиеся в УПК РФ гарантии для защиты прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом?**		
	Скорее недостаточны	20	23.5
	Полностью достаточны	38	44.7
	Скорее достаточны	18	21.2
	Полностью недостаточны	9	10.6
5	**Следует ли принимать к рассмотрению жалобы лица без процессуального статуса в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ?**		
	Да	51	60.0
	Нет	34	40.0
6	**Целесообразно ли закрепить в УПК РФ обязанность должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным статусом?**		
	Да	22	25.9
	Нет	63	74.1
7	**Целесообразно ли предусмотреть право на квалифицированную юридическую помощь (адвоката) для таких лиц?**		
	Да	22	25.9
	Нет	63	74.1
8	**Какие процессуальные права лиц с неопределенным статусом наиболее важно закрепить в законодательстве? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение информации о процессуальных решениях	55	64.7
	Право на участие при ограничении прав или свобод	50	58.8
	Право на помощь адвоката с момента вовлечения	32	37.6
	Право на возмещение вреда	27	31.8
	Право на обжалование (ст. 124, 125 УПК РФ)	30	35.3
	Право на меры государственной защиты	9	10.6
	Затрудняюсь с ответом	0	0.0
	Другое	0	0.0
9	**Какую форму нормативной регламентации процессуального положения таких лиц Вы считаете оптимальной?**		
	Данный вопрос не нуждается в дополнительной регламентации	43	50.6

	Введение в УПК РФ общей нормы (универсальной статьи) о минимальных правах лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство без процессуального статуса	19	22.4
	Закрепление процессуального статуса каждой категории таких лиц в разделе II УПК РФ	8	9.4
	Расширение понятийного аппарата участников с неопределенным статусом в ст. 5 УПК РФ	11	12.9
	Закрепление дополнительных гарантий точечно, в отдельных статьях УПК РФ применительно к конкретным ситуациям	4	4.7
	Другое	0	0.0
10	**Место работы суда**		
	Районный суд	45	52.9
	Суд субъекта Российской Федерации (областной, краевой, верховный суд республики)	27	31.8
	Мировой суд	7	8.2
	Апелляционный суд общей юрисдикции	3	3.5
	Гарнизонный военный суд	1	1.2
	Окружной (флотский) военный суд	1	1.2
	Кассационный суд общей юрисдикции	1	1.2
11	**Стаж работы судьей**		
	3–7 лет	38	44.7
	8–15 лет	23	27.1
	Более 15 лет	13	15.3
	До 3 лет	11	12.9

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Результаты анкетирования работников прокуратуры

Общее количество работников прокуратуры, прошедших анкетирование: 92			
№	**Вариант ответа**	**Кол.**	**%**
1	**С какими категориями лиц, чей процессуальный статус в УПК РФ не урегулирован, Вы сталкиваетесь в практике? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка	22	23.9
	Собственник имущества, изъятого при обыске/выемке	29	31.5
	Заявитель	22	23.9
	Близкие родственники умершего (погибшего)	25	27.2
	Собственник имущества, на которое наложен арест (ст. 115 УПК)	26	28.3
	Лицо с ограниченным правом на неприкосновенность жилища	31	33.7
	Лицо с ограниченным правом на тайну переписки/переговоров	38	41.3
	Лицо, чье дело прекращено по нереабилитирующим основаниям	15	16.3
	Залогодатель	31	33.7
	Реабилитируемый	28	30.4
	Поручитель	31	33.7
	Другое	0	0.0
2	**Какими правами лицо не может воспользоваться ввиду неопределенности своего процессуального статуса? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение копий процессуальных решений	28	30.4
	Право на участие при рассмотрении затрагивающего вопроса	39	42.4
	Право на разъяснение прав	14	15.2
	Право на соблюдение сроков рассмотрения обращений	40	43.5
	Право на квалифицированную юридическую помощь	28	30.4
	Право на подачу жалоб и ходатайств	34	37.0
	Право на обжалование действий должностных лиц	21	22.8
	Другое	0	0.0
3	**В какой из ситуаций неопределенность процессуального статуса создает наибольшие затруднения для защиты прав лица? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Непредоставление информации при доследственной проверке	24	26.1
	Обыск/выемка в жилище без обеспечения права на оспаривание	22	23.9
	Отказ в принятии жалобы заявителя (нет статуса потерпевшего)	14	15.2
	Наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование	14	15.2
	Необеспечение прав близких родственников погибшего	17	18.5
	Другое: затрудняюсь ответить	0	0.0
4	**Достаточны ли имеющиеся в УПК РФ гарантии для защиты прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом?**		
	Скорее недостаточны	38	41.3
	Полностью достаточны	35	38.0

	Скорее достаточны	19	20.7
	Полностью недостаточны	0	0.0
5	**Следует ли принимать к рассмотрению жалобы лица без процессуального статуса в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ?**		
	Да	51	55.4
	Нет	41	44.6
6	**Целесообразно ли закрепить в УПК РФ обязанность должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным статусом?**		
	Да	35	38.0
	Нет	57	62.0
7	**Целесообразно ли предусмотреть право на квалифицированную юридическую помощь (адвоката) для таких лиц?**		
	Да	41	44.6
	Нет	51	55.4
8	**Какие процессуальные права лиц с неопределенным статусом наиболее важно закрепить в законодательстве? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение информации о процессуальных решениях	24	26.1
	Право на участие при ограничении прав или свобод	48	52.2
	Право на помощь адвоката с момента вовлечения	42	45.7
	Право на возмещение вреда	33	35.9
	Право на обжалование (ст. 124, 125 УПК РФ)	40	43.5
	Право на меры государственной защиты	28	30.4
	Затрудняюсь с ответом	0	0.0
	Другое	0	0.0
9	**Какую форму нормативной регламентации процессуального положения таких лиц Вы считаете оптимальной?**		
	Данный вопрос не нуждается в дополнительной регламентации	38	41.3
	Введение в УПК РФ общей нормы (универсальной статьи) о минимальных правах лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство без процессуального статуса	6	6.5
	Закрепление процессуального статуса каждой категории таких лиц в разделе II УПК РФ	14	15.2
	Расширение понятийного аппарата участников с неопределенным статусом в ст. 5 УПК РФ	16	17.4
	Закрепление дополнительных гарантий точечно, в отдельных статьях УПК РФ применительно к конкретным ситуациям	18	19.6
	Другое	0	0.0
10	**Оценка эффективности прокурорского реагирования**		
	Высокая	39	42.4
	Скорее низкая	37	40.2
	Скорее высокая	14	15.2
	Низкая	2	2.2
11	**Наиболее частые меры прокурорского реагирования**		

	Разъяснение порядка защиты прав и восстановления нарушенного права	60	65.2
	Инициирование судебного контроля (направление материалов в суд, участие в рассмотрении жалоб)	24	26.1
	Внесение требования (представления) об устранении нарушений	5	5.4
	Отмена незаконного (необоснованного) решения	3	3.3
12	**Уровень прокуратуры**		
	Прокуратура города	35	38.0
	Прокуратура субъекта Российской Федерации	28	30.4
	Межрайонная прокуратура	23	25.0
	Генеральная прокуратура Российской Федерации	5	5.4
	Специализированная прокуратура (транспортная, природоохранная, военная и др.)	1	1.1
13	**Должность**		
	Прокурор	41	44.6
	Помощник прокурора	28	30.4
	Заместитель прокурора	23	25.0
14	**Стаж работы в органах прокуратуры**		
	8–15 лет	41	44.6
	Более 15 лет	24	26.1
	3–7 лет	21	22.8
	До 3 лет	6	6.5

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. Результаты анкетирования следователей (дознавателей)

Общее количество следователей (дознавателей), прошедших анкетирование: 44			
№	**Вариант ответа**	**Кол.**	**%**
1	**С какими категориями лиц, чей процессуальный статус в УПК РФ не урегулирован, Вы сталкиваетесь в практике? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка	22	50.0
	Собственник имущества, изъятого при обыске/выемке	14	31.8
	Заявитель	28	63.6
	Близкие родственники умершего (погибшего)	29	65.9
	Собственник имущества, на которое наложен арест (ст. 115 УПК)	11	25.0
	Лицо с ограниченным правом на неприкосновенность жилища	13	29.5
	Лицо с ограниченным правом на тайну переписки/переговоров	10	22.7
	Лицо, чье дело прекращено по нереабилитирующим основаниям	24	54.5
	Залогодатель	0	0.0
	Реабилитируемый	5	11.4
	Поручитель	0	0.0
	Другое	0	0.0
2	**Какими правами лицо не может воспользоваться ввиду неопределенности своего процессуального статуса? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение копий процессуальных решений	34	77.3
	Право на участие при рассмотрении затрагивающего вопроса	21	47.7
	Право на разъяснение прав	25	56.8
	Право на соблюдение сроков рассмотрения обращений	8	18.2
	Право на квалифицированную юридическую помощь	21	47.7
	Право на подачу жалоб и ходатайств	12	27.3
	Право на обжалование действий должностных лиц	5	11.4
	Другое	0	0.0
3	**В какой из ситуаций неопределенность процессуального статуса создает наибольшие затруднения для защиты прав лица? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Непредоставление информации при доследственной проверке	34	77.3
	Обыск/выемка в жилище без обеспечения права на оспаривание	21	47.7
	Отказ в принятии жалобы заявителя (нет статуса потерпевшего)	22	50.0
	Наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование	17	38.6
	Необеспечение прав близких родственников погибшего	14	31.8
	Другое: затрудняюсь ответить	0	0.0
4	**Достаточны ли имеющиеся в УПК РФ гарантии для защиты прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом?**		
	Скорее недостаточны	29	65.9
	Полностью достаточны	2	4.5

	Скорее достаточны	7	15.9
	Полностью недостаточны	6	13.6
5	**Следует ли принимать к рассмотрению жалобы лица без процессуального статуса в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ?**		
	Да	43	97.7
	Нет	1	2.3
6	**Целесообразно ли закрепить в УПК РФ обязанность должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным статусом?**		
	Да	38	86.4
	Нет	6	13.6
7	**Целесообразно ли предусмотреть право на квалифицированную юридическую помощь (адвоката) для таких лиц?**		
	Да	32	72.7
	Нет	12	27.3
8	**Какие процессуальные права лиц с неопределенным статусом наиболее важно закрепить в законодательстве? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение информации о процессуальных решениях	33	75.0
	Право на участие при ограничении прав или свобод	19	43.2
	Право на помощь адвоката с момента вовлечения	20	45.5
	Право на возмещение вреда	25	56.8
	Право на обжалование (ст. 124, 125 УПК РФ)	11	25.0
	Право на меры государственной защиты	7	15.9
	Затрудняюсь с ответом	0	0.0
	Другое	0	0.0
9	**Какую форму нормативной регламентации процессуального положения таких лиц Вы считаете оптимальной?**		
	Данный вопрос не нуждается в дополнительной регламентации	4	9.1
	Введение в УПК РФ общей нормы (универсальной статьи) о минимальных правах лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство без процессуального статуса	5	11.4
	Закрепление процессуального статуса каждой категории таких лиц в разделе II УПК РФ	7	15.9
	Расширение понятийного аппарата участников с неопределенным статусом в ст. 5 УПК РФ	20	45.5
	Закрепление дополнительных гарантий точечно, в отдельных статьях УПК РФ применительно к конкретным ситуациям	8	18.2
	Другое	0	0.0
10	**Приходилось ли сталкиваться с обращениями лиц без статуса?**		
	Да, иногда	23	52.3
	Да, регулярно	17	38.6
	Крайне редко	4	9.1
11	**Действия при поступлении обращения**		
	Рассматриваю по существу и принимаю процессуальное решение	27	61.4

	Направляю для рассмотрения руководителю следственного органа (начальнику органа дознания)	9	20.5
	Разъясняю порядок обращения к прокурору или в суд	8	18.2
12	**Разъясняете ли права вовлеченным лицам?**		
	Да, в отдельных случаях	34	77.3
	Да, всегда	9	20.5
	Нет, так как такая обязанность законом не предусмотрена	1	2.3
13	**Затруднения при взаимодействии с лицами без статуса (можно выбрать несколько вариантов)**		
	Неопределенность в объеме прав, которые необходимо разъяснять	35	79.5
	Отсутствие нормативного регулирования порядка взаимодействия	22	50.0
	Отсутствие процессуального механизма рассмотрения их обращений	10	22.7
	Сложности при обеспечении доступа к материалам дела (проверки)	8	18.2
	Затруднений не возникает	5	11.4
14	**Место службы**		
	Следственный отдел (отделение) Следственного комитета Российской Федерации	18	40.9
	Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по субъекту	11	25.0
	ФСБ России	6	13.6
	Орган дознания системы МВД России	3	6.8
	СО МВД России	2	4.5
	Главное следственное управление МВД России по г. Москве	1	2.3
	Управление на транспорте	1	2.3
	Иной следственный орган	1	2.3
	Орган дознания иных ведомств (ФССП, ФТС, МЧС и др.)	1	2.3
15	**Должность**		
	Следователь	34	77.3
	Следователь по особо важным делам	5	11.4
	Старший следователь	3	6.8
	Старший дознаватель	1	2.3
	Дознаватель	1	2.3
16	**Стаж работы следователя**		
	3–7 лет	23	52.3
	8–15 лет	14	31.8
	До 3 лет	5	11.4
	Более 15 лет	2	4.5

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Результаты анкетирования адвокатов

Общее количество адвокатов, прошедших анкетирование: 87			
№	**Вариант ответа**	**Кол.**	**%**
1	**С какими категориями лиц, чей процессуальный статус в УПК РФ не урегулирован, Вы сталкиваетесь в практике? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка	52	59.8
	Собственник имущества, изъятого при обыске/выемке	34	39.1
	Заявитель	57	65.5
	Близкие родственники умершего (погибшего)	47	54.0
	Собственник имущества, на которое наложен арест (ст. 115 УПК)	34	39.1
	Лицо с ограниченным правом на неприкосновенность жилища	16	18.4
	Лицо с ограниченным правом на тайну переписки/переговоров	9	10.3
	Лицо, чье дело прекращено по нереабилитирующим основаниям	13	14.9
	Залогодатель	15	17.2
	Реабилитируемый	10	11.5
	Поручитель	2	2.3
	Другое	0	0.0
2	**Какими правами лицо не может воспользоваться ввиду неопределенности своего процессуального статуса? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение копий процессуальных решений	70	80.5
	Право на участие при рассмотрении затрагивающего вопроса	46	52.9
	Право на разъяснение прав	54	62.1
	Право на соблюдение сроков рассмотрения обращений	52	59.8
	Право на квалифицированную юридическую помощь	16	18.4
	Право на подачу жалоб и ходатайств	23	26.4
	Право на обжалование действий должностных лиц	21	24.1
	Другое	0	0.0
3	**В какой из ситуаций неопределенность процессуального статуса создает наибольшие затруднения для защиты прав лица? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Непредоставление информации при доследственной проверке	60	69.0
	Обыск/выемка в жилище без обеспечения права на оспаривание	47	54.0
	Отказ в принятии жалобы заявителя (нет статуса потерпевшего)	55	63.2
	Наложение ареста на имущество без разъяснения права на обжалование	40	46.0
	Необеспечение прав близких родственников погибшего	44	50.6
	Другое: затрудняюсь ответить	2	2.3
4	**Достаточны ли имеющиеся в УПК РФ гарантии для защиты прав лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом?**		
	Скорее недостаточны	49	56.3
	Полностью достаточны	2	2.3
	Скорее достаточны	8	9.2
	Полностью недостаточны	28	32.2

5	**Следует ли принимать к рассмотрению жалобы лица без процессуального статуса в порядке ст. 124 и 125 УПК РФ?**		
	Да	86	98.9
	Нет	1	1.1
6	**Целесообразно ли закрепить в УПК РФ обязанность должностных лиц разъяснять права лицам с неопределенным статусом?**		
	Да	79	90.8
	Нет	8	9.2
7	**Целесообразно ли предусмотреть право на квалифицированную юридическую помощь (адвоката) для таких лиц?**		
	Да	51	58.6
	Нет	36	41.4
8	**Какие процессуальные права лиц с неопределенным статусом наиболее важно закрепить в законодательстве? (Можете выбрать несколько вариантов ответа)**		
	Право на получение информации о процессуальных решениях	79	90.8
	Право на участие при ограничении прав или свобод	58	66.7
	Право на помощь адвоката с момента вовлечения	45	51.7
	Право на возмещение вреда	53	60.9
	Право на обжалование (ст. 124, 125 УПК РФ)	47	54.0
	Право на меры государственной защиты	3	3.4
	Затрудняюсь с ответом	0	0.0
	Другое	0	0.0
9	**Какую форму нормативной регламентации процессуального положения таких лиц Вы считаете оптимальной?**		
	Данный вопрос не нуждается в дополнительной регламентации	5	5.7
	Введение в УПК РФ общей нормы (универсальной статьи) о минимальных правах лиц, фактически вовлеченных в уголовное судопроизводство без процессуального статуса	34	39.1
	Закрепление процессуального статуса каждой категории таких лиц в разделе II УПК РФ	30	34.5
	Расширение понятийного аппарата участников с неопределенным статусом в ст. 5 УПК РФ	3	3.4
	Закрепление дополнительных гарантий точечно, в отдельных статьях УПК РФ применительно к конкретным ситуациям	13	14.9
	Другое	2	2.3
10	**Приходилось ли представлять интересы лиц с неопределенным статусом?**		
	Да, единично	44	50.6
	Да, неоднократно	29	33.3
	Нет	14	16.1
11	**Затруднительность доступа адвоката к материалам**		
	Скорее затруднителен	37	42.5
	Очень затруднителен	32	36.8
	Скорее не затруднителен	16	18.4

	Не затруднителен	2	2.3
12	**Форма защиты, чаще приводящая к результату**		
	Зависит от конкретной ситуации	57	65.5
	Судебный порядок (обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ)	16	18.4
	Обращение к прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ	11	12.6
	Ведомственный порядок (обращение к руководителю следственного органа)	1	1.1
	Другое: затрудняюсь ответить	1	1.1
13	**Стаж адвокатской деятельности**		
	3–7 лет	38	44.2
	8–15 лет	27	31.4
	Более 15 лет	11	12.8
	До 3 лет	10	11.6